

Азизова Л. Н.

Общественно-политическая деятельность

Д. П. Рунича

Азизова Евгения Наильевна

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
Д.П. РУНИЧА

Монография

ВОРОНЕЖ, 2014

УДК 94:32(47+57)"1778/1860"(092)
ББК 63.3(2)52-8

Научный редактор:
доктор исторических наук, профессор А.Ю. Минаков

Азизова Е.Н. Общественно-политическая деятельность Д.П. Рунича/Монография-
Воронеж, 2014. – 163 с.

ISBN 978-5-4473-0048-7

В монографии создан подробный исторический портрет Дмитрия Павловича Рунича (1778 – 1860), попечителя Петербургского учебного округа и организатора «суда» над профессорами Петербургского университета, которые в 1821 г. были обвинены в религиозном и политическом «вольномудстве». На основе архивных материалов, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, проанализированы взгляды и идейные мотивы Д.П. Рунича, которыми он руководствовался в своей деятельности.

Исследование жизни и деятельности Д.П. Рунича предоставило возможность уточнить генезис русского консерватизма, национализма, масонства и политики в области просвещения и цензуры в первой четверти XIX в.

Монография предназначена для историков и всех интересующихся историей возникновения русского консерватизма и национализма, а также масонством и политикой в области просвещения и цензуры.

Azizova E.N. Social and political activity of D.P. Runich. Monograph. Voronezh, 2014. 163 p.

The monograph creates a detailed historical portrait of Dmitri Pavlovich Runich (1778 - 1860), a trustee of the St. Petersburg Education District and the organizer of the "trial" of professors of St. Petersburg University accused of religious and political "dangerous-thinking" in 1821. Based on archive materials, many of which are introduced into the scientific use for the first time, the monograph analyses views and ideological motives that guided D.P. Runich in his activity. The study of his life and work provided an opportunity to clarify the genesis of Russian conservatism, nationalism, freemasonry and policy in education and censorship in the first quarter of the XIX century.

The monograph is intended for historians and all those who are interested in the history of origin of Russian conservatism and nationalism, as well as freemasonry and policy in education and censorship.

УДК 94:32(47+57)"1778/1860"(092)
ББК 63.3(2)52-8

ISBN 978-5-4473-0048-7

© Е.Н. Азизова, 2014

Напечатано из средств гранта Воронежского государственного университета
по Программе стратегического развития

Глава I ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

§ 1. Историография вопроса

В исследовательских работах последнего времени все большее место уделяется истории возникновения русского консерватизма и национализма. Кроме того, достаточно широко стало изучаться масонство и политика в области просвещения и цензуры. Фигура Дмитрия Павловича Рунича (1778 – 1860), его взгляды и общественно-политическая деятельность фокусируют целых четыре направления исторических исследований. Известен он, прежде всего, как попечитель Петербургского учебного округа и организатор «суда» над профессорами Петербургского университета, которые в 1821 г. были обвинены в религиозном и политическом «вольномудстве». Деятельность его на этом посту в 1820-х гг. изучена относительно полно, однако ни разу не поднимался вопрос о взглядах и идейных мотивах, которыми он руководствовался в этот период. Таким образом, до сих пор не появилось ни одной монографии, описывающей воззрения Д.П. Рунича и характеризующей его как носителя определенной идеологической концепции. Однако исследование жизни и деятельности Рунича (путем изучения богатого архивного материала, который до этого в научный оборот не вводился) позволяет уточнить сложившиеся в исторической науке представления о генезисе консерватизма, национализма, масонства и политики в области просвещения и цензуры в первой четверти XIX в.

В историографии деятельность Д.П. Рунича оценивалась со знаком «минус» как дореволюционными, так и современными историками.

Дореволюционные историки касались личности Рунича только в связи с историей Петербургского университета или «погромом» Казанского университета М.Л. Магницким. Одним из первых о нем написал цензор Е.М. Феоктистов, изучавший жизнь и деятельность Магницкого¹. Рассмотрев деятельность Рунича в Петербургском университете на основе документов о разбирательстве по поводу книги А.П. Куницына «Естественное право» и о суде над профессорами в 1821 г., Феоктистов сделал вывод, что Магницкий нашел в Руниче «верного сподвижника», «ревностного союзника», что у них была одна программа действий. Он считал, что Магницкий способствовал возвышению Рунича, чтобы опереться на него в Главном правлении училищ и утвердить свою систему не только в Казанском университете, но и в других университетах Российской империи, а Рунич послушно выполнял «внушения» Магницкого, так как его честолюбие и жажда почестей не соответствовали его способностям и познаниям. Сюжет суда над профессорами Петербургского университета в 1821 г. и образ Рунича как «ревностного союзника» Магницкого утвердились в историографии надолго. Можно сказать, что они стали традиционными. Рунича называли

¹ Феоктистов Е.М. Магницкий. Материалы для истории просвещения в России. СПб. 1865.

«мракобесом»², «обскурантом и гасильщиком просвещения»³, «не в меру усердным попечителем Петербургского университета»⁴, «узколобым изувером, ханжой и вполне искренним реакционером»⁵, «тенденциозным выразителем мрачного настроения, овладевшего в то время душой Государя»⁶, «другом и протезе Магницкого»⁷. Историки отождествляли позицию Рунича с позицией Магницкого, не замечая никакой разницы в их взглядах. Практически все они полагали, что Рунич «реформировал» Петербургский университет, следуя примеру Магницкого. Опираясь на воспоминания современников (Н.И. Греча, Ф.Ф. Вигеля, архимандрита Фотия, А.Ф. Воейкова), исследователи видели только результат его действий: увольнение прогрессивной части профессоров, снижение уровня образования, застой и реакцию. «Записки» самого Рунича использовались ими эпизодически, в основном для доказательства его неправоты и обскурантизма.

Документы о суде над профессорами 1821 г., которые стали основным источником для последующих историков, в приложении к своей книге опубликовал М.И. Сухомлинов⁸. Будучи сторонником просветительских начинаний, он отрицательно относился к любым ограничениям университетской автономии и вмешательства бюрократии в развитие научной мысли и традиций образования. Истории Петербургского университета с момента основания до 1825 г. Сухомлинов посвятил отдельную главу, считая, что в этот период преобразование университета заключалось в «удалении» профессоров и во введении в университетскую жизнь «новых начал», которые проводил Ученый комитет. Опираясь на опубликованные им документы и воспоминания современников, он отождествлял позиции Рунича и Магницкого и впервые высказал мысль о союзе Рунича, директора университета Д.А. Кавелина и ректора Е.Ф. Зябловского во время суда. Сухомлинов во многом повлиял на оценки последующей историографии, однако он не исследовал «преобразования», которые Рунич осуществил в Петербургском университете после суда над профессорами.

Впервые программу действий Рунича в Петербургском университете воссоздал доктор восточной словесности Петербургского университета

² Богданович М.И. История императора царствования Александра I и России в его время. СПб. Т. V. 1871.

³ Пекарский П. О жизни и трудах К.И. Арсеньева // Записки Императорской Академии Наук. СПб. 1871. Т. XX. Кн. 1.

⁴ Арсеньев К.И. // Венгеров С.А. Краткий биографический словарь русских писателей и ученых. СПб. 1889. Т. 1.

⁵ Скабичевский А.М. Очерки русской цензуры (1700 – 1863). СПб. 1892.

⁶ Чистович И.А. Руководящие деятели духовного просвещения. СПб. 1894.

⁷ Введенский А.И., Лосев А.Ф., Радлов Э.Л., Шпет Г.Г. Очерки истории русской философии. Свердловск: Издательство Уральского университета. 1991.

⁸ «Выписки вредных мест из лекций обвиненных профессоров», «Краткая записка» Д.П. Рунича и «Историческая записка» М.Г. Плисова, «Вопросные пункты» и ответы на них обвиненных профессоров, мнения о суде М.Л. Магницкого, С.С. Уварова, А.С. Шишкова и других. Сухомлинов М.И. Исследования и статьи по литературе и просвещению. СПб. 1889. Т. 1. Эта работа была впервые опубликована в журнале министерства Народного просвещения за 1865 и 1866 гг.

В.В. Григорьев в «Исторической записке», составленной по поручению совета университета⁹. В главе, посвященной первому периоду существования Петербургского университета (1819 – 1835), он рассмотрел подготовку, суд 1821 г. и его последствия для университета, основываясь на работе М.И. Сухомлинова, докладе П. Плетнева и архивных материалах¹⁰. По своим взглядам Григорьев примыкал к славянофилам и считал, что требования коренного преобразования университетов и всей системы общественного воспитания, звучавшие в Западной Европе в конце 1810-х гг., были неприемлемы для России. Он назвал Главное правление училищ во главе с А.Н. Голицыным «кружком властолюбивых мистиков» и «ретроградов-честолюбцев», «пропитанных иезуитизмом», а их методы – «инквизиторскими»: «гнать и давить ненавистную и гибельную для них свободу совести и научного исследования». По его мнению, согласно плану Главного правления была составлена программа действий Рунича, копировавшего работу Магницкого. Он выступил против книги А.П. Куницына, нашел «достойного и ревностного помощника» – Д.А. Кавелина, доставил выписки из тетрадей студентов в Главное правление училищ, с помощью Кавелина отобрал союзных профессоров и провел суд. Григорьев дал крайне отрицательную оценку последствий суда 1821 г., не распространяясь, подобно М.И. Сухомлинову, о дальнейших «преобразованиях» Рунича в университете и округе.

Историк русской общественной мысли, исследователь литературы и фольклора А.Н. Пыпин рассматривал суд над профессорами Петербургского университета 1821 г. в контексте внутренней политики реакции «полицейского государства», позаимствованной у Германии и Австрии в последние годы правления Александра I¹¹. Придерживаясь умеренно демократических взглядов, долголетний редактор журнала «Вестник Европы» называл консерватизм «вообще весьма непривлекательным», полагая «узкий консерватизм» крайне вредным для интересов общества и народа. Он выступал за развитие общественной самостоятельности в царствование Александра I и не одобрял политику императора, следовавшего «только внушениям европейской реакции, которой вторили домашние интриганы или совершенно невежественные обскуранты». К «ревностнейшим обскурантам» и «злейшим врагам либерализма» Пыпин относил М.Л. Магницкого, архимандрита Фотия, Ф.В. Ростопчина и других, в том числе и Рунича, называя его наряду с Магницким «обскурантом библейского общества»¹². Пыпин считал, что суд 1821 г. в Петербургском университете проводился в рамках политики, направленной против «мнимых заговоров и мнимого революционного духа». Историк так называемого охранительного направления

⁹ Григорьев В.В. Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. Историческая записка, составленная по поручению совета университета. СПб. 1870.

¹⁰ Первое двадцатипятилетие Императорского Санкт-Петербургского университета. Историческая записка, по определению Университетского Совета читанная Ректором Университета П. Плетневым на публичном торжественном акте, 8-го февраля 1844 г. // Санкт-Петербургский университет 1840 – 44. СПб. 1841 – 1844.

¹¹ Пыпин А.Н. Общественное движение в России при Александре I. СПб. 1885.

¹² Пыпин А.Н. Религиозные движения при Александре I. СПб. 2000.

Н.К. Шильдер, автор фундаментальных жизнеописаний императоров Павла I, Александра I и Николая I, тоже дал оценку деятельности Рунича и Магницкого¹³. Он называл Магницкого, равно как А.А. Аракчеева, людьми, «наиболее вредными для общественного благополучия», которые с целью «некоторого обновления правительственной системы» должны были сойти с «занимаемого ими поприща деятельности». Рунича же Шильдер включил в группу лиц, враждебно относившихся к либерализму царя, среди которых были Г.Р. Державин, А.С. Шишков, А.А. Беклешев. Считая Рунича «сподвижником и подражателем» Магницкого, он отметил разницу в их университетских «преобразованиях»: Магницкий превратил Казанский университет в «монашеский средневековый орден», а Рунич из Петербургского университета хотел создать первый в России «христианский университет».

А.А. Титов, писатель, археолог, этнограф, палеограф и предприниматель, впервые отдельными изданиями опубликовал несколько произведений Д.П. Рунича¹⁴. Будучи правителем дел ярославской ученой архивной комиссии и основателем ростовского музея церковных древностей, он увлекался сбором рукописей. Во вступлении к «Автобиографическим запискам» он дал общую оценку деятельности Рунича, считая «Записки» Н.И. Греча «более правдивыми» по сравнению с другими воспоминаниями о Руниче, характеризуя его как «искреннего друга и почитателя» Магницкого¹⁵. В «деле» профессоров Петербургского университета Титов больше доверял сведениям «Исторической записки» М.Г. Плисова и «Краткой записки» Д.П. Рунича¹⁶. На основе найденных им писем Рунича 1821 и 1842 гг. к А.Н. Голицыну и какому-то неизвестному лицу он сделал вывод, что Рунич на посту попечителя Петербургского учебного округа действовал согласно желанию министра духовных дел и народного просвещения и сам был виноват в своей опале, так как растратил казенные деньги, предназначенные для строительства университетского здания. Более того, Титов впервые упомянул о принадлежности Рунича к масонству.

Историк русской литературы Н.Н. Булич впервые указал на то, что он был «воспитанником Лопухина и московских масонов»¹⁷. По его словам, Рунич

¹³ Шильдер Н.К. Император Николай I, его жизнь и царствование. СПб. 1897. Т. 2; Его же. Император Николай I, его жизнь и царствование. Кн. 2. М. 1996.

¹⁴ Рунич Д.П. Замечания достойные эпохи жизни и вообще ход оной // Титов А. Автобиографические записки Д.П. Рунича. Ярославль. 1909; Его же. Источники масонства или Свободного Каменщичества // Там же; Его же. Россия от 1833 до 1854 г. Взгляд на древний и новый ее быт (из бумаг Д.П. Рунича) с предисловием А. Титова. Ярославль. 1909.

¹⁵ Титов А. Автобиографические записки Д.П. Рунича. Ярославль. 1909.

¹⁶ Историческая записка о деле Санкт-Петербургского университета // Чтения в обществе истории и древностей российских (Далее: ЧОИДР). 1862. Кн. 3; Краткая записка о Общем собрании Императорского Санкт-Петербургского университета 3, 4 и 7-го числа ноября сего 1821 г. (в ГПУ) // Там же; О производстве дела по обвинению профессоров Императорского Санкт-Петербургского университета в чрезвычайных собраниях Правления и конференции одного университета 3-го, 4-го и 7-го ноября, 1821 г. // Там же.

¹⁷ Булич Н.Н. Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX в. СПб. 1912. Т. 1 – 2. Первое издание после смерти в 1902 г. в СПб. «Очерки по истории русской литературы с начала XIX в.».

смог сделать карьеру благодаря связям с «мистиками» и их рекомендации Голицыну.

Г.В. Вернадский¹⁸, автор (впоследствии) исторической концепции евразийства, в качестве диссертации в Московском университете защитил работу, посвященную русскому масонству в царствование Екатерины II. Он впервые указал на принадлежность Рунича к «Лабзинскому кругу Новиковских традиций», считая его близким другом Н.И. Новикова и А.Ф. Лабзина. Вернадский доверял Руничу в оценке Новикова как «истинного министра народного просвещения», ссылаясь на его «Записки» и произведение «Россия от 1633 до 1854 г.»¹⁹.

Наиболее полной из написанных до настоящего времени биографий Рунича является статья В. Корсаковой в «Русском биографическом словаре»²⁰. Испытанная сотрудница этого многотомного издания была первой среди тех, кто попытался составить краткое жизнеописание Рунича. Биографический очерк этого деятеля, по ее словам, был опытом подведения итогов изучения развития и изменения его воззрений, его литературных трудов, сношений с видными масонами и служебной деятельности. Корсакова охарактеризовала Рунича как «одного из главных возбудителей и деятелей возмутительного суда над несколькими профессорами Петербургского университета, обвинявшимися в 1821 г. в религиозном и политическом “вольномудстве”». Среди отличительных черт мирозерцания Рунича, создавших ему «печальную известность», она назвала «религиозный мистицизм, в соединении с внешней православной обрядностью, и преклонение перед властью имущими». По ее мнению, от крайностей юности – «богохульных песен» в компании «беспутных» гостей, он в результате внутренней борьбы пришел к другой крайности – «совершеннейшему обскурантизму»: неприятию «чужеземного влияния» и просветительских идей и превознесению русских национальных особенностей. Биография, в основу которой был положен послужной список Д.П. Рунича, была написана на большинстве опубликованных к тому времени источников и монографий, но на данный момент она устарела.

Историк С.В. Рождественский впервые исследовал программу преобразований Рунича на посту попечителя и ее осуществление. Он не ограничился судом над профессорами, но и заглянул в последовавшие за этим событием годы, основываясь на данных опубликованного самим Рождественским огромного массива документов по истории Санкт-Петербургского университета в 1820-х гг. XIX в.²¹ Главной темой его исследований были вопросы развития народного просвещения в XVIII – XX вв. Начав с подбора обширного статистического и

¹⁸ Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. СПб. 1999. Впервые книга была издана в 1917 г.

¹⁹ Там же. С. 316, 420.

²⁰ Корсакова В. Д.П. Рунич // Русский биографический словарь «Романова – Рясовский». СПб. 1918.

²¹ Санкт-Петербургский университет в первое столетие его деятельности (1819 – 1919). Материалы по истории Санкт-Петербургского университета (1819 – 1835). Пг. 1919. Т. 1. (Далее: СПб. университет).

архивного материала к столетнему юбилею министерства (8 сентября 1802 г.)²², в следующей своей книге об истории университета Рождественский отдельную главу посвятил деятельности Рунича на посту попечителя²³. Он считал, что в основу его преобразований были положены Инструкция Ученому комитету, в которой содержались рекомендации, как создать «оплот бездне, заполняющей Европу неверием и развратом», и действия Магницкого в Казанском университете. Опираясь на ранее опубликованные и изданные им документы, Рождественский изложил свою точку зрения на суд. С одной стороны, он повторял мнение предшественников и цитировал ректора университета М.А. Балугьянского, считая суд «погромом» и «инквизицией», тонко рассчитанными Магницким и его сподвижниками. С другой стороны, он впервые, доверяя сведениям М.Г. Плисова, выделил противостояние двух партий на суде: «благонамеренных сторонников» Рунича и «противной партии», не поддерживавшей его действия. В целом он отрицательно оценивал деятельность попечителя, считая, что «готовя расправу, Рунич старался очернить существующий порядок Петербургского университета», и его «реформы» носили характер «катастрофической ломки» принципов университета, построенных «на началах рационалистической философии XVIII в.»²⁴.

Советская историография безоговорочно оценивала Рунича как «закоснелого консерватора», «мракобеса» и мистика, в какой-то степени следуя традиции дореволюционных историков. В советское время идеологический климат не благоприятствовал научной разработке истории русского консерватизма, который отождествлялся с реакционным мировоззрением. Тема считалась бесперспективной, и консервативная идеология в лучшем случае рассматривалась как объект для критики. Идеологи и практики консерватизма назывались «маховыми реакционерами» и «контрреволюционерами», всячески тормозящими исторический процесс, следовательно, не заслуживающими отдельных серьезных исследований. Рунича считали «другом и протезе Магницкого»²⁵, защитником самодержавия от «опасных выводов» передовых профессоров Петербургского университета²⁶. Историки касались только его деятельности на посту попечителя Петербургского учебного округа и суда 1821 г., опираясь в основном на предшествующие исследования.

К ранее изученным воспоминаниям современников добавились мемуары И.И. Панаева, К.И. Арсеньева, А.В. Никитенко и Н.И. Глинки.

С.П. Мельгунов и А.Н. Шебунин в работах об общей контрреволюционной направленности европейской политики Александра I стали рассматривать

²² Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения. 1802 – 1902. Издание министерства народного просвещения. СПб. 1902.

²³ Его же. Первоначальное образование Санкт-Петербургского университета 8 февраля 1819 г. и его ближайшая судьба. Петроград. 1919.

²⁴ Там же. С. XXXIX.

²⁵ Косачевская Е.Н. М.А. Балугьянский и Петербургский университет в первой четверти XIX в. Л. 1971.

²⁶ Познанский В.В. Очерк формирования русской национальной культуры. Первая половина XIX в. М. 1975.

действия Д.П. Рунича как следствие наступившей общеевропейской реакции, которая охватила правительства и господствующие классы в борьбе с революционными началами²⁷.

А.В. Предтеченский, ссылаясь на неизданную часть «Записок» Рунича, причислял его к российским «реакционерам», таким как А.С. Шишков, Ф.В. Ростопчин, Г.Р. Державин, А.А. Беклешев, А.Б. Куракин, которые протестовали против каких бы то ни было реформ, полагая, что если правительство вступит на путь преобразований, то гибель его неизбежна²⁸. Принадлежа к петербургской школе ученых-гуманитариев, известной сдержанностью в выводах и пристальным изучением документов, он впервые указал на связь Рунича с министром внутренних дел О.П. Козодавлевым (Рунич выполнял поручения Козодавлева в его практической программе протекционизма) и называл его, наряду с Магницким, «единомышленником и деятельным помощником» в осуществлении реакционной политики министра духовных дел и народного просвещения А.Н. Голицына.

М.В. Нечкина и В.Г. Базанов впервые обратили внимание на участие Рунича в Особом комитете для устройства и наблюдения за училищами взаимного обучения, в котором он, совместно с Магницким, противодействовал распространению передовых научных и республиканских идей Вольным обществом учреждения училищ взаимного обучения, созданным тайной организацией декабристов «Союз Благоденствия». Историк литературы и фольклорист В.Г. Базанов полагал, что Магницкий и Рунич, действуя совместно, сумели принять «твердые и решительные меры», чтобы закрыть это прогрессивное общество передовых писателей²⁹. Академик М.В. Нечкина, изучавшая историю русского революционного движения и общественной мысли, а также общую концепцию русского исторического процесса, в этой связи назвала Рунича «мракобесом»³⁰.

До 80-х гг. XX в. господствовала крайне тенденциозная оценка консерватизма: консерваторы рассматривались вне контекста исторического процесса и изображались в виде «монстров». Только с середины 1980-х гг. консерватизм стал политически и персонально престижным, научные интересы историков в какой-то степени сместились в сторону изучения консерватизма и его представителей. Тем не менее, оценки современных историков все еще определяет дореволюционная историография. Так, Рунича по-прежнему изображают как «закоснелого консерватора» и реакционера, отождествляя его позицию с поведением М.Л. Магницкого и придерживаясь традиционно негативной оценки его деятельности³¹. Но наметились новые тенденции: более интенсивное обра-

²⁷ Мельгунов С.П. Дела и люди Александровского времени. Т. 1. Берлин. 1923; Шебунин А.Н. Европейская контрреволюция в первой половине XIX в. Л. 1925.

²⁸ Предтеченский А.В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. М.; Л. 1957. Монография была закончена в 1949 г., но впервые издана только в 1957 г. из-за обвинения автора в «космополитизме и низкопоклонстве».

²⁹ Базанов В.Г. Ученая республика. М.; Л. 1964.

³⁰ Нечкина М.В. Движение декабристов. Т. 1. М. 1955.

³¹ Минаева Н.В. Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение в начале XIX века. Саратов. 1982; Сафонов М.М. Проблема реформ в правитель-

ние к материалам архивов и изучение действий Рунича в контексте религиозной политики Александра I и деятельности «русской православной партии». Это выводит задачу исследования данной неординарной личности, его литературных трудов и государственной деятельности на более высокий уровень работы.

С.И. Михайловский, описывая историю отношений известного художника А.Л. Витберга с семейством Руничей, на основе дневника его ученика Д.Я. Чарушина и других архивных документов впервые указывает на принадлежность Рунича и Витберга к масонской ложе А.Ф. Лабзина «Умиравший сфинкс»³². Он также впервые раскрывает сюжет отношений Рунича и Лабзина: историю их дружбы и соперничества из-за влияния знаменитого масона Н.И. Новикова и вопроса о преемственности его масонских актов. Михайловский склонен считать, что наследником стал Рунич, получивший теоретический градус от Новикова и переставший посещать ложу Лабзина.

М.А. Любавин, указывая на его преклонение перед знаменитым масоном, пишет, что «казенное православие Рунича можно назвать тупиковой ветвью новиковского просветительства»³³. На основе материалов Российского государственного исторического архива (РГИА) и архива Рунича, хранящегося в рукописном отделе Института русской литературы и искусства (ИРЛИ. РО), он впервые дает положительную оценку Руничу, называя его «образованным человеком с отличными способностями», который был «отнюдь не невеждою и неглупым человеком». Более того, Любавин считает, что «Записки Рунича, еще с молодых лет не чуждого литературе, представляют особый интерес как свидетельство разумного и порой даже либерального человека». Действия Рунича на посту попечителя Петербургского учебного округа он объясняет влиянием Магницкого и Голицына.

А.И. Серков в энциклопедии русского масонства, опубликованной на основе предшествующей историографии и ранее закрытых масонских архивов, подвел итог изучению масонской биографии Рунича³⁴. Он характеризует его как русского масона, члена общества Грабянки, ложи «Умиравший сфинкс» и обладателя теоретического градуса Н.И. Новикова. Подчеркивая значимость фигуры Рунича в среде московского розенкрейцерства, Серков находит его воспоминания и письма важными документами по истории масонства, которые, по мнению исследователя, необходимо опубликовать наряду с перепиской С.И. Гамалеи и А.Я. Поздеева.

В.Я. Гросул, вслед за Любавиным, считает Рунича «весьма осведомленным мемуаристом», с другой стороны, он называет его «проводником новой

ственной политике России на рубеже XVIII – XIX вв. Л. 1988; Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М. 1989; Сахаров В.А. Александр I. М. 1998; Зорин А. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой четверти XIX в. М. 2001; Жуковская Т.Н. Правительство и общество при Александре I. Петрозаводск. 2002.

³² Михайловский С.И. «Семейные портрет Руничей» А.Л. Витберга // Страницы истории отечественного искусства. Вып. 1. XVIII – первая половина XIX века. СПб. 1993.

³³ Любавин М.А. Книги профессора Куницына // Любавин М.А. Лицейские учителя Пушкина и их книги. СПб. 1997.

³⁴ Серков А.И. Русское масонство 1731 – 2000. М. 2001.

идеологической реакции» второй половины царствования Александра I³⁵. Изучая зарождение российского политического консерватизма, Гросул сделал вывод, что проводниками реакционных установок становились лица, недавно считавшиеся либералами и позднее превратившиеся в антизападников, «поборников воинственной религиозности, решительных противников конституций, парламентов, гражданского общества»³⁶. Он причисляет Рунича, «одного из крайне правых деятелей», к партии «убежденных консерваторов», повторяя выводы А.В. Предтеченского. Ф.А. Петров, как и Гросул, придерживается мнения Н.И. Греча, называя Рунича «ревнителем и поклонником» Магницкого, и оценивает его деятельность в Петербургском университете со знаком минус³⁷. Более детально он изучил суд 1821 г. в главе «Разгром Санкт-Петербургского университета», проанализировав предшествующую историографию после знакомства с архивными материалами отдела письменных источников государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Во-первых, Петров считает Рунича одним из ближайших сподвижников Голицына в осуществлении новой религиозной политики в сфере образования. Во-вторых, он высказывается против деления членов конференции университета на «белых» и «черных», так как большинство профессоров не проявляло последовательности в деле защиты коллег. В-третьих, Петров пополнил состав помощников Петербургского попечителя, включив в него «доверенное лицо» Рунича А.А. Дегурова. Наконец, он подробно разобрал результаты суда и его последствия, приведя количественные данные о сокращении иностранной и составе отечественной профессуры, а также численности студентов. В целом Петров считает, что «расправа» Рунича в Петербургском университете была составной частью общего плана уничтожения университетской автономии.

Е.А. Вишленкова, занимающаяся исследованием религиозной политики в царствование Александра I, указывает другую причину ревизии Рунича. Сначала она связывала реформу университетов с правительственным курсом на создание «евангельского государства», ориентированного на распространение народного просвещения, насаждение веротерпимости и заботу о низших классах³⁸, затем объяснила действия Рунича в рамках общей ревизии российских университетов в начале 1820-х гг., когда основой воспитания было признано православие, над учебным процессом устанавливался правительственный контроль, а в учебные программы вводилась военно-монастырская дисциплина и схоластика, изгонялись многие иностранные профессора и их ученики³⁹.

³⁵ Гросул В.Я. Зарождение российского политического консерватизма // Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М. 2000.

³⁶ Его же. Истоки трех русских революций // Новая и новейшая история. 1997. № 6.

³⁷ Петров Ф.А. Российские университеты в первой половине XIX в. Формирование системы университетского образования. Кн. 2. Становление системы университетского образования в России в первые десятилетия XIX в. Ч. 3. М. 1999.

³⁸ Вишленкова Е.А. Религиозная политика: официальный курс и «общее мнение» России Александровской эпохи. Казань. 1997.

³⁹ Ее же. Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России в первой четверти XIX века. Саратов. 2002.

Ю.Е. Кондаков, вслед за предшественниками, отождествляет Рунича и Магницкого, прославившихся «университетскими чистками», и называет их людьми в окружении императора, «легко менявшими свои религиозные взгляды вслед за политической конъюнктурой»⁴⁰. Но он впервые акцентирует внимание на факте расхождения их жизненных путей и взглядов. Выступив первоначально совместно против масонского «Санкт-Петербургского общества учреждения училищ по методу взаимного обучения», Рунич в 1824 г. не допустил к публикации рассуждения Магницкого о конституциях, хотя они и восхваляли православие. В целом, Ю.Е. Кондаков считает Д.П. Рунича не самостоятельной творческой личностью, а лишь последователем господствующей «политической линии» и «жертвой религиозных экспериментов Александра I»⁴¹. Так, до 1821 г. Рунич находился под масонским влиянием А.Ф. Лабзина, потом стал действовать по прямому указанию руководителей Соединенного министерства А.Н. Голицына и В.М. Попова, ориентированных на доктрины Библейского общества, при Николае I оказался «выброшенным за борт», не участвовал в политической жизни, пытаясь в своих масонских сочинениях и автобиографических записках реабилитировать масонство перед потомками и новым императором Александром II. Тем не менее, Ю.Е. Кондаков называет Д.П. Рунича образцовым чиновником, законопослушным подданным, человеком, который благодаря самообразованию получил «весьма солидные знания в религиозной области». С его точки зрения, он является характерным представителем «просвещенного» российского дворянства начала XIX в.

А.Ю. Минаков, разрабатывая типологию течений в русском консерватизме первой четверти XIX в., взгляды Рунича и Магницкого разграничил. Он характеризует Магницкого как представителя православно-самодержавного консерватизма, а Рунича – как «носителя националистических умонастроений» в русском масонстве. Более того, Минаков указывает на то, что в первой четверти XIX в. в русском масонстве существовало несколько направлений: умеренный консерватизм А.Ф. Лабзина, «ультраконсерватизм» О.А. Поздеева и П.И. Голенищева-Кутузова, а также национализм Д.П. Рунича⁴². По его мнению, это было связано с тем, что масонство, явление в целом пестрое и противоречивое, которое невозможно свести к одному «идейному знаменателю», в эпоху Александра I приобрело достаточно четко выраженную консервативную и националистическую окраску. Признавая Д.П. Рунича одним из основоположников русского консерватизма наряду с Н.М. Карамзиным, А.С. Шишковым, Ф.В. Ростопчиным, С.Н. Глинкой, А.С. Стурдзой и М.Л. Магницким, А.Ю. Минаков проанализировал его взгляды и охарактеризовал Рунича как

⁴⁰ Кондаков Ю.Е. Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция (1801-1825). СПб. 1998; Его же. Государство и православная церковь в России: эволюция отношений в первой половине XIX века. СПб. 2003.

⁴¹ Кондаков Ю.Е. Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX века. СПб. 2005.

⁴² Минаков А.Ю. К постановке вопроса о типологии раннего русского консерватизма // Клио. 2003. № 3; Его же. Опыт типологии течений в русском консерватизме первой четверти XIX в. // Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления. Воронеж. 2004.

«правого» русского масона⁴³. Руничу были присущи идейный национализм и антизападничество, осуждение прозападнической политики Романовых начиная с Петра I и провозглашение исторического пути России отличным от европейского. Минаков признает позицию Рунича, который объявлял Россию единственной носительницей «истинного христианства», «православного Царства», последней надеждой возрождения человечества и причислял себя к некоему «православному масонству», экстравагантной – с точки зрения большинства масонов. В то же время Рунич, по мнению А.Ю. Минакова, наряду с А.С. Стурдзой и М.Л. Магницким внес наибольший вклад в разработку консервативного проекта в области образования и науки, развив (вслед за Стурдзой) аргументы против автономии университетов. В целом Минаков причисляет Рунича к раннему русскому консерватизму, идеология и практика которого в первые десятилетия XIX в. были аморфны и дисперсны. Эти элементы оформились и смогли повлиять на политику самодержавной власти начиная с 20-х годов того же столетия.

Иностранная историография по данной теме в основном повторяет оценки отечественных историков⁴⁴. Известный исследователь символики придворных церемониалов Р.С. Уортман считает Рунича «еще одним назначенцем Голицына» и подражателем Магницкого. По его словам, он ввел в Петербургском университете те же меры, что и Магницкий: «предъявил немислимые требования – например, основать преподавание политической экономии на Писании», «организовал студентов по военному образцу, заставляя их маршировать и петь хором», очистил университет от недавно зачисленных профессоров философии и предписал изучать религию⁴⁵. Но «мечта о создании нового человечества» с помощью распространения Писания, делает вывод Уортман, «обернулась бюрократическим кошмаром». Особо следует отметить работу А. Мартина «Романтики, реформаторы, реакционеры: русская консервативная мысль и политика в царствование Александра I»⁴⁶, в которой впервые исследуются биографии основных представителей консервативного направления первой четверти XIX в., анализируются их идеи, обусловившие соответствующую консервативную практику. В своей более ранней работе он характеризовал Рунича как «закоснелого консерватора» и причислял к основоположникам русского консерватизма XIX в. наряду с А.С. Шишковым, И.С. Глинкой, Ф.В. Ростопчиным и А.С. Стурдзой⁴⁷. Мартин называет Рунича одной из наиболее скандально из-

⁴³ Минаков А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX в. Воронеж. 2011.

⁴⁴ Stuart R. Tompkins. The Russian Bible Society – A Case of Religious Xenophobia. The American Slavic and East European review. 1948. Vol. VII. No 3; Judith Con En Zacek. The Russian Bible Society and the Russian Orthodox Church // Church History. 1966. Vol. XXXV. No 4; James T. Flynn The University Reform of tzar Alexander I. 1802-1835. The Catholic University of America press Washington. D.C. 1988.

⁴⁵ Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. М. 2002.

⁴⁶ Alexander M. Martin. Romantics, Reformers, Reactionaries.

⁴⁷ Мартин А. «Воспоминание» и «пророчество»: возникновение консервативной идеологии в России в эпоху наполеоновских войн и «священного союза» // Исторические метаморфозы консерватизма. Пермь. 1998.

вестных фигур русского консерватизма, которая была увлечена мистической верой, переданной ей А.Ф. Лабзиным, Н.И. Новиковым, И.В. Лопухиным и состояла в «мистическом браке» с О.П. Козодавлевым и В.М. Поповым⁴⁸. Он считает Рунича типичным представителем группы мрачных реакционеров Российского Библейского общества, его социальные и политические взгляды – консервативными, пессимистическими и реакционно бесплодными. Более того, по словам Мартина, его религиозная концепция отличалась от концепции православной церкви и бросала радикальный вызов вековым русским традициям.

При составлении характеристики консервативной составляющей взглядов Д.П. Рунича были использованы работы о консерватизме, определяющие общее понятие «консерватизм» и подходы в его определении⁴⁹. В их ряду особенно следует отметить рецензию М.Д. Долбилова и уже упомянутого А.Ю. Минакова. Ее авторы среди прочих разновидностей русского консерватизма: церковного, аристократического, мистического, православно-самодержавного, националистического, имперско-династического, мистико-космополитического и «католического» выделяют масонский консерватизм⁵⁰.

Большую ценность для характеристики консервативной составляющей взглядов Д.П. Рунича представляют исследования Т.М. Фадеевой, Г.И. Мусихина, А.В. Репникова, О.В. Кищенко, посвященные выявлению основных принципов и ценностей консерваторов⁵¹. Среди них особенно хочется отметить работу О.В. Кищенко, в которой дана подробная характеристика основных принципов консервативной доктрины.

Для выявления масонской составляющей воззрений Рунича были использованы исследования по истории масонства. Они содержат важные сведения по истории возникновения и развития ордена свободных каменщиков в России, о ритуалах и символике, основных принципах, ценностях и взглядах масонов.

⁴⁸ Alexander M. Martin. *Romantics, Reformers, Reactionaries: Russian Conservative Thought and Politics in the Reign of Alexander I*. DeKalb. 1997. P. 162.

⁴⁹ Бердяев Н. О консерватизме // Бердяев Н. *Философия неравенства*. М. 1990. С. 109; Консерватизм в России. «Круглый стол» // Социс. 1993. № 1. С. 45; Манхейм К. Консервативная мысль // Манхейм К. *Диагноз нашего времени*. М. 1994; Гусев В.А. Консервативные идеологии // Социс. 1994. № 11; Федорова М.М. Традиционализм как антимодернизм // Полис. 1996. № 2; Сокольская И.Б. Консерватизм: идея или метод // Полис. 1998. № 5; Ее же. Консервативна ли консервативная революция. О хронологической шкале политических теорий // Полис. 1999. № 6; Абелинкас Э. консерватизм как мировоззрение и политическая идеология. Екатеринбург. 1999; Рормозер Г., Френкин А.А. Новый консерватизм: вызов для России. М. 1996; Гусев В.А. Консервативная русская политическая мысль. Тверь. 1997; Карцов А.С. Правовая идеология русского консерватизма. М. 1999.

⁵⁰ Долбилов М.Д., Минаков А.Ю. В.Я. Гросул, Б.С. Интенберг, В.А. Твардовская, К.Ф. Шацилло, Р.Г. Эймонтова. *Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика* // Вопросы истории. 2002. № 3.

⁵¹ Фадеева Т.М. У истоков идеологии европейского консерватизма // Новая и новейшая история. 1992. № 6; Мусихин Г.И. противоречие авторитета и традиции в мировоззрении немецких и российских консерваторов // Полис. 1999. № 1; Его же. Россия в немецком зеркале (сравнительный анализ германского и российского консерватизма). СПб. 2002; Репников А.В. Консервативная концепция российской государственности. М. 1999; Кищенко О.В. Консерватизм как «идеологическая подкладка под власть» // Власть. 2000. № 2.

Работы А.Н. Пыпина, М.Н. Лонгинова, Т.А. Бакуниной посвящены истории развития русского масонства и выдающимся его представителям. Эти работы необходимы для выяснения масонских связей Рунича⁵². Особо, учитывая его принадлежность к розенкрейцерству, следует отметить работу А.Н. Пыпина, считавшего, что розенкрейцерством завершилось искание «истинного масонства» кружка Н.И. Новикова. Дальнейшая история развития и причины возрождения русского масонства в царствование императора Александра I исследуются в работах протоиерея В.В. Зеньковского, Т.О. Соколовской, Е.А. Вишленковой⁵³. Более важное значение для характеристики масонских взглядов Рунича имеют работы, раскрывающие духовный смысл масонства через масонские ритуалы и символику: о европейском масонстве – М. Морамарко и О.Ф. Соловьева, о русском – В.С. Брачева и Б. Башилова⁵⁴. Особенно интересна работа В.С. Брачева, в которой дана характеристика двух идеологов русского розенкрейцерства начала XIX в.: Н.И. Новикова, представлявшего левое крыло движения, и И.А. Поздеева, придерживавшегося открыто консервативных взглядов.

Исследования И.В. Семевского, В.И. Покровского, С. Дудакова, Т.О. Соколовской, Т.В. Артемьевой, Р. Фаджионатто необходимы для выяснения основных нравственных и общественно-политических принципов, ценностей и взглядов русских масонов⁵⁵. Следует отметить книгу Т.О. Соколовской, в которой представлены такие основные их ценности, как свобода, равенство, отношение к крепостному праву, закону, войне, отечеству.

Также при характеристике окружения, влияния и взглядов Рунича были использованы работы А.Б. Успенского, А. Боханова, А. Кизеветтера, А.Ю. Минакова, Т.М. Фадеевой и Л.П. Карсавина, А.В. Прокофьева, А. Мартина и А.Ю. Бахтуриной, А.Е. Преснякова, И.Ф. Худушиной и З.П. Тининой, А.Г. Дугина, М. Крома⁵⁶.

⁵² Пыпин А.Н. *Масонство в России XVIII и первая четверть XIX в.* М. 1997; Лонгинов М.Н. *Новиков и масонские мартинисты*. СПб. 2000; Бакунина Т.А. *Знаменитые русские масоны*. М. 1991.

⁵³ Зеньковский В.В. *История русской философии*. 1989. Т. 1. Ч. 1 – 2; Соколовская Т.О. *Возрождение масонства при Александре I // Тайные ордена. Масоны*. Ростов-на-Дону. 1997; Вишленкова Е. *Августейшее масонство // Родина*. 2000. № 3.

⁵⁴ Морамарко М. *Масонство в прошлом и настоящем*. М. 1990; Брачев В.С. *Масоны и власть в России*. М. 2003; Башилов Б. *История Русского масонства*. М. 1992; Соловьев О.Ф. *Масонство. Словарь-справочник*. М. 2001.

⁵⁵ Семевский В.И. *История крестьянского вопроса в связи с историей внутреннего быта России с XVIII – первой половине XIX вв.* Ярославль. 1885; Покровский В.И. Н.М. Карамзин. Его жизнь и сочинения. М. 1904; Дудаков С. *История одного мифа. Очерки русской литературы XIX – XX вв.* М. 1993; Соколовская Т.О. *Масонские системы // Тайные ордена. Масоны*. Ростов-на-Дону. 1997; Faggionato R. *New and Old Works on Russian Freemasonry // Kritika*. Vol. 3. 2002. № 1.

⁵⁶ Кизеветтер А. Ф.В. *Ростопчин // Кизеветтер А. Исторические отклики*. М. 1915. С. 25 – 186; Пресняков А.Е. *Александр I*. Петербург. 1924; Успенский Б.А. *Из истории русского литературного языка XVIII – начала XIX века. Языковая программа Карамзина и ее исторические корни*. М. 1985; Карсавин Л.П. *Жозеф де Местр // Вопросы философии*. 1989. № 3; Худушина И.Ф. «Александровский мистицизм» и проблема обновления православной церкви с начала XIX в. // *Из истории философии в России XIX – начало XX в.* М. 1990; Фадеева Т.М.

§ 2. Источниковая база

Использованный в исследовании комплекс источников можно условно разделить на две большие группы: архивные и опубликованные материалы, которые, в свою очередь, подразделяются на несколько групп. Архивные материалы включают в себя документы, содержащие сведения о биографии Рунича, его переписку, официальные документы о действиях на посту попечителя Петербургского учебного округа и его сочинения. Опубликованные материалы – официальные документы о деятельности Рунича в период попечительства, его переписка, сочинения и мемуары его современников. Наибольшую, на наш взгляд, ценность представляют архивные документы из Российского Государственного Исторического Архива (РГИА), Российского Государственного Архива Литературы и Искусства (РГАЛИ), Отдела Рукописей Российской Государственной Библиотеки (РГБ. ОР), Российской Национальной Библиотеки (РНБ. ОР) и Института русской литературы и искусства – «Пушкинского дома» (ИРЛИ. РО). Многие из них в научный оборот вводятся впервые.

Одна из важнейших групп источников – источники для биографии Д.П. Рунича. Эти материалы дали возможность расширить представление о нем, не ограничивая его деятельность только «судом» над профессорами Петербургского университета 1821 г. и преобразованием Петербургского учебного округа. Особое место среди этих источников занимает послужной список Д.П. Рунича, позволивший максимально полно восстановить его перемещения по служебной лестнице⁵⁷: он сделал карьеру, пройдя путь от сержанта лейб-гвардии Семеновского полка до действительного статского советника. Во многом его карьерному росту содействовал отец, Павел Степанович Рунич (1750–1825), масон, сенатор, тайный советник, приближенный к императорскому двору⁵⁸. С генеалогической точки зрения интересны биографическая справка, составленная чиновником архива В.И. Сайтовым⁵⁹, и «Сведения о происхождении Руничей и о ближайших родственниках Д.П. Рунича, записанные им для сына Павла»⁶⁰. В РГИА хранится группа документов, содержащих сведения о мате-

риальном обеспечении семейства Руничей⁶¹, некоторые интересные уточнения о жизни Рунича и его семьи вносят материалы Рукописного отдела ИРЛИ⁶².

Изучение неопубликованной переписки Д.П. Рунича позволило уточнить представление о его масонском круге общения, его взглядах как масона-консерватора. Отечественная историография не обращала внимания на факт вступления Рунича в масонскую ложу «Умиравший сфинкс». К числу этих документов надо отнести письма А.Ф. Лабзина, известного масона и основателя ложи «Умиравший сфинкс», издателя журнала «Сионский вестник», масонов А.Д. Черевина, Ф.П. Ключарева, П. Хомякова и других⁶³. Письма к А.Н. Голицыну указывают на высокое покровительство, которое оказывал сначала обер-прокурор, потом министр духовных дел и народного просвещения Руничу начиная с 1811 г.⁶⁴. Переписка с В.М. Поповым показывает активное участие Рунича в делах московского комитета Библейского общества⁶⁵. Архивные документы свидетельствуют и о его успешной деятельности на посту московского почт-директора с 1812 по 1816 гг.: это письма с благодарностями от населения⁶⁶, служебная переписка с министром внутренних дел О.П. Козодавлевым⁶⁷ и донесения Рунича во время управления Московским почтамтом⁶⁸. Историки прежде не фокусировали свое внимание на деятельности Рунича на посту московского почт-директора, которая оказала важное влияние на складывания его масонской и консервативной концепции.

Особое значение для нашей темы имеет группа документов, которая освещает деятельность Рунича в министерстве духовных дел и народного просвещения: в Главном правлении училищ, в Ученом Комитете, в комитете составления нового устава по делам книгопечатания, в Особом комитете для устройства и наблюдения за училищами взаимного обучения⁶⁹. До сих пор этому периоду биографии Рунича исследователи должного внимания не уделяли, но он важен для понимания политики так называемого «объединенного министерства» в области просвещения. «Суд» над профессорами Петербургского университета 1821 г. был изучен историками наиболее детально и полно, но есть некоторые документы, важные для уточнения позиции Рунича в подготовке этого дела⁷⁰.

Социальные революции и традиции: точка зрения консерваторов // Социс. 1991. № 12; Ее же. У истоков идеологии европейского консерватизма // Новая и новейшая история. 1992. № 6; Дугин А.Г. Консервативная революция М. 1994; Кром М. Сколько лет патриотизму // Родина. 1994. № 10; Мартин А. А.С. Стурдза и «Священный союз» (1815 – 1823 гг.) // Вопросы истории. 1994. № 1; Бахтурина А.Ю. Зарождение и сущность идеи Священного союза // Вопросы истории. 1997. № 4; Тинина З.П. Самодержавие и русская православная церковь в первой четверти XIX в. Волгоград. 1999; Минаков А.Ю. М.Л. Магницкий: к вопросу о биографии и мировоззрении предтечи русских консерваторов XIX века // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее. Воронеж. 2001. Вып. 1; Его же. М.Л. Магницкий и его роль в борьбе «православной оппозиции» с Библейским обществом // Церковь и ее деятели в истории России. Воронеж. 2001. Вып. 2; Его же. Русский консерватизм в первой четверти XIX в. Воронеж. 2011; Боханов А. Самодержавие. Идея царской власти. М. 2002.

⁵⁷ РГАЛИ. Ф. 1863. Оп. 1. Д. 53.

⁵⁸ Там же. Д. 2; Д. 3; Д. 4; Д. 5.

⁵⁹ РГБ. ОР. Ф. 75. К. 2. Д. 52.

⁶⁰ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 1.

⁶¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 9756; Ф. 1263. Оп. 1. Д. 418. Л. 424 – 425; Д. 416. Л. 807 – 808; Ф. 468. Оп. 39. Д. 289; Ф. 472. Оп. 33. Д. 37.

⁶² ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 2; Д. 43; Оп. 3. 96; Оп. 4. Д. 1; Д. 7.

⁶³ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 24 – 26; Д. 46; Д. 20; Д. 13; Д. 45.

⁶⁴ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 2. Д. 542.

⁶⁵ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 37.

⁶⁶ Там же. Д. 3; Д. 7; Д. 8; РГБ. ОР. Ф. 41. К. 127. Д. 28; Ф. 75. К. 3. Д. 11; Ф. 41. К. 144. Д. 12; РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 27.

⁶⁷ Там же. Д. 21; ИРЛИ. ОР. Ф. 263. Оп. 3. Д. 31; Д. 38.

⁶⁸ Там же. Ф. 263. Оп. 1. Д. 39; Оп. 3. Д. 29; Д. 30; Д. 32; Д. 33.

⁶⁹ РГИА. Ф. 734. Оп. 1. Д. 728; Д. 729; ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 177; Оп. 3. Д. 13; Д. 42; Д. 157; Д. 27.

⁷⁰ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 3. Д. 79; Д. 80; Д. 90; Д. 46.

Огромный массив документов составляют архивные материалы, отражающие его действия на посту попечителя Петербургского учебного округа⁷¹. Этот аспект деятельности Рунича до недавнего времени был исследован недостаточно подробно, и позволяют раскрыть некоторые обстоятельства и мотивы его действия в данный отрезок времени. Так, «Мнение члена Главного Правления Училищ исправляющего должность попечителя Санкт-Петербургского университета его учебного округа касательно общего предначертания училищ русских наставников и воспитателей» и сборник документов под общим названием «Донесение и записка о расстройстве университета»⁷² с нашей точки зрения являются программой преобразований Рунича на посту попечителя Петербургского учебного округа. Он планировал провести разбор студентов по способностям и «нравственности», изменить систему комплектования университета учащимися, усовершенствовать обучение в Санкт-Петербургской Губернской гимназии, установить «общие формы связи» университета с Благородным пансионом, губернскими гимназиями и Высшим училищем и построить новые здания для университета. Позже к этим мерам добавилось сокращение расходов по университету: увольнение со службы профессоров, отстраненных от преподавания, но числившихся в университете и получавших жалование и «плату за наем квартиры» до решения их дела, находившегося в Комитете Министров⁷³. Документы, касающиеся постройки университетских зданий представляют особый интерес, так как именно возможные злоупотребления по этому делу стали основной причиной обвинения и отстранения Рунича от должности попечителя Петербургского учебного округа⁷⁴.

Отдельную группу составляют архивные материалы, позволяющие рассмотреть программу преобразований Рунича в Петербургском учебном округе в его изложении⁷⁵. Более того, информация, которая имеется в использованных документах, опровергает сложившееся в историографии мнение, что он действовал единолично и по примеру М.Л. Магницкого⁷⁶. В то же время они подтверждают ошибочность прочно сложившегося представления в правительственных кругах и общественном мнении, что вся ответственность за преобразование Петербургского университета должна быть возложена на Рунича⁷⁷.

Малоизвестные сведения о начале его литературной деятельности содержат «Библиографические заметки», составленные чиновником архива Полторацким о произведениях Д.П. Рунича «Путешествие в Крым и Константинополь в 1786 г. миледи Кравен», «Удивительное мщение одной женщины» и «Хронологическая история Нового Завета»⁷⁸. Ранние сочинения Рунича интересны, с

⁷¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 276; Д. 288; Д. 312; Оп. 21. Д. 40; Ф. 1263. Оп. 1. Д. 467; РГБ. ОР. Ф. Полт. К. 11. Д. 33; РГАЛИ. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 2.

⁷² ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 3. Д. 51; Оп. 1. Д. 43.

⁷³ Там же. Ф. 263. Оп. 3. Д. 49; Д. 50; Д. 52; Д. 65; Д. 85; Д. 88; Д. 94; Д. 156.

⁷⁴ Там же. Ф. 263. Оп. 4. Д. 23; Д. 24; Д. 25; Д. 53; Д. 54; Д. 55; Д. 70; Д. 74.

⁷⁵ Там же. Ф. 263. Оп. 4. Д. 26; Д. 43; Д. 72; Д. 75; Д. 76; Д. 77.

⁷⁶ РГАЛИ. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 1; Ф. 40. Оп. 1. Д. 5; РГБ. ОР. Ф. 548. К. 1. Д. 6; Д. 7.

⁷⁷ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 467; РГАЛИ. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 8; Д. 9; Д. 10.

⁷⁸ Там же. Ф. Полт. К. 45. Д. 26.

одной стороны, тем, что по ним можно получить представление о его душевных исканиях, с другой – для выяснения его кругозора (он получил домашнее образование). Так, сборник «Романтическое путешествие или собрание писем Д.Р. к барону Д-у., сочиненные Д.Р. в 1777 году» состоит из двух статей из «Эмиля или о воспитании» Ж.Ж. Руссо, размышлений о жизни и Боге и «Трех идиллий Дафнис, Меналк и Миртиль», переведенных из сочинений С. Геснера⁷⁹. «Мысли о небе» свидетельствуют о преобладании у Рунича мистико-масонской точки зрения на сущность человеческого бытия: стремление к небу как к вечной жизни и Богу, отречение от материального и низкого, преобладание веры над знаниями⁸⁰. «Благотворение природы» указывает на то, что автор имел глубокое представление об античной литературе и философии и основных понятиях христианства и масонства⁸¹. Черновые наброски и выписки из сочинений философского и религиозно-богословского характера на русском и французском языках свидетельствуют о достаточно широком кругозоре их автора и его знакомстве с западной философией⁸². Тетрадь со статьями «Теория и практика», «План института для воспитания юношества», «Воспитание или образование сердца и ума, в чем именно состоит отличительное качество благовоспитанного человека», важна для изучения педагогических представлений Рунича⁸³. В сборниках «Творения Дмитрия Ростовского»⁸⁴ и «Поучения или слова Святого Дмитрия Ростовского и Ярославского, говоренные в разное время»⁸⁵ выразилась высокая оценка их автором выдающегося представителя православного духовенства. Произведение «Дух христианства» показывает, что Рунич понимал христианство так же, как масоны и мистики протестантского толка. Для них был характерен приоритет «внутренней» христианской веры, основанной на любви и непреложной истине, при необходимом соблюдении «наружного богослужения», «подпоры государства»⁸⁶. Сочинение «Философия» выражает взгляды Рунича на просвещение накануне его вступления в должность попечителя Петербургского учебного округа: он высказывал сомнение в способности «языческой философии», не учитывающей Божественное откровение, давать необходимые людям знания⁸⁷. Ряд документов свидетельствует о том, что Рунич много читал, переводил и делал выписки из книг и статей по богословию, философии, политике, химии, физике и герменевтике⁸⁸.

Мнение о Д.П. Руниче как о писателе в историографии не сложилось. Историки не обращали внимания на тот факт, что он был автором нескольких де-

⁷⁹ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 112.

⁸⁰ Там же. Д. 31.

⁸¹ Там же. Д. 32.

⁸² Там же. Д. 151.

⁸³ Там же. Д. 95. Несмотря на то что из трех произведений датировано только первое, судя по почерку и содержанию можно утверждать, что две другие статьи были написаны примерно в то же время.

⁸⁴ Там же. Д. 158.

⁸⁵ Там же. Д. 157.

⁸⁶ Там же. Д. 37.

⁸⁷ Там же. Д. 38.

⁸⁸ Там же. Д. 91; Д. 92; Д. 128; Д. 129; Д. 155.

сятков оригинальных художественных произведений. Следует отметить разнообразие форм и тем произведений Рунича, свидетельствующих о широте и разносторонности взглядов их создателя. Среди его литературных творений были не только прозаические, но и стихотворные произведения, например, стихотворение «В сиротстве нашем, в страдании»⁸⁹.

Большой интерес представляют сочинения Рунича, написанные им после отстранения от службы в 1826 г. Их изучение дает возможность впервые описать его исторические и общественно-политические взгляды и идейные мотивы консервативной и националистической окраски, повлиявшие на его деятельность. Эти документы, которые предшествующие исследователи оставили без внимания, можно разделить на несколько групп.

Яркой иллюстрацией воздействия масонских взглядов на религиозные представления Рунича являются сочинение «Взгляд на состояние мира при рождении Иисуса Христа»⁹⁰, сборник «Богословские вопросы», состоящий из трех статей («О чистилище и мытарствах после смерти», «Misterium Magnum» и «Ряд вопросов богословского и философского характера»)⁹¹, статья «1836 год в 1855 году. Часть I» по поводу сочинения Юнга-Штиллинга «Sieges Geschichte»⁹², а также ряд масонских сочинений об истории, основных понятиях и символике ордена свободных каменщиков, в том числе впоследствии опубликованная записка о масонстве «Источники масонства или свободного каменщичество»⁹³. В этот же ряд следует включить сборник, состоящий из сочинений «Видимый мир», «Обзор земного шара и человечество во второй половине XIX столетия», «Взгляд на быт всего как есть», «1858 год по рождестве Христовом», «О том, что было до сотворения земли», «Что может произойти на земле в последнее время»⁹⁴.

Влияние масонских и консервативно-националистических убеждений Рунича на характер задач воспитания и образования отражают сочинения «Об образовании юношества в умственном и нравственном отношениях», «Об образовании юношества. Часть вторая» и введение к ним, где проанализированы основные проблемы учащихся и описан «правильный полный курс учения»⁹⁵, статья «О народном обучении в России...», в которой Рунич представил свой взгляд на исторический процесс и систему образования в России⁹⁶; «План военно-учебного заведения для образования благородного юношества»⁹⁷.

Ценными источниками для анализа исторических и общественно-политических взглядов Рунича и степени воздействия на их формирование масонских и консервативно-националистических убеждений являются статья

⁸⁹ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 3.

⁹⁰ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 48.

⁹¹ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 8.

⁹² Там же. Д. 9.

⁹³ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 69.

⁹⁴ Там же. Д. 71.

⁹⁵ Там же. Д. 102; Д. 103; Д. 105.

⁹⁶ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 6.

⁹⁷ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 3. Д. 93.

«Министерства в России», которая выразила его неоднозначную оценку преобразований Александра I, свойственную консерваторам⁹⁸, сочинение «Нечто о царствованиях: Екатерины II, Павла I, Александра I и Николая I с 1762 до 1856–1893 года», где Рунич положительно высказывался только о Павле I, на чье царствование масоны возлагали большие надежды⁹⁹, а также сборник статей и стихотворений Рунича 1842–1856 гг., содержащий «Проект положения об уничтожении крепостного права и всех видов крепостного владения»¹⁰⁰ и недатированное произведение «О торговле, откупах и паровом, водяном и сухопутном сообщениях», где автор описал историю их возникновения и развития¹⁰¹, записка «Вопросы, требующие утвердительного или отрицательного ответа»¹⁰².

Из опубликованных источников в первую очередь следует отметить документы, содержащие сведения о деятельности Д.П. Рунича на посту попечителя Петербургского учебного округа и университета. В ряде документов, относящихся к истории Петербургского университета, раскрывается оценка правления этого университета действий Рунича в 1821 г.¹⁰³. Суд над профессорами Петербургского университета в 1821 г. известен по нескольким публикациям. Журнал «Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских» в 1860-х гг. издал несколько документов по этому делу: во-первых, «Историческую записку», составленную экстраординарным профессором М.Г. Плисовым, в которой не хватает протоколов заседания 7 ноября¹⁰⁴, во-вторых, под общим названием «Дело о Санкт-Петербургском университете в 1821 г.» были изданы «Краткая записка...» Рунича, полный вариант «Записки о производстве дела...» Плисова, выписки «вредных мест», вопросные пункты и ответы на них. В «Краткой записке...» Рунич изложил собственное мнение по поводу суда в университете, назвав дело о профессорах «делом не об учености, а о нападении на религию и правительство»¹⁰⁵. «Записка о производстве дела...» была получена от сына Плисова вместе с его мнением, в котором составитель пытался оправдать свои действия¹⁰⁶. Традиционно более полной публи-

⁹⁸ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 7.

⁹⁹ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 28.

¹⁰⁰ Там же. Д. 120.

¹⁰¹ Там же. Д. 111.

¹⁰² Там же. Д. 4.

¹⁰³ Торжественный акт Императорского Санкт-Петербургского университета, воследовавший 28 февраля 1823 г., по случаю окончания первого университетского курса // Северный архив. 1823. Ч. 5. № 5; Первое двадцатипятилетие Императорского Санкт-Петербургского университета. Историческая записка, по определению Университетского Совета читанная Ректором Университета П. Плетневым на публичном торжественном акте, 8-го февраля 1844 г. // Санкт-Петербургский университет 1840 – 44. СПб. 1841 – 1844; Пятидесятилетний юбилей Императорского Санкт-Петербургского университета // Всемирная иллюстрация. 1869. Т. 1. № 9.

¹⁰⁴ Историческая записка о деле Санкт-Петербургского университета // ЧОИДР. 1862. Кн. 3.

¹⁰⁵ Краткая записка об Общем собрании Императорского Санкт-Петербургского университета 3, 4 и 7-го числа ноября сего 1821 г. (в ГПУ) // ЧОИДР. 1866. Кн. 3.

¹⁰⁶ Записка о производстве дела по обвинению профессоров Императорского Санкт-Петербургского университета в чрезвычайных собраниях Правления и конференции ононого университета 3-го, 4-го и 7-го ноября, 1821 г. // СПб. университет.

кацией по этому делу называют приложения к книге М.И. Сухомлинова, в которых помимо перечисленных выше документов изданы мнения М.Л. Магницкого, С.С. Уварова, А.С. Шишкова, кн. Куракина, барона Кампенгаузена по делу профессоров¹⁰⁷.

В отличие от Записки Плисова, содержащей выдержки из протокола заседания в авторской обработке, мемории с журнала Чрезвычайного Общего Собрания Санкт-Петербургского университета 3, 4 и 7 ноября, в состав которых включены протоколы голосования и мнения профессоров собрания, более подробно и информативны¹⁰⁸. Они представляют официальную точку зрения по этому вопросу министерства народного просвещения и духовных дел, содержат большие цитаты ранее утвержденных документов, констатируют вопросы и ответы обвиненных профессоров и мнения членов конференции.

Некоторые из этих документов привлекали особое внимание исследователей, поэтому неоднократно переиздавались, как, например, записка Рунича, в которой он объяснял логику своей деятельности с момента назначения в члены Главного Правления Училищ в 1819 г. и оправдывался тем, что «действовал бескорыстно»¹⁰⁹.

Огромный массив документов по истории Санкт-Петербургского университета в 1820-х гг. XIX в. опубликован под редакцией С.В. Рождественского. Он уникален тем, что иллюстрирует деятельность Рунича на посту попечителя Петербургского университета буквально пошагово, начиная от его назначения на этот пост 7 мая 1821 г. и до выхода в отставку 25 июня 1826 г. Наибольший интерес из этого массива представляют доклады Рунича о проделанной им работе А.Н. Голицыну и А.С. Шишкову, а также их предписания и донесения императору¹¹⁰.

Отдельную группу источников представляет официальная документация Министерства народного просвещения: постановления и распоряжения, кото-

¹⁰⁷ Сухомлинов М.И. Указ. соч.

¹⁰⁸ СПб. университет.

¹⁰⁹ Записка отставного действительного советника, ордена св. Владимира второй степени большого креста и св. Анны кавалера, Рунича // Записки Императорской Академии Наук. СПб. 1871. Т. XX. Кн. 1.; Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. Т.9. Исторические бумаги, собранные К.И. Арсеньевым приведены в порядок ак. П. Пекарским. СПб. 1872.

¹¹⁰ Рунич Д.П. Донесение Д. Рунича министру от 6 октября 1821 г. о мерах, принятых им по университету, с предоставлением тетрадей студентов и выписок из них // СПб. университет; Представление Рунича министру духовных дел и народного просвещения от 9 марта 1822 г. о состоянии СПб. университета и подведомственных ему учебных заведений и о необходимых по отношению к ним мероприятий // Там же; Представление Рунича министру народного просвещения от 31 января 1826 г. с отчетом о состоянии СПб. университета и учебных заведений его округа // Там же; Всеподданнейшая докладная записка А.Н. Голицына от 16 января 1822 г. по делу о вредном учении, обнаруженном в преподавании некоторых профессоров Санкт-Петербургского университета // Там же; Письмо министра народного просвещения А.С. Шишкова Руничу от 18 июня 1824 г. с замечаниями о постановке преподавания и воспитания в Благородном пансионе // Там же.

рые дают сведения относительно организации и управления российских университетов вообще и Санкт-Петербургского в частности¹¹¹.

Официальные документы лишь констатируют свершившиеся факты, не поясняя мотивов поведения и принятия Руничем тех или иных решений. Чтобы их понять, необходимо изучение переписки, данные которой особенно важны для установления его личных, служебных и масонских связей. Письма Н.М. Карамзина к Руничу (1815–1825 гг.) подтверждают те дружеские взаимоотношения между ними, о которых впоследствии Рунич написал в своих «Записках»¹¹². Интересный материал содержит его переписка со знаменитыми масонами Н.И. Новиковым (1806 – 1817 гг.) и И.В. Лопухиным (декабрь 1812 г. – середина 1815 г.)¹¹³, из которой мы узнаем о масонских воззрениях Рунича и его связях с другими масонами. Так, интересно письмо 1818 г. к В.М. Попову, написанное по требованию А.Н. Голицына, в котором Рунич официально отказался от принадлежности к масонскому братству¹¹⁴. В 1820 г. в письме по поводу статьи о лорде Байроне Рунич заявил о своих консервативных взглядах, выступив за ограничение «чужеземного» влияния и распространения просветительских идей¹¹⁵. Письма Рунича к А.Н. Голицыну и одному неизвестному лицу характеризуют его точку зрения на суд в отношении профессоров Петербургского университета, который был санкционирован министром духовных дел и просвещения¹¹⁶.

Следует отметить, что изучения переписки Рунича для выяснения мотивов его действий недостаточно, необходимо исследовать и другие произведения главного фигуранта данной работы. Ценные источники для анализа исторических и общественно-политических взглядов Рунича – его мемуары, «Записки» на французском языке¹¹⁷, в которых он дал характеристику политических событий времен Петра I, Екатерины II, Павла I и Александра I, статья «Россия от 1633 до 1854 г. Взгляд на древний и новый ее быт», выразившая его националистические умонастроения. В последней работе он высказывал мысль, что «изуродованная» Петром I Россия сохранила свою самобытность и должна бы-

¹¹¹ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Царствование Александра I. 1802 – 1825. СПб. 1864; Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения 1803 – 1864. СПб. 1867.

¹¹² Письма Н.М. Карамзина к Д.П. Руничу // Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1870 г. СПб. 1872.

¹¹³ Письма Н.И. Новикова к Д.П. Руничу // Русский архив (Далее: РА). 1871. № 6; Письма И.В. Лопухина к Д.П. Руничу // Там же. 1870. № 7.

¹¹⁴ Два письма Д.П. Рунича – В.М. Попову. Д.П. Рунич (материалы для его биографии) // Русская старина (Далее: РС). 1898. № 8.

¹¹⁵ Д.П. Рунич и поэт Байрон. Письмо Д.П. Рунича к издателям «Русского инвалида» // РС. 1896. № 10.

¹¹⁶ Письма Д.П. Рунича 1821 и 1842 гг. в бумагах О.М. Бодянского, сообщ. Титовым // ЧОИДР. 1905. Кн. 1; М. 1905.

¹¹⁷ Рунич Д.П. Сто лет тому назад. (Из записок Д.П. Рунича) // РС. 1896. № 11; Его же. Записки Д.П. Рунича // Русское Обозрение. 1890. № 8 – 10; Его же. Из записок Д.П. Рунича // РС. 1901. № 1 – 5.

ла возродить человечество, так как русский национальный дух отличается от духа всех остальных народов¹¹⁸.

Важным источником для характеристики масонских взглядов Рунича является «Записка о масонстве», опубликованная вместе с «Автобиографическими записками» и отрывком из его мемуаров¹¹⁹. В «Записке о масонстве» он изложил свое представление об истории возникновения и развития масонства¹²⁰.

Отчеты Императорской Публичной библиотеки содержат информацию о его литературной деятельности после ухода с государственной службы¹²¹.

Чтобы понять, какая литература оказала влияние на представления и деятельность Д.П. Рунича, следует познакомиться с сочинениями его любимых авторов¹²².

Для формирования более полного впечатления о нем необходимо обратиться к мемуарам современников Рунича, несмотря на то что, как правило, они воспринимали его фигуру односторонне и негативно.

Рунича распекали за ошибки и злоупотребления, допущенные на посту попечителя Санкт-Петербургского университета и учебного округа. Образ его, написанный «самыми черными красками», сложился у современников небезосновательно. Н.И. Греч критиковал личностные качества и деятельность Рунича, называя его «дураком, хвастуном, пустомелей», «подражателем и карикатурой Магницкого»¹²³. Он, как уже говорилось, одним из первых высказал ставшее впоследствии аксиомой утверждение, что Рунич на посту попечителя Петербургского учебного округа не проводил собственную политику, а лишь мелочно копировал действия Магницкого в Казанском университете.

Но не все современники Рунича были столь категоричны в своих оценках. Так, М.И. Глинка, вспоминая годы обучения в Благородном пансионе, не заметил никаких ухудшений в уровне преподавания после событий 1821 г.¹²⁴ А обер-прокурор московского департамента Сената М.А. Дмитриев в своих воспоминаниях охарактеризовал П.С. Рунича как «старинного приятеля и брата по масонству» А.Ф. Лабзина, «истинного последователя старой новиковской школы»¹²⁵.

¹¹⁸ Его же. Россия от 1833 до 1854 г.

¹¹⁹ Титов А. Указ. соч. С. 5 – 8.

¹²⁰ Записка Д.П. Рунича о масонстве // Там же. С. 8 – 14; Литературный вестник. 1904. Т. 8.

¹²¹ Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1900 – 1901 гг. СПб. 1905.

¹²² Юнг-Штиллиг И.Г. Победная повесть или торжество христианской веры. СПб. 1815; Лопухин И.В. Масонские труды: Духовный рыцарь. Некоторые черты о внутренней церкви. 1997; Беме Я. Cristosophia или Путь ко Христу. Перевод с немецкого. СПб. 1994; Эккартсгаузен К. Ключ к таинствам природы. СПб. 2001.

¹²³ Греч Н.И. Записки о моей жизни. Л. – М. 1930. С. 23. Окончены эти мемуары были в 1861 г., первым отдельным изданием вышли в 1886 г.

¹²⁴ Глинка М.И. Записки // М.И. Глинка. Литературное наследие. Т. 1. Автобиографические и творческие материалы. М. – Л. 1952. Окончание написания - 1855 г., первое отдельное издание – 1871 г.

¹²⁵ Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни. М. 1998. Эти воспоминания были закончены в 1866 г.

А.А. Никитенко, высказываясь о непостоянстве Рунича, сравнил его с наездником, «делающим разные довольно живописные скачки, размахивающим по воздуху копьем или саблей, готовым мгновенно броситься в одну сторону и ускакать в другую, не подчиняясь никаким условиям правильного строя»¹²⁶.

А.Ф. Воейков в сатире «Дом Сумасшедших» остроумно и зло изобразил его как врага просвещения¹²⁷. В то же время известный архитектор А.Л. Витберг, масон и друг детства Рунича, считал его человеком, «одаренным горячей душой»¹²⁸.

В.И. Панаев обвинял Магницкого и Рунича в «непопулярной» политике Министерства народного просвещения и считал, что их меры способствовали распространению «духа лицемерия и ханжества» и падению уровня образования в подведомственных им университетах¹²⁹.

Д.Н. Родионов оставил воспоминания о последних годах жизни Рунича, когда он, «худощавый старик» 74 лет, жил один, покинутый близкими, в полуразвалившемся доме¹³⁰.

П.П. фон Геце назвал Рунича «сподручником» М.Л. Магницкого, известного «разбором» Казанского университета. Он считал, что Рунич действовал в Петербургском университете «по-тамерлановски», по примеру Магницкого, и обвинял Рунича во всех неудачах Министерства народного просвещения, но оправдывал А.Н. Голицына, который, по его словам, поддавался влиянию «неудачно выбранных помощников»¹³¹.

Таким образом, оценки, которые давали Руничу его современники, были достаточно противоречивы.

Ранее изучался в основном русский консерватизм второй половины XIX в., который как идейно-политическое течение к этому времени уже созрел и сформировался. Лишь в течение последних двадцати лет были написаны работы о деятелях раннего русского консерватизма и предприняты попытки типологизации этого направления общественной мысли в первой четверти XIX в. Исследование масонского аспекта идеологии русского консерватизма первой четверти XIX в. в данной работе предпринимается впервые. Впервые вводится в оборот новый документальный материал, ранее при освещении истории русского консерватизма не использовавшийся.

Источниковая база монографии позволяет исследовать не только взгляды и деятельность Д.П. Рунича, но и осветить основные тенденции развития консерватизма, национализма, масонства и политики в области просвещения и цензуры в России первой четверти XIX в.

¹²⁶ Никитенко А. А.И. Галич, бывший профессор философии в Санкт-Петербургском университете // Журнал Министерства народного просвещения. 1869. № 1. С. 48.

¹²⁷ Воейков А.Ф. Дом Сумасшедших // РС. 1874. № 9. С. 588.

¹²⁸ Витберг А.Л. Записки академика Витберга // РС. 1872. № 1. С. 22; Герцен А.И. Собрание сочинений в 30 томах. М. 1954. Т. 1. Произведения 1829 – 1841 гг. С. 380 – 456.

¹²⁹ Панаев В.И. Воспоминания // Вестник Европы. 1867. Т. 3 – 4.

¹³⁰ Родионов Д.Н. Д.П. Рунич (материалы для его биографии). Воспоминание Д.Н. Родионова // РС. 1898. № 8.

¹³¹ Геце П.П. фон. Из записок П.П. фон Геце. Князь А.Н. Голицын и его время // РА. 1902. № 9.

§ 1. Государственная служба и семья

Дмитрий Павлович Рунич родился 19 октября 1778 г. в Москве в семье сенатора Павла Степановича Рунича и Варвары Аркадиевны Рунич, в которой было восемь детей¹³². Как он писал впоследствии, его родители воспитали в нем «религиозные чувства и на всю жизнь привили примеры и правила христианской жизни»¹³³. П.С. Рунич (1748 – 1825) был потомком выходца из Угорской Руси, который поселился в России в царствование Елизаветы Петровны и служил императрице «ревностно» и «прилежно». Павел Степанович начал службу в 1770 г. без состояния, служил «верно, честно и бескорыстно» Екатерине II, Павлу I и Александру I¹³⁴. Он сделал карьеру, дослужившись до чина тайного советника, участвовал в подавлении Пугачевского бунта и оставил «Записки о Пугачевском бунте»¹³⁵. Император Павел I благоволил к нему и при вступлении на престол назначил на должность гражданского губернатора Владимира. По поручению Павла I и рекомендации А.А. Плещеева он ездил к старообрядцам, жившим на реке Иргизе. Императору было необходимо «заручиться поддержкой староверов»¹³⁶, так как они являлись «взрывоопасным элементом», участвовали в свое время в восстании Пугачева и, кроме того, с их мнением считались купцы и фабриканты крупных городов России. Павел I доверил Руничу самостоятельно разобраться в делах старообрядцев, секретно следить за ними и доносить о неповиновении властям¹³⁷. Д.П. Рунич утверждал, что после этой поездки между Павлом I и П.С. Руничем установились конфиденциальные отношения¹³⁸. Александр I, как и его отец, заботился об интересах старообрядцев и после его смерти приказал Руничу по-прежнему заниматься делами старообрядцев. Он получил сравнительно большие полномочия, чем имел при Павле I, ему было позволено «самовольно отъезжать по делам старообрядцев».

Мать Д.П. Рунича, Варвара Аркадиевна Рунич (1756 – 1837), была дочерью действительного кавалера первой степени и Святой Анны, Аркадия Ивано-

¹³² РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 1. Л. 1. Дети П.С. Рунича и В.А. Рунич: Дмитрий (1778 – 1860), Александр – экзекутор и кастелян при Московских департаментах Сената, Аркадий (1785 – не ранее 1841) коллежский советник, Николай (1791 – между 1857 и 1867) надворный советник, Федор, Александра, Екатерина и Елена.

¹³³ Подписка о не состоянии в тайных обществах (на имя г. управляющего Министерством внутренних дел, 28 апреля 1826 г.) // Титов А. Автобиографические записки Д.П. Рунича. Ярославль. 1909. С. 6.

¹³⁴ См.: РГАЛИ. Ф. 1150. Оп. 2. Д. 6. Л. 2; РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 418. Л. 424.

¹³⁵ Рунич П.С. Записки о Пугачевском бунте // Русская старина (далее РС). 1870. № 8 – 10.

¹³⁶ Рунич Д.П. Из записок Д.П. Рунича // РС. 1901. № 1. С. 70.

¹³⁷ РГАЛИ. Ф. 1150. Оп. 2. Д. 3. Л. 4 – 5.

¹³⁸ Рунич Д.П. Из записок Д.П. Рунича // РС. 1901. № 1. С. 68 – 72.

вича Бутурлина, отец которого, Иван Иванович Бутурлин, был генерал-аншефом, кавалером Святого Андрея и любимцем Петра I, приближенным ко двору¹³⁹. Бутурлины – это известный русский графский и дворянский род, который происходит по родословным, от «мужа честна», именем Ратши, выехавшего «из немцев» в Россию при великом князе Александре Ярославиче Невском. Один из его потомков, Иван Андреевич, имел прозвище Бутурля, и от него «пошли» Бутурлины. Наибольшего влияния они достигли в царствование первых трех царей дома Романовых, когда занимали высокие придворные и военные должности, многие достигли боярства. При Петре I Бутурлины поддерживали реформы и были на виду всю первую половину XVIII в. Матерью Варвары Аркадиевны была вторая жена А.И. Бутурлина Елизавета Петровна Сумарокова, дочь действительного статского советника П.П. Сумарокова и П.И. Приклонской, сестра известного поэта А.П. Сумарокова¹⁴⁰. Д.П. Рунич в «Сведениях о происхождении Руничей» указывал, что у его матери было пять сестер: «От первой жены отца ее Шереметьевой: Анна умерла девицею, Настасья также, Наталья в замужестве за Опухтиным. От второй жены, Сумароковой, сестры поэта, он также сыновей не имел, а имел трех дочерей: Елену за Глебовым; Марью за Исленьевым; и мать мою Варвару, за отцом моим»¹⁴¹.

О детстве и отрочестве Д.П. Рунича практически ничего неизвестно. По его словам, он получил домашнее образование¹⁴². По традиции того времени, едва ли не во младенчестве, в 1780 г. Рунич был записан в сержанты лейб-гвардии Семеновского полка. Настоящую военную службу он начал только 18-ти лет, но уже 24 января 1797 г. вышел в отставку в звании прапорщика, соответствовавшего XIII классу по «Табели о рангах»¹⁴³. 4 февраля 1797 г. Рунич благодаря знанию иностранных языков и связям отца был принят на должность переводчика в Коллегию иностранных дел. Тогда же его причислили к канцелярии вице-канцлера князя А.Б. Куракина. 1 мая 1797 г. Рунич был назначен секретарем-переводчиком при Венском посольстве и приехал в Вену во время заключения Кампо-Формийского мирного договора между Австрией и Францией, подписанного 17 октября 1797 г.¹⁴⁴ По воспоминаниям Рунича, Вена произвела на него впечатление «веселого города»¹⁴⁵, о котором нельзя было и подумывать, что французы недавно стояли у его ворот. Тогда Вена превратилась в подобие «прежнего» Парижа, представлявшего все прелести европейской цивилизации и полную безопасность. Туда стали стремиться знаменитости всех стран. За границей Рунич познакомился с людьми, дружеские отношения с которыми он потом поддерживал и в России, например, с П.Г. Дивовым, полномочным комиссаром по делам венского и берлинского дворов, впоследствии сенатором и главой секретного архива министерства иностранных дел, его се-

¹³⁹ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 1. Л. 1.

¹⁴⁰ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 71. Л. 20.

¹⁴¹ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 1. Л. 1-1 об.

¹⁴² ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 71. Л. 20.

¹⁴³ РГАЛИ. Ф. 1863. Оп. 1. Д. 53. Л. 1 об., Л. 2.

¹⁴⁴ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 4. Д. 1. 2 лл.

¹⁴⁵ Рунич Д.П. Из записок Д.П. Рунича // РС. 1901. № 1. С. 72.

мьей и князем И.И. Барятинским, участвовавшим во взятии варшавского предместья Праги войсками фельдмаршала А.В. Суворова в 1794 г. и продолжившим службу в государственной коллегии иностранных дел¹⁴⁶.

В 1799 г., после известия о первой победе русско-австрийской армии под командованием Суворова над французскими войсками генерала Ф. Макдональда в Северной Италии на реке Треббия 7 – 8 (18 – 19) июня, Рунич уехал из Вены и находился в Берлине. Когда было получено известие об убийстве трех французских уполномоченных, возвращавшихся из Раштадта с конгресса¹⁴⁷, граф Н.П. Панин, русский посланник при прусском дворе, поручил Руничу доставить депешу, сообщавшую об этом событии, Павлу I. В середине июня 1800 г. Рунич приехал в Петербург и передал депешу вице-канцлеру графу В.П. Кочубею. В том же году он был причислен к Герольдии, особому учреждению при Сенате, возникшему по указу Петра I от 30 июня 1721 г. для проведения общей ревизии служилого сословия¹⁴⁸. Она состояла из герольдмейстера и герольдмейстерской конторы, которая входила в сенатскую канцелярию. Герольдия составляла списки дворян (общие – поименные и особые – по чинам) и лиц, лишенных дворянства, вносила в дворянские списки «воинские чины не из дворян» (при получении обер-офицерства), вела дела о гражданской службе (производство в чины за выслугу лет) и занималась составлением дворянских гербов.

7 июля 1800 г. Рунич был принят в штат своего отца, тайного советника, гражданского губернатора Владимира, и одновременно получил чин надворного советника, соответствовавший VII классу. 16 ноября 1802 г. ему был пожалован чин коллежского советника (VI класса), дававший право на должность начальника отделения и делопроизводителя в центральных учреждениях. Тем не менее Рунич был оставлен исполнять особые поручения при своем отце, который был переведен губернатором в Вятку. Там он проводил следствие по делу о неповиновении крестьян, купленных советником коммерции Рубиным в Яренске¹⁴⁹. Дело заключалось в том, что крестьяне не подчинились Рубину и решению Земского суда. В результате успешно проведенного следствия, выявившего случаи взяточничества среди чиновников, Рунич был награжден орденом св. Анны второй степени, учрежденным шлезвиг-гольштейнским герцогом Карлом Фридрихом в память его жены Анны Петровны, дочери Петра I. 30 августа 1804 г. отец Рунича был назначен сенатором, и Дмитрий Павлович получил распоряжение остаться при своем отце с прежним жалованием¹⁵⁰.

28 июня 1805 г. Рунич был назначен помощником Московского почт-директора Ф.П. Ключарева, возглавлявшего Московский почтамт с 1801 г. Это была достаточно солидная должность. Почта в начале XIX в. была единственным каналом транзита носителей информации. Она занималась пересылкой письменной корреспонденции, произведений периодической печати (в России в

первой половине XIX в. пересылка периодических изданий была частным промыслом почт-директоров и почтмейстеров, которые за пересылку брали плату в свою пользу), посылок, денег и других ценностей, а также перевозкой пассажиров. За проведение почтовых операций взимались почтовые таксы, которые составляли один из источников государственных доходов. С 1802 г., когда были учреждены министерства, почтовое ведомство было присоединено к Министерству внутренних дел.

С назначения Рунича помощником Московского почт-директора начался новый этап в его жизни. Если до этого момента его продвижение по службе в основном зависело от карьерного роста отца, то теперь он вышел из его тени. В то же время Рунич лишился поддержки Павла Степановича и должен был действовать отныне самостоятельно, руководствуясь своими взглядами и предпочтениями. 28 сентября 1806 г. он женился на Екатерине Ивановне Ефимович, дочери помещика Малоарославского уезда Орловской губернии, действительного статского советника И.Н. Ефимовича и П.С. Нарышкиной¹⁵¹. У Екатерины Ивановны было три брата: Андрей – гвардейский полковник, Александр – гвардейский поручик, Алексей – действительный статский советник, писатель, и сестра Елизавета, бывшая замужем за А.И. Дмитриевым-Мамоновым. Также по линии жены Рунич породнился с генерал-фельдмаршалом графом Н.И. Салтыковым, президентом Военной коллегии и воспитателем Александра I, который в дальнейшем содействовал его карьере. Семья Руничей с 1806 по 1819 гг. жила попеременно в Москве и в селе Спасском Звенигородского уезда. Эти переезды были связаны с традицией, существовавшей в то время. Дворянские семьи выезжали на летний период в свои имения за городом, чтобы, с одной стороны, отдохнуть и набраться сил, с другой – сэкономить средства. Семейство Руничей было довольно многочисленным. У Дмитрия Павловича и Екатерины Ивановны родилось 11 детей: пять мальчиков и шесть девочек¹⁵². Несмотря на занятость на государственной службе, Рунич старался как можно больше времени уделять семье и детям. Специально для их обучения он разработал расписание занятий, а также своего рода руководство, как вести себя во время отправления религиозных обрядов¹⁵³. Рунич считал «священным долгом и званием отца» подготовить своих детей к «служению царю небесному и царю земному»¹⁵⁴.

31 августа 1807 г. он получил чин статского советника (V класс), дававший право на должность вице-директора департамента и вице-губернатора¹⁵⁵. 8 сентября 1811 г. Рунич был награжден орденом св. Владимира четвертой степени, который он получил благодаря ходатайству князя А.Н. Голицына, сенатора, члена Государственного совета¹⁵⁶. Скорее всего, лично с Голицыным знаком

¹⁵¹ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 4. Д. 7. 14 лл.

¹⁵² 1810 г. – Павел, 1811 г. – Иван, 1811 г. – Петр, 1813 г. – Настасья, 1814 г. – Александр, 1815 г. – Мария, 1817 г. – Екатерина, 1816 г. – Дмитрий, 1820 г. – Степан, 1822 г. – Аркадий, 1824 г. – Варвара. РГБ. ОР. Ф. 751. К. 2. Д. 52. Л. 2.

¹⁵³ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 3. Д. 96. 1 л.; Оп. 1. Д. 43. 53 лл.

¹⁵⁴ Там же. Ф. 263. Оп. 1. Д. 95. Л. 20.

¹⁵⁵ РГАЛИ. Ф. 1863. Оп. 1. Д. 53. Л. 2 об., Л. 3.

¹⁵⁶ Там же.

¹⁴⁶ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 71. Л. 20 об.

¹⁴⁷ Там же. Ф. 263. Оп. 1. Д. 2. 37 лл.

¹⁴⁸ РГАЛИ. Ф. 1863. Оп. 1. Д. 53. Л. 1 об., 2.

¹⁴⁹ РГБ. ОР. Ф. 751. К. 2. Д. 52. 15 лл.

¹⁵⁰ См.: РГАЛИ. Ф. 1863. Оп. 1. Д. 53. Л. 2 об., Л. 3; РГБ. ОР. Ф. 751. К. 2. Д. 52. Л. 1; К. 2. Д. 52. Л. 1.

Рунич не был: за него просил подполковник князь М.П. Хилков, женатый на Е.П. Голицыной¹⁵⁷.

Ход мирной жизни семейства Руничей, как и многих других семей Российской империи, был прерван вторжением Наполеона в пределы России. Дмитрий Павлович описывал эти события так: «Наполеон подвигался к русским границам с бесчисленной армией. Он был встречен с распростертыми объятиями Польшей, Литвой, и вскоре обе эти страны соединились для восстания. Русская армия отступала. Переходя Неман, Наполеон в своей прокламации, обращаясь к своим солдатам, говорил тоном, дышащим уверенностью: «Россия увлечена роком!»¹⁵⁸. Никто не знал, чем закончится это вторжение. Рунич практически предсказал дальнейший ход событий, когда 7 – 8 августа 1812 г., находясь в Петербурге по семейным делам, узнал от фельдмаршала Н.И. Салтыкова содержание донесения Барклая де Толли о соединении двух армий, которыми командовали Барклай и Багратион. Он заметил, что соединение армий не спасет Москву от вторжения Наполеона, но оно не приведет к поражению России в войне. Рунич ошибочно предположил, что Александр I может заключить мир с Наполеоном, чтобы спасти «древнюю столицу», но Салтыков убедил его, что император не сделает этого даже в случае угрозы захвата Петербурга.

События 1812 г. коренным образом изменили дальнейшую судьбу Рунича, удача выпала ему в одночасье, став началом настоящего взлета его карьеры. 10 августа 1812 г., после ареста и высылки из Москвы почт-директора Ф.П. Ключарева, он был назначен директором Московского почтамта. По мнению Рунича, московский генерал-губернатор Ф.В. Ростопчин старался сместить Ключарева с занимаемого им поста по знаменитому «делу Верещагина» с помощью Н.И. Салтыкова, который рассчитывал посадить на место Ключарева Дмитрия Павловича. Рунич, по его словам, принял почтамт в 1812 г. «без всякой законной сдачи» в условиях его подготовки к приходу в Москву Наполеона.

Ввиду этого министр внутренних дел О.П. Козодавлев, в прошлом директор Герольдии, разрешил ему «действовать в предстоящей крайности как по повелениям Главнокомандующего, так и по собственному соображению и благоразумию»¹⁵⁹ – с тем, чтобы подготовить почтамт к эвакуации из Москвы.

В ночь с 1 на 2 сентября, за несколько часов до занятия города французскими войсками, Рунич выехал из Москвы во Владимир. Как он впоследствии утверждал, по его распоряжению были вывезены все деньги и счетные книги и спасено казенных и частных капиталов на сумму до пяти миллионов рублей (точнее, 4315111 руб.)¹⁶⁰.

Когда Рунич приехал во Владимир, он получил распоряжение главнокомандующего М.И. Кутузова перевезти все присутственные места из Владимира в Нижний Новгород и создать новую почтовую линию для связи Москвы и Си-

бири. Необходимо отметить, что организация подобных переездов – мероприятие не только довольно трудное, но и требующее большого времени и усилий.

В начале октября 1812 г. министр внутренних дел приказал ему совместно с губернатором Нижнего Новгорода принять все необходимые меры для открытия прямого почтового сообщения между Петербургом и Вяткой. Это было необходимо, чтобы в случае нападения на Петербург Вятка могла послужить убежищем для жителей столицы. Козодавлев остался доволен всеми распоряжениями Рунича: «Они служат доказательством той деятельности и исправности, каковых я от вас всегда ожидал»¹⁶¹. В конце октября, вскоре после того как Наполеон покинул Москву, Рунич получил «высочайшее повеление» возвратиться в первопрестольную и восстановить прерванное во время войны почтовое сообщение. Он вернулся в Москву 1 декабря 1812 г.¹⁶², и в знак благодарности за выполненную службу в 1813 г. ему были пожалованы столовые деньги по штату Московского почт-директора¹⁶³.

Дмитрий Павлович исправно выполнял свои многочисленные и очень важные обязанности почт-директора, оценивая свою деятельность в течение 1813 – 1815 гг. такими словами: «Я употреблял всевозможные усилия и старания к приведению в наилучшее состояние вверенного управлению моему почтамта и его дирекции; имел счастье обращать всегда на труды мои лестнейшее одобрение господина министра внутренних дел, потому в свое время доносил о всем том, что ныне имею честь представить и в чем могу сослаться на имеющиеся в почтовом департаменте документы»¹⁶⁴. Рунич был ответственным за вскрытие частной почты, которая проходила через его станцию. Это был важный источник информации для властей; с помощью перлюстрации Козодавлев мог получить сведения о настроении общества и о деятельности отдельных лиц. Москва была одним из наиболее возбуждавших опасения правительства центров, в котором постоянно поддерживались оппозиционные настроения. Там жили оказавшиеся не у дел вельможи и родовитые семьи из среды служилого дворянства, косо смотревшие на то, что делается в чиновничьем Петербурге.

Рунич служил министру внутренних дел не только глазами, но и ушами. В условиях роста недовольства среди части русского общества после заграничных походов 1813 – 1814 гг. Козодавлев просил его обратить внимание на московские вести сверх обычной перлюстрации. Рунич писал подробные донесения о различных московских происшествиях и сплетнях, имевших политический характер, и следил, чтобы почтмейстеры доставляли ему сведения о всех местных событиях¹⁶⁵.

В целом, Козодавлев был доволен работой Рунича: помимо выполнения своих прямых почтовых обязанностей, он показал себя как «усердный сотрудник и соучастник <...> в попечении о пользе и распространении мануфак-

¹⁵⁷ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 2. Д. 542. Л. 1 – 2.

¹⁵⁸ Рунич Д.П. Из записок Д.П. Рунича // РС. 1901. № 3. С. 597.

¹⁵⁹ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 39. Л. 2 об.-3.

¹⁶⁰ Там же. Ф. 263. Оп. 3. Д. 32. 20 лл.

¹⁶¹ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 21. Л. 2.

¹⁶² Рунич Д.П. Из записок Д.П. Рунича // РС. 1901. № 3. С. 610.

¹⁶³ РГАЛИ. Ф. 1863. Оп. 1. Д. 53. Л. 3 об., Л. 4.

¹⁶⁴ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 39. Л. 7 об.

¹⁶⁵ Там же. Ф. 263. Оп. 3. Д. 29. 83 лл.; Д. 30. 107 лл.; Д. 31. 1812. 162 лл.; Д. 38. 112 лл.

тур»¹⁶⁶. Рунич внес значительный вклад в осуществление выдвинутой Козодавлевым программы протекционистского развития отечественной промышленности¹⁶⁷. Он выполнял роль связующего звена между московскими фабрикантами и министром внутренних дел: докладывал их мнения, высылал образцы их изделий, передавал их взгляды министрам и собирал отчеты об успехах и состоянии их фабрик. Козодавлев считал необходимым собирание точных статистических данных о фабриках и заводах: только при этом условии, по его мнению, могли быть успешными заботы правительства об основании новых и о поддержке некоторых из существовавших промышленных предприятий. На Рунича было возложено осуществление контроля за сбором отчетов московских фабрикантов и сведений о фабриках и заводах. В результате Министерство внутренних дел выпустило два статистических справочника под названием «Ведомости о мануфактурах», один – за 1812 г, а другой – за 1813 и 1814 гг. Также ожидалось, что Рунич поднимет продажи правительственной газеты «Северная почта», издававшейся министерством внутренних дел при почтовом департаменте в 1809 – 1819 гг. В ней публиковались сведения о развитии промышленности пограничным и провинциальным материалам, доставляемым почтовыми чиновниками.

В 1812 г. в связи с проведением в империи новой религиозной политики в Петербурге было учреждено Библейское общество во главе с А.Н. Голицыным. Этому событию способствовал ряд причин. Первая, ставшая хрестоматийным штампом, – мистические настроения верховной власти и самого императора. Второй причиной зарубежные исследователи считают попытку установить в России нормы буржуазного порядка – нормы политической жизни и правовых отношений. Третья причина – новая геополитическая ситуация, способствовавшая актуализации вопроса о роли религии и церкви в стране¹⁶⁸. Членство в обществе стало считаться обязательным для высокопоставленных и желающих продвинуться по карьерной лестнице чиновников. Рунич сделал членский взнос в размере 200 рублей и высказал желание участвовать «в полезных предприятиях Петербургского Библейского общества»¹⁶⁹. 10 мая 1813 г. он был принят в Петербургское Библейское общество, в июле 1813 г. Рунич вступил в его Московский комитет и начал заниматься распространением бесплатных Библий. По поручению секретаря Петербургского Библейского общества В.М. Попова, директора канцелярии Министерства внутренних дел, Рунич рассылал по губерниям книги, в которых разъяснялись цели общества. Первоначально Рунич был уверен в благих намерениях общества, которое, как он думал, занималось только распространением Библий. С целью разъяснения этих намерений Рунич предпринял попытку напечатать речь о цели и пользе Библейского общества в самом передовом историко-политическом журнале того времени «Сын Отече-

¹⁶⁶ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 21. Л. 53.

¹⁶⁷ О протекционистской программе О.П. Козодавлева см.: Предтеченский А.В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. М. – Л. 1957. С. 296 – 297.

¹⁶⁸ См.: Тинина З.П. Самодержавие и русская православная церковь в первой четверти XIX в. Волгоград 1999. С. 123.

¹⁶⁹ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 21. Л. 11.

ства»¹⁷⁰. Он издавался учителем словесности Петербургской гимназии и секретарем цензурного комитета Н.И. Гречем в Петербурге в 1812 – 1852 гг. и должен был способствовать «возбуждению» в современниках патриотического подъема.

11 февраля 1816 г. Рунич получил чин действительного статского советника, был уволен с должности московского почт-директора и причислен к почтовому департаменту с жалованием, соответствующим званию помощника Московского почт-директора¹⁷¹. Чин IV класса давал ему право на должность губернатора и градоначальника. Козодавлев, по словам Рунича, «расположенный» к нему, немедленно предложил ему место директора департамента мануфактур, но поскольку Рунич не мог оставить Москву, назначил директором действительного статского советника С.С. Штера¹⁷². Рунич объяснял перемену решения Козодавлева желанием удержать его в почтовом ведомстве, но по не зависящим от него обстоятельствам не смог дать ему место Петербургского почт-директора.

После увольнения Рунич оказался в «стесненном» положении и обратился за помощью к другому покровителю – министру духовных дел и народного просвещения А.Н. Голицыну. Документально известно, что впервые князь ходатайствовал за него в 1811 г. при посредничестве М.П. Хилкова (о нем уже говорилось выше), потом, вероятно, за него просил директор Департамента народного просвещения В.М. Попов, с которым Рунич был знаком по Библейскому обществу. Он искал покровительства Голицына и, чтобы угодить ему, вместе с В.М. Поповым, М.Л. Магницким и основателем и редактором газеты «Русский инвалид» П.П. Пезаровиусом посещал мистические проповеди И. Линдля и И.Е. Госснера. Чиновники Петербурга считали своим долгом посещать проповеди тех, кого слушало их начальство. Несмотря на то что впоследствии они за антиправославные взгляды были высланы за границу, Рунич, который был знаком с Линдлем лично, и в дальнейшем считал, что его проповеди вполне согласны с духом веры и не могут быть признаны опасными для нее¹⁷³.

Помимо посещения проповедей, Рунич писал Голицыну письма, в которых характеризовал «горестнейшее положение целого семейства» и просил о помощи. При встрече князь «напутствовал» его «благотворным припамятованием заповеди», что, по словам Рунича, ему очень помогало. Но Голицын поддерживал Рунича не только наставлениями и советами¹⁷⁴. Так, он предложил ему через В.М. Попова занять место директора департамента в его министерстве. Правда, место директора могло освободиться не скоро, поэтому 8 марта 1819 г. Рунич был назначен членом Главного правления училищ, которое было создано одновременно с учреждением Министерства духовных дел и народного просвещения и занималось рассмотрением и составлением новых проектов по

¹⁷⁰ Там же. Ф. 656. Д. 37. Л. 71-72.

¹⁷¹ См.: РГБ. ОР. Ф. 41. К. 144. Д. 12; РГАЛИ. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 7; Ф. 1863. Оп. 1. Д. 53. Л. 3 об., 4.

¹⁷² ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 2. Д. 542. Л. 161.

¹⁷³ Рунич Д.П. Из записок Д.П. Рунича // РС. 1901. № 5. С. 379 – 380.

¹⁷⁴ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 2. Д. 542. Л. 5.

созданию и улучшению учебных заведений¹⁷⁵. Главное правление училищ было одним из четырех отделений департамента народного просвещения, входившего в состав этого Министерства, созданного по Манифесту 24 октября 1817 г. В составе правления были попечитель Дерптского университета К.А. Ливен, Харьковского – Е.В. Карнеев, Казанского – М.Л. Магницкий, ректор Духовной академии архимандрит Филарет, обер-прокурор Синода князь П.С. Мещерский, академики Н.И. Фус, И.И. Мартынов, И.С. Лаваль, С.С. Штер, Адеркас, директор департамента В.М. Попов.

Рунич как чиновник Министерства духовных дел и народного просвещения получал жалование в размере трех тысяч рублей в год, сверх этого еще три тысячи рублей «в уважение его усердной службы»; кроме того, ему было выделено одновременно пять тысяч рублей на переезд его семьи¹⁷⁶. В июне 1819 г. он переехал в Петербург, где получил место в собрании Правления министерства духовных дел и народного просвещения. Вскоре Рунич стал членом Ученого комитета, который был создан при Главном правлении училищ и занимался предварительным рассмотрением представлений попечителей университетов, учебных книг и сочинений, посвященных императору¹⁷⁷. Ученый комитет начал работу 27 марта 1818 г., и первоначально в его состав вошли И.С. Лаваль, Н.И. Фус и А.С. Стурдза. Членами Ученого комитета также были К.А. Ливен, С.С. Уваров, М.Л. Магницкий, митрополит Филарет, П.С. Мещерский, Н.И. Фус, И.И. Мартынов, С.С. Штер, Адеркас, В.М. Попов. Цель деятельности комитета – «постоянное и спасительное согласие между верой, видением и властью или другими выражениями, между христианским благочестием, просвещением умов и существованием гражданским»¹⁷⁸. Ученый Комитет составил новое расписание учебных предметов для гимназий и училищ, в котором отсутствовали естественная история, всеобщая и русская статистика, начальный курс философии и изящных наук и начальные основания политической экономии и технологии¹⁷⁹.

Рунич занимался рассмотрением книг по искусству, литературе и разным отраслям науки, поэтому, в основном, оценивал их по формальным признакам – полнота и правильность изложения, слог, отсутствие противоречий. Почти все учебники он считал недоработанными, например – «Опыт риторики» И. Рижского, в котором, как заявлял Рунич, не было ни одного правила, объясненного с примерами¹⁸⁰. Только «Богословие» иеромонаха Макария (краткий и полный курс догматического и нравственного богословия) он признал «утвержденным

¹⁷⁵ РГАЛИ. Ф. 1863. Оп. 1. Д. 53. Л. 3 об., 4; РГБ. ОР. Ф. 751. К. 2. Д. 52. Л. 3.

¹⁷⁶ РГБ. ОР. Ф. 751. К. 2. Д. 52. Л. 3; Любавин М.А. Книги профессора Куницына // Любавин М.А. Лицейские учителя Пушкина и их книги. СПб. 1997. С. 42.

¹⁷⁷ Письма Д.П. Рунича 1821 и 1842 гг. к кн. А.Н. Голицыну и неизвестному лицу в бумагах Бодянского, сообщ. Титовым // Чтения в обществе истории и древностей российских (Далее: ЧОИДР). 1905. Кн. 1. С. 4.

¹⁷⁸ Рождественский С.В. Первоначальное образование Санкт-Петербургского университета 8 февраля 1819 г. и его ближайшая судьба. Петроград. 1919. С. 115 – 116.

¹⁷⁹ Богданович. История императора царствования Александра I и России в его время. СПб. 1869. Т. V. 1871. С. 337.

¹⁸⁰ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 3. Д. 27. 87 лл.

на точном смысле Божественного откровения», так как доводы в книге были «согласны с духом Св. Писания»¹⁸¹.

В июле 1819 г., после суда, состоявшегося в Сенате, отец Рунича был уволен в «пенсия по 3 тыс. в год»¹⁸². Он был обвинен в «беспорядках», которые были обнаружены во время управления им Вятской губернией. Так закончилась государственная служба отца, в то время как карьера сына продолжала стремительно развиваться.

В июне 1820 г. Рунич вошел в состав Комитета по составлению нового устава по делам книгопечатания вместе с другими членами Ученого комитета – Н.И. Фусом, А.С. Стурдзой, П.С. Мещерским и М.Л. Магницким. Новый устав должен был исключить возможность «изворотов и уловок» и подчинить цензуру Министерству духовных дел и народного просвещения. Проект устава цензуры и проект секретной инструкции цензурным комитетам были составлены Д.П. Руничем и академиком Н.И. Фусом. Рунич относительно «главных начал», на которых должна быть учреждена цензура в России, считал, что пропускать сочинения об истории государственных политических переворотов, переменах образа правления и конституциях можно¹⁸³. В то же время он категорически был против сочинений, содержащих суждения и заключения, выведенные из «безбожных» философских систем и «возмутительных теорий о мнимом естественном праве»¹⁸⁴. Также, по мнению Рунича, нельзя было пропускать произведения о «сектанстве», в которых «общепринятые» истины и понятия христианства отвергались или смешивались с магией, каббалистикой, масонством, и книги, чьи авторы с помощью разума пытались объяснить и доказать чисто философски святыя таинства. М.Л. Магницкий должен был внести свои изменения в проекты Н.И. Фуса и Д.П. Рунича и направить их на окончательное рассмотрение в Комитет. Также свой проект представил дипломат и писатель по политическим и религиозным вопросам А.С. Стурдза, но составленный Комитетом в 1820 – 1823 гг. проект цензурного устава не был утвержден в Главном правлении училищ.

В 1820 г. Рунич стал членом созданного в том же году при Главном правлении училищ Особого комитета для устройства и наблюдения за училищами взаимного обучения, во главе которого стоял ректор Александровской духовной академии Филарет; в его состав входили также М.Л. Магницкий, С.С. Уваров и И.И. Мартынов¹⁸⁵. Комитет должен был заниматься введением так называемого «ланкастерского» способа – метода взаимного обучения, но с самого начала стал действовать против Вольного общества учреждения училищ взаимного обучения. Это объяснялось целью его создания и тем, что деятельность Общества не соответствовала политике правительства: в нем употреблялись

¹⁸¹ РГИА. Ф. 734. Оп. 1. Д. 728. Л. 37 – 39.

¹⁸² Там же. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 418. Л. 424 об.

¹⁸³ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 3. Д. 13. 2 лл.

¹⁸⁴ РГИА. Ф. 734. Оп. 1. Д. 728. Л. 226.

¹⁸⁵ См.: ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 3. Д. 157. 32 лл.; Д. 42. 34 лл.; Письма Д. Рунича 1821 и 1842 гг. к кн. А.Н. Голицыну и неизвестному лицу в бумагах Бодянского, сообщ. Титовым // ЧОИДР. 1905. Кн. 1. С. 4; П.П. фон Геце. Из записок П.П. фон Геце. Кн. Голицын и его время // Русский Архив (Далее: РА). 1902. № 9. С. 90.

«вредные по духу таблицы» для обучения чтению, в которых фигурировали такие слова, как «свобода», «воля», «раб», «гражданин», и оно распространяло «революционный дух».

Опасения Главного правления были не напрасны. Целью Вольного общества, созданного в 1818 г. членами масонской ложи «Избранного Михаила» и подпавшего под власть тайной организации декабристов «Союза Благоденствия», было просвещение общества для подготовки к восприятию республиканских идей и использование созданных школ для агитации среди солдат¹⁸⁶. В 1821 г. Комитет потребовал его закрыть, обвиняя в неисполнении распоряжения императора об употреблении в училищах взаимного обучения новых таблиц, изданных Департаментом народного просвещения. Материал для них по поручению Н.И. Фуса подготовил Рунич, выбрав 33 статьи из книги «О подражании Христу» или «Чтение четырех евангелистов». Объясняя свой выбор источников, он ручался «за святость, чистоту и превосходство учения, заключающегося в помянутых статьях»¹⁸⁷. Вместе с Магницким Рунич потребовал изъять все таблицы Вольного общества для чтения и письма, грамматические и диктовальные прописи, молитвы и даже камни, на которых печатались таблицы, так как в них был обнаружен «вредный» набор слов. Особый комитет также выступал против устроенного по ланкастерскому методу Учительского института при Петербургском университете, который готовил учителей для приходских училищ. Комитет предлагал приостановить работу института до тех пор, пока ланкастерский метод не будет поставлен в нем правильно. В 1822 г. Главное правление училищ постановило прекратить мероприятия Министерства по введению в России ланкастерского метода¹⁸⁸.

Необходимо отметить, что народное просвещение в этот период трактовалось как некий путь духовного совершенствования. Политика в области народного просвещения стала носить религиозно-мистический характер. С этих позиций были созданы «соединенное» Министерство духовных дел и народного просвещения, Главное правление училищ, Ученый комитет и Особый комитет для устройства и наблюдения за училищами взаимного обучения. В учебные пособия закладывались основы религиозных понятий, которые должны были прививаться ученикам. Александр I хотел преобразовать человеческий род «путем воспитания его в духе Библии»¹⁸⁹ и создать утопию верующих – «евангельское» или «общехристианское» государство¹⁹⁰.

¹⁸⁶ Нечкина М.В. Движение декабристов. Т. 1. М. 1955. С. 266; Базанов В.Г. Ученая республика. М. – Л. 1964. С. 19; Кондаков Ю.Е. Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция (1801 – 1825). СПб. 1998. С. 87 – 88.

¹⁸⁷ РГИА. Ф. 734. Оп. 1. Д. 728. Л. 224 об. – 225; ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 177. 4 лл.

¹⁸⁸ Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. СПб. 1902. С. 146 – 148.

¹⁸⁹ Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. М. 2002. С. 299.

¹⁹⁰ См.: Вишленкова Е.А. Религиозная политика: официальный курс и «общее мнение» России Александровской эпохи. Казань. 1997; Ее же. Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России в первой четверти XIX века. Саратов. 2002.

С одной стороны, это было связано с изменением геополитической позиции государства: границы империи расширились, в ее состав влилось значительное количество неправославного населения, и верховная власть решила объединить все народы страны на основах некоей новой христианской веры¹⁹¹. С другой стороны, впечатление от европейского революционного движения повлекло переход от либеральной программы юности Александра I (теория о «законно-свободных» учреждениях как норме политического строя, обеспечивающего условия мирного развития страны и их охраны как от революционных потрясений, так и от правительственного деспотизма) к попытке связать свой политический идеал с «невероисповедной и интернациональной религиозностью»¹⁹². Произошел отказ от воплощения религиозно-просветительской идеологии Священного союза и переход внешней и внутренней политики правительства к национально-консервативным началам¹⁹³. Выражением этого перехода в области народного образования стала «Записка о настоящем положении Германии» А.С. Стурдзы (1818 г.). Она была направлена против автономности германских университетов, являвшихся «рассадником не только образования юношества, но и политических преобразований»¹⁹⁴. Поэтому, считал ее автор, необходима коренная реформа немецких университетов: надо уничтожить их средневековые привилегии и ввести строгий контроль над преподаванием. Стурдза полагал, что реформа образования должна пройти в духе христианства, так как христианское учение о нравственных обязанностях человека в состоянии обуздать деспотизм властей и бунтарство бедных. В Инструкции, разработанной по поручению А.Н. Голицына для Ученого комитета, Стурдза высказался против энциклопедического типа обучения и настаивал на придании образованию религиозного характера. Таким образом, в политике народного просвещения провозглашалось главенство религиозно-нравственного начала в обучении. Взгляды Рунича с этими новшествами вполне совпадали.

§ 2. Масонские связи

Мало известен вполне естественный для эпохи Рунича факт, что он был масоном и увлекался мистической литературой. В первой четверти XIX в. обращение русских людей к масонству и религиозному мистицизму наиболее соответствовало настроению общества и правительства. Масонство, или Орден свободных каменщиков, представляло собой всемирное тайное общество, целью которого было достижение земного Эдема, царства любви и истины Аст-

¹⁹¹ Тинина З.П. Указ. соч. С. 178.

¹⁹² Пресняков А.Е. Александр I. Петербург. 1924. С. 176 – 177.

¹⁹³ См.: Мартин А. А.С. Стурдза и «Священный союз» (1815 – 1823 гг.) // Вопросы истории. 1994. № 1. С. 145 – 151; Бахтурина А.Ю. Зарождение и сущность идеи Священного союза // Вопросы истории. 1997. № 4. С. 151 – 155.

¹⁹⁴ Стурдза А.С. Воспоминания о жизни и деяниях гр. И.А. Каподистрии, правителя Греции // ЧОИДР. 1864. Кн. 2. С. 80; Шебунин А.В. Европейская контрреволюция в первой половине XIX в. Л. 1925. С. 164 – 166.

реи. Выступая под девизом: свобода, равенство, братство, Орден провозглашал своим моральным идеалом религиозную терпимость, космополитизм, понятие об общественно-нравственной равноправности, поведение по правилам христианского и «естественного» предписания, законы терпения, здравую философию, основы христианства¹⁹⁵. Мистицизм изначально возник как религиозно-философское учение, признававшее полное бессилие разума и первенство в процессе познания «религиозного чувства», веры. Мистики шли путем самоуглубления, созерцаний и вдохновений. В начале XIX в. появился мистицизм протестантского толка, который отрицал «внешнюю» церковь и ее обряды и провозглашал единственно истинной церковью «внутреннюю» церковь, указывавшую на путь единения с Богом без посредника¹⁹⁶.

Популярность русского масонства и его связь с внецерковным мистицизмом царствования Александра I объяснялась определенными духовными запросами людей того времени, которые не находили удовлетворения ни в церкви, ни в общей культуре¹⁹⁷. На смену православным догматам пришла мистическая идея, отрицавшая «внешнюю» церковь, обряды, и дарующая каждому церковь «внутреннюю», «истинную». При Александре I масонство было официально разрешено, и масонские ложи постепенно превратились в своеобразные «общественные клубы»¹⁹⁸, где вся фантастика и символика становились всего лишь модными атрибутами. Масонство пронизывало все образованное общество, охватывая своим влиянием даже мелких чиновников из дворян, которые поступали в ложи в основном, чтобы добиться продвижения по службе. Правительство не препятствовало распространению мистических книг и масонских изданий, существовали масонские и парамасонские общественные организации.

В юности Рунич увлекался культурой и образом жизни Западной Европы, интересовался христианскими миссионерскими рыцарскими орденами и масонскими обществами Австрии. Большое влияние на формирование его мировоззрения оказало окружение его отца, П.С. Рунича, который был посвящен в третью масонскую степень «мастера» С.И. Гамалеей. Этот «глубоко религиозный человек», ученик Киевской духовной академии, был переводчиком мистических сочинений, одним из основателей Дружеского Ученого общества, членом Типографической компании и ближайшим другом Н.И. Новикова¹⁹⁹.

¹⁹⁵ См.: Пыпин А.Н. Масонство в России XVIII в первой четверти XIX в. М. 1997; Соловьев О.Ф. Масонство в мировой политике XX в. М. 1998.

¹⁹⁶ См.: Дубровин Н.Ф. Наши мистики-сектанты. А.Ф. Лабзин и его журнал «Сионский вестник» // РС. 1894. № 9. С. 156 – 178; Худушина И.Ф. «Александровский мистицизм» и проблема обновления православной церкви в начале XIX в. // Из истории философии в России XIX – начало XX вв. М. 1990. С. 11.

¹⁹⁷ Зеньковский В.В. История русской философии. 1989. Т. 1. Ч. 1 – 2. С. 118.

¹⁹⁸ Мельгунов С. Дела и люди Александровского времени. Т. 1. Берлин. 1923. С. 258.

¹⁹⁹ С.И. Гамалея – член ложи «Озирис» в Петербурге (с 1776 г.), с 1782 г. мастер стула ложи «Девкалион», розенкрейцер, член дирекции теоретического градуса, II надзиратель капитула VIII провинции в Москве (после разделения Европы на масонские провинции на Вильгельмсбадском конвенте 1782 г. Россия была объявлена 8-й провинцией), посетитель лож «Геркулес в колыбели», «Восходящее солнце», университетской ложи «Гермес». См.:

Отец Рунича дружил с видными масонами А.Ф. Лабзиным и А.А. Плещеевым и одно время был в тесном контакте с московскими розенкрейцерами, а его друг Лоренц Витберг был «надзирателем» в одной из немецких лож в Петербурге²⁰⁰.

Масон XVIII в. А.А. Плещеев был другом и покровителем известного историка и писателя Н.М. Карамзина, который посвятил ему и его жене Н.П. Протасовой «Письма русского путешественника». Именно в доме Плещеева Дмитрий Павлович познакомился с Карамзиным, масоном и воспитанником Дружеского Ученого общества, которое стало для него школой, оказавшей значительное нравственное влияние и давшей возможность познакомиться с широким кругом европейской литературы. Там началась литературная деятельность будущего писателя и историка²⁰¹.

Рунич восхищался его переводами, «эротическими» (так он сам их называл в своих мемуарах²⁰²) стихотворениями и сказками и в подражание любимому писателю издал несколько произведений. Впоследствии между ними завязалась переписка. «Добрый почтальон» Рунич, как называл его Карамзин, по его просьбе, содействовал переписке между масонами А.И. Тургеневым и Н.И. Новиковым и выполнял некоторые поручения²⁰³.

Дипломатическую деятельность в начале своей карьеры Рунич выбрал отнюдь не случайно: масоны придавали ей большое значение.

Согласно учению «вольных каменщиков», включавшему мысли о добре и зле, войне и мире, созидании и разрушении, акцент делался на эволюционных формах развития без вооруженных столкновений. Масонский пацифизм концентрировался на стремлении любым путем снизить накал международной напряженности, в случае возникновения войны требовал ограничить ее рамки, сократив масштабы кровопролития. Масоны старались занять ведущие позиции в Министерстве иностранных дел. Так, во главе канцелярии, к которой был причислен Рунич, стоял долголетний друг Павла I и воспитанник старого масона, воспитателя Павла I Н.И. Панина А.Б. Куракин²⁰⁴. Русским посланником при прусском дворе, приказавшем Руничу доставить депешу в Петербург, был

Лонгвинов М.Н. Новиков и масонские мартинисты. СПб. 2000. С. 182 – 183; Серков А.И. Русское масонство. 1731 – 2000. М. 2001. С. 717.

²⁰⁰ Дмитриев М.А. Воспоминание о Лабзине (из записок М.А. Дмитриева) // РА. 1866. С. 850; Рунич Д.П. Из записок Д.П. Рунича // РС. 1901. № 1. С. 48.

²⁰¹ Н.М. Карамзин с 1784 г. был членом ложи «Златой венец» в Симбирске, а в 1789 г. перед отъездом за границу объявил о выходе из братства. См.: Покровский В.И. Н.М. Карамзин. Его жизнь и сочинения. М. 1904. С. 34 – 54; Успенский Б.А. Из истории русского литературного языка XVIII – начала XIX века. Языковая программа Карамзина и ее исторические корни. М. 1985.

²⁰² Рунич Д.П. Из записок Д.П. Рунича // РС. 1901. № 1. С. 48.

²⁰³ См.: РГБ ОР. Ф. Полт. К. 45 Д. 26. Л. 3; Ф. 751. К. 2. Д. 52. Л. 6; РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 19. Л. 7.

²⁰⁴ Н.И. Панин – член разных масонских лож, Великий Наместный Мастер Великой Ложи Англии в России. А.Б. Куракин посвящен в первую степень в 1773 г. в ложе ордена тамплиеров. В 1776 г. после принятия им высших градусов в Стокгольме при посредничестве Куракина в России были организованы ложи шведской системы (Бакунина Т.А. Знаменитые русские масоны. М. 1991. С. 43 – 47).

известный масон, племянник старого Н.И. Панина граф Н.П. Панин²⁰⁵. Вице-канцлером, получившим эту депешу, был известный московский масон В.П. Кочубей²⁰⁶.

Нужно заметить, что одна из ключевых фигур масонства того времени, А.Ф. Лабзин, был связующим звеном в переписке между Руничем и его отцом²⁰⁷. Дмитрий Павлович хорошо знал его еще по дому своего отца, в котором тот был частым гостем, и отзывался о нем как об истинном христианине. Воспитанник Московского университета, историограф ордена Св. Иоанна Иерусалимского, которому покровительствовал Павел I, впоследствии вице-президент Академии художеств, он также был участником Дружеского Ученого общества Н.И. Новикова, учеником И.Г. Шварца, переводчиком и издателем мистических книг²⁰⁸. По мнению Рунича, Лабзин смотрел на масонство не «как на детскую забаву или как средство скрыть свои политические стремления», но видел в нем «первую ступень, по которой человек мог достигнуть нравственного совершенства и более глубокого познания природы и ее великого Создателя». Он обладал «выдающимся умом, железной волей, основательными познаниями в философии и истории»²⁰⁹. Вступлению Д.П. Рунича в масонское братство, в ложу Лабзина «Умирующий сфинкс» способствовали близкие отношения Лабзина с Л. Витбергом и П.С. Руничем. Ложа, основанная 15 января 1800 г. в Петербурге, была первой в XIX в. русской масонской розенкрейцерской ложей. Работая втайне первое пятилетие своего существования, после запрещения масонских лож при Екатерине II, она принимала большие предосторожности, чтобы ее собрания не были обнаружены. О работах этой ложи запрещалось разглашать не только в мире «профанов», не посвященных в тайны «вольных каменщиков», но и в среде масонов, не принадлежавших к ложе «Умирующий сфинкс». Власть Лабзина как «управляющего мастера» тайной ложи была велика, «братья» должны были беспрекословно ему повиноваться, не могли без его разрешения переходить в другие ложи и повиноваться другому масонскому начальству. Ложа работала на русском языке, была немногочисленной по составу и не принадлежала к масонским союзам. Обстановка и обиход ложи не были особенно богаты, но круг братьев отличался большим рвением к орденскому делу. Их клятва гласила: «посвятить всех себя и все свое, честь, имя и самую

²⁰⁵ Н.П. Панин – масон, но к какой именно ложе он принадлежал, неизвестно. Его отец П.И. Панин был членом лож елагинской системы.

²⁰⁶ Рунич Д.П. Из записок Д.П. Рунича // РС. 1901. № 1. С. 77. В.П. Кочубей с 1786 г. – член масонских лож «Минерва» и «Девкалион» и член теоретического градуса в Москве.

²⁰⁷ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 22. Л. 1, 2.

²⁰⁸ А.Ф. Лабзин – секретарь Библейского общества, мартирист с 1783 г, основатель и мастер стула ложи «Вифлеем», объединившей членов шотландских степеней «Умивающего сфинкса», член ложи «Народ Божий», участник собраний «теоретических братьев» в Петербурге 1809 – 1810 гг. и «теоретического круга» в Москве с 1819 г., посетитель лож, входивших в союз Великой провинциальной ложи («Ищущие манн», «Нептун») и Астреи («Елизавета к добродетели», «Орел Российский», «Соединенные друзья»).

²⁰⁹ Рунич Д.П. Из записок Д.П. Рунича // РС. 1901. Т. CVI. С. 158.

жизнь цели ордена». К ложе благоволили старые розенкрейцеры – Н.И. Новиков, С.И. Гамалея, И.А. Поздеев²¹⁰.

12 ноября 1804 г. Д.П. Рунич был посвящен в первую масонскую степень в ложе «Умирующий сфинкс». Желая стать «вольным каменщиком» должен был заручиться рекомендацией кого-нибудь из членов той ложи, в которую он хотел быть принятым. «Поручителем» при вступлении в ложу Рунича выступил шурина А.Ф. Лабзина А.Г. Чурина. Потом Рунич прошел обряд инициации, то есть посвящения в масонство.

Первая степень масонства – «ученик» – длилась не меньше года, главная ее задача – «научиться понимать великую тайну своего существования и путем самосовершенствования стать более достойным собственной жизни»²¹¹. В качестве «ученика» принятый в масонство работал над собой, совершенствовался в добродетелях, усваивал «царственную науку вольных каменщиков» и готовился к прохождению других, более высоких степеней. В этом ему помогал «наставник». «Наставником» Рунича стал А.Г. Черевин (1778 – 1818), юнкер Коллегии иностранных дел, впоследствии муж сестры Рунича Александры, статский советник и знакомый Н.И. Новикова, который называл его своим «внуком»²¹². В день посвящения «учитель» Рунича поздравил его с этим событием: «и из всех моих сил молю Начавшего, да совершит с вами, равномерно и с нами, славный тройственный путь; по совершении коего мертвенное наше пожертво [так в тексте – Е.А.] будет животом и все будет нова»²¹³. По словам Черевина, Дмитрий Павлович был довольно своенравным «учеником», не всегда уважительно относившимся к своему «учителю» и Священному Писанию. «Наставник» содействовал переписке Рунича со знаменитым просветителем и масоном Н.И. Новиковым, организатором издательской и благотворительной деятельности московских розенкрейцеров²¹⁴. Рунич считал его своим учителем, человеком, посвящавшим в тайны масонской эзотерики и направлявшим к «истинной цели». В одном из своих сочинений он назвал Новикова «прирожденным дворянином», которому «обязана Россия тем, что русский язык обогатился напечатанием многих томов превосходных сочинений в переводе»²¹⁵.

²¹⁰ Соколовская Т.О. Возрождение масонства при Александре I // Тайные ордена. Масоны. Ростов-на-Дону. 1997. С. 241 – 242.

²¹¹ Морамарко М. Масонство в прошлом и настоящем. М. 1990. С. 140.

²¹² А.Г. Черевин посвящен в ложе «Умирующий сфинкс» в 1801 г., в 1809 г. порвал отношения с А.Ф. Лабзиным. До 1809 г. принят в теоретическую степень Н.И. Новиковым, секретарь в собраниях «теоретических братьев» (1809 – 1810), проходивших для членов «теоретической степени» ложи «Умирующий сфинкс», масонский псевдоним: Вечерин; член общества Грабянки «Народ Божий».

²¹³ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 24. Л. 93.

²¹⁴ Н.И. Новиков был посвящен в масоны в 1775 г. Он посещал ложу «Уралия», являлся мастером стула ложи «Латона», одним из девяти членов, составивших ложу «Астрея». В 1780 г. Новиков организовал ложу «Гармония», с 1782 г. был членом Капитула VIII провинции и президентом в Директории VIII провинции, членом ложи «Злато-розовый Крест», членом директории теоретической степени. В ложах XIX в. участия не принимал.

²¹⁵ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 6. Л. 4 об.

24 декабря 1804 г. Рунич был возведен во вторую степень – степень «подмастерья». «Подмастерье» обязывался «трудиться для других, приносить пользу в жизни»²¹⁶. При посвящении в эту степень масонство обращалось к «братьям», уже «воспринявшим его заветы» и лишь «дождавшимся благоприятного случая», чтобы применить их на практике. Срок пребывания в степени «подмастерья» был не определен, «подмастерье» ожидал того времени, когда сможет стать «мастером».

Немаловажную роль в обучении Рунича на этом этапе сыграл А.Ф. Лабзин. Он советовал ему больше молиться, читать и переводить, снабжал книгами модных в то время в масонских кругах западно-европейских мистиков И.-Г. Юнга-Штиллинга и К. Эккартсгаузена.

Философия баварского цензора К. Эккартсгаузена была разновидностью христианского мистицизма: в явной форме он не отрицал христианского верования, однако трактовал его по-своему, используя концепции различных эзотерических и оккультных течений. Эккартсгаузен пытался служить примирению науки с религией, превозносил «чистое масонство» как высшее воплощение христианства и критиковал взгляды просветителей²¹⁷. Он написал свыше 80 книг различного содержания, в последний период своей жизни – множество религиозно-мистических трудов. Эккартсгаузен в первые десятилетия XIX в. был очень популярен в России, его книги входили в «джентльменский набор» мистически настроенной русской интеллигенции. Его идеи, в основном, распространяли И.В. Лопухин и А.Ф. Лабзин; за время царствования Александра I было издано 24 сочинения.

Лабзин был одним из первых почитателей в России немецкого мистика, профессора камеральных наук И.-Г. Юнга-Штиллинга. Он перевел и издал многие его произведения, направленные против просветителей и католической церкви, предназначенные для протестантских читателей и чуждые православному духу.

В своих произведениях Штилинг доказывал торжество протестантизма над католической церковью и был ярким врагом притворной набожности. Выступал он и против обрядной стороны христианства²¹⁸. Веря в божественное руководство его поступками и уделяя большое внимание знаменам времени, он воспринимал христианство как непрестанную борьбу внутренней жизни и внешних обстоятельств; с этой точки зрения он смотрел на состояние мира и делал предсказания. Его интересовали два предмета: Апокалипсис и «вышняя психология», наука о душе. Под впечатлением от французской революции Штилинг стал защитником алтарей и престолов, его сочинения были направлены против революционного духа и утверждали веру против «нападений неверия».

Лабзин не только способствовал масонскому и мистическому самообразованию Рунича, но и давал ему жизненно важные, по его мнению, наставления, например, что «внутреннее смирение», «скромность и кротость всего лучше», так как скромным больше доверяют, главное – не угодить, а услышать

²¹⁶ Морамарко М. Указ. соч. С. 140.

²¹⁷ Эккартсгаузен К. Ключ к тайнам природы. СПб. 2001.

²¹⁸ Юнг-Штилинг И.Г. Победная повесть или торжество христианской веры. СПб. 1815.

истину и не ссориться с людьми²¹⁹. Он содействовал его карьере, помог назначению Рунича на должность помощника московского почт-директора. Лабзин советовал держаться за это место, которое, по его словам, было лучше, чем место экспедитора и правителя канцелярии. Московский почтамт был своего рода негласным центром московского масонства, так как приоритетной задачей масонов было овладение средствами передачи информации, в начале XIX в. таким средством была почта. Особенно Лабзин советовал не перечить и выполнять все поручения директора почтамта Ф.П. Ключарева, участника Дружеского Ученого общества Н.И. Новикова и масона высоких степеней посвящения²²⁰.

В 1806 г. Рунич по поручению Лабзина стал распространять пакеты с издаваемыми им книгами и экземплярами его религиозно-нравственного журнала «Сионский вестник», который был первым периодическим изданием, поднимавшим богословские вопросы перед широкой читательской аудиторией нашей страны. Авторы журнала проводили отличную от официального курса политическую линию, пропагандируя идеи западноевропейского мистицизма и выражая открытую оппозиционность масонов-мистиков правительственным реформам²²¹. Лабзин проповедовал идеи «внутреннего» христианства, призывая русских людей к «пробуждению», для достижения которого было необходимо бороться с влиянием материального мира на душу. Он называл Священное Писание «немым наставником», внешнюю церковь – «толпой оглашенных, низших христиан»²²² и выступал за «бесцерковное» христианство и борьбу с «внешней» церковью.

Лабзин, считавший себя последователем Н.И. Новикова, попытался наладить издательскую деятельность розенкрейцеров, однако большого успеха не имел. «Сионский вестник» был запрещен в сентябре 1806 г., в 1817 г. издание было возобновлено, но из-за протестов православного духовенства в 1818 г. журнал окончательно прекратил свое существование. Лабзин интересовался мнением Рунича о сочинениях, опубликованных в «Сионском вестнике», учил понимать их, так как, с его точки зрения, Рунич не чувствовал общего настроения произведений и глубоких мыслей авторов. Под влиянием Лабзина Рунич вступил в религиозно-мистическое общество, известное также как «Новый Израиль». Оно появилось в России в 1806 г., первоначально было учреждено в 1778 г. в Берлине, затем в 1786 г. в Авиньоне во Франции. Основатель общества, граф Тадеуш (Фаддей) Грабянка (Лешиц-Грабянка), был принят в общество в Берлине в 1779 г. и почитался «Царем Израилевым». Цель его состояла в том, чтобы возвещать народам по велению Божьему второе и близкое пришествие Иисуса Христа, причем посредником в сношении с небом граф Грабянка объявил самого себя. Как и у розенкрейцеров, в ложе увлекались теософией, алхи-

²¹⁹ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 22. Л. 16 – 17.

²²⁰ Ф.П. Ключарев – член ложи «К Мертвой голове», Дружеского Ученого общества Н.И. Новикова, Директории VIII провинции, мастер стула ложи «Св. Моисей», с 1819 г. – главный надзиратель собраний «теоретического круга» в Москве.

²²¹ См.: Е.А. Вишленкова. Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России в первой четверти XIX века. Саратов. 2002.

²²² Зеньковский В.В. Указ. соч. С. 120.

мией и магией. В 1807 г. граф Грабянка был арестован и посажен в крепость, а «Народ Божий» свое существование прекратил²²³.

В 1807 г., судя по письмам Лабзина, Рунич с женой вели жизнь скромную и уединенную, лишь чтение Священного Писания «питало» их души. Рунич пытался через Лабзина занять место Московского почт-директора, но Лабзин порекомендовал обратиться к графу Н.И. Салтыкову с просьбой о протекции. При этом Лабзин не советовал Руничу добиваться места губернатора, чтобы поправить состояние, так как «губернаторские места никак не поправляют состояние честных людей, а разоряют их верно»²²⁴. После назначения Рунича почт-директором он советовал ему оставаться на своем месте, так как «особенно почт-директорские места очень ценны». Во время службы в московском почтамте Рунич был связующим звеном в переписке с видными масонами И.В. Лопухиным, Н.И. Новиковым, А.Ф. Лабзиным, А.Д. Черевиным, Ф.П. Ключаревым²²⁵. В то же время согласно масонской филантропии, которая распространялась, в первую очередь, на «братьев», а потом на лиц, не принадлежавших к ордену, Рунич оказывал помощь «братьям», обращавшимся к нему. Такая помощь подразумевала служебное содействие (масон старался помочь продвинуться по службе всем, кто состоял в ордене, масонский диплом – залог, обеспечивавший восхождение по служебной лестнице) и денежную поддержку (масоны помогали нуждавшимся «братьям» деньгами). Например, он помог действительному статскому советнику П.А. Левашеву, служившему при посольстве и близкому к А.Б. Куракину и Н.И. Панину; А.Р. Чернышевой, жене генерал-аншефа графа З.Г. Чернышева, покровительствовавшего масонам; К.Я. Булгакову, сыну дипломата, переводчика и писателя Я.И. Булгакова, который был комиссионером изданий Н.И. Новикова²²⁶. Но помогал не только Рунич, помогали и ему. Так, он был награжден орденом св. Владимира четвертой степени благодаря просьбе масона, князя М.П. Хилкова²²⁷. Впоследствии, когда Рунич стал директором московского почтамта, ему, как уже говорилось, покровительствовал министр внутренних дел, масон О.П. Козодавлев²²⁸.

²²³ Соборы общества «Народ Божий» проходили в доме А.Г. Черевина, членами его были А.Н. Голицын, Р.А. Кошелев, А.Ф. Лабзин, А.А. Ленивец, С.И. Плещеев, Г.М. Походяшин, Н.В. Репнин, А.Г. Черевин, П.И. Донауров, Ф.П. Лубяновский. См.: Брачев В.С. Масоны и власть в России. М. 2003. С. 228 – 229.

²²⁴ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 23. Л. 151. Как говорилось выше, в 1807 г. Рунич получил гражданский чин статского советника, который соответствовал V классу и давал ему право на занятие должности вице-директора департамента и вице-губернатора.

²²⁵ См.: Письма И.В. Лопухина к Д.П. Руничу // РА. 1870. № 7. С. 1215 – 1236; Письма Н.И. Новикова к Д.П. Руничу. С. 1014 – 1094; РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 22 – 25; Д. 46; Д. 20; Отчет императорской публичной библиотеки за 1870 г. СПб. 1872. С. 50.

²²⁶ П.А. Левашев – член ложи «Девяти или Трех Муз» в Петербурге с 1774 г.; З.Г. Чернышев – секретарь ложи «Трех камонов» в Вене с 1743 г., член ложи «Девяти или Трех Муз» с 1774 г. Серков А.И. Указ. соч. С. 149, 467, 874 – 875. Сведения о помощи см.: РГАЛИ. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 8, 3; РГБ. ОР. Ф. 41. Д. 28; Ф. 751. К. 3. Д. 11.

²²⁷ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 2. Д. 542. Рунич Д.П. Черновики писем к Голицыну А.Н. 1811 – 1850 гг. Л. 1 – 2. М.П. Хилков – член ложи «Молчаливости» (Молчания, Скромности) в Петербурге (основана около 1750 г.) третьей степени (то есть мастер).

²²⁸ О.П. Козодавлев посвящен в масонство в ложе «Равенства» в 1775 г., вице-президент Российского Библейского общества с 1812 г.

30 июля (6 августа) 1809 г. Рунич был посвящен в третью степень – степень «мастера», которая считалась степенью завершения изучения масонского опыта. В ноябре 1809 г. он поехал к Н.И. Новикову за «градусом» и был принят в «теоретическую степень», которая была одним из нововведений розенкрейцерства; после ее принятия масон становился розенкрейцером. Тогда же Рунич получил некие уникальные «подлинные» документы, «истинный источник истории масонства», которые, по масонской легенде, привез из Германии в 1782 г. известный масон, профессор Московского университета, руководитель московских розенкрейцеров И.Г. Шварц для создания в России «истинного масонства, противоядия неверию и вольнодумству»²²⁹.

Среди привезенных Шварцем документов были признание независимости русского масонства от шведского, разрешение на организацию «теоретического градуса» и высших розенкрейцерских степеней, право на основание в Москве «Ордена Злато-розового Креста» и согласие на участие уполномоченных от русских масонов в заседаниях будущего Вильгельмсбадского конвента для учреждения особой провинции из России²³⁰. Вероятно, это были те документы, которые мечтал получить А.Ф. Лабзин. Он считал себя «любимым племянником» и наследником масонского дела Н.И. Новикова, обещавшего ему оставить своих московских братьев и поддерживать связь только с ним. Лабзин предпринимал неоднократные попытки получить масонские акты от Новикова, заручиться его поддержкой, но каждый раз сталкивался с непреодолимыми препятствиями²³¹. Эти события осложнили отношения Рунича и Лабзина. Так, в одном из писем Лабзин написал Руничу: «Прежде я был твой М[астер – Е.А.], а ты мой У[ченик – Е.А.], а теперь что?»²³². Дмитрий Павлович отдалился от него еще тогда, когда начались гонения на «Сионский вестник» в 1807 г., так как, по словам Лабзина, стал опасаться связи с ним как с человеком «опасным и подозрительным».

Более того, Рунич, получив «теоретическую степень» от Новикова, не значился в списках собраний «теоретических братьев» теоретической ложи для изыскания премудрости, учрежденной 9 марта 1809 г. в Петербурге Лабзиным вместе с пятью братьями ложи «Умирующий сфинкс». Попасть в нее было заветной мечтой некоторых особенно мистически настроенных масонов, желавших выделиться в особую группу для занятий по актам «теоретической степени»

²²⁹ И.Г. Шварц посвящен в масонство во второй половине 1770-х гг. в Митаве в ложе «Красный орел» строгого наблюдения, член-основатель ложи «Геркулес в колыбели» в Могилеве в 1776 – 1777 г., мастер стула, канцлер или великий секретарь в 1783 г. директории VIII провинции в Москве, вместе с Новиковым член-основатель «тайной сиенцифической», эклектической ложи «Гармония» 1780 – 1783 гг., наместный мастер ложи «Дружба» с 1779 г., которая была переименована в ложу «Три меча», канцлер капитула 8-й провинции с 1783 г., член директории «теоретической степени» в Петербурге, член ложи «Трех замен» в Москве с 1779 г., ложи «Озирис» в Петербурге с 1776 г. См.: Записка Д.П. Рунича о масонстве // Литературный вестник. 1904. Т. 8. С. 106; Рунич Д.П. Россия от 1633 до 1854 г. Взгляд на древний и новый ее быт (из бумаг Д.П. Рунича) с предисловием А. Титова. Ярославль. 1909. С. 9.

²³⁰ Лонгвинов М.Н. Указ. соч. С. 179.

²³¹ Михайловский С.И. «Семейный портрет Руничей» А.Л. Витберга // Страницы истории отечественного искусства. Вып. 1. XVIII – первая половина XIX века. СПб. 1993. С. 72.

²³² РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 24. Л. 122 об.

Соломоновых наук». Эта степень, составлявшая преддверие, переходную ступень (последнее испытание) к розенкрейцерству, давалась лишь братьям «испытанной верности» по избранию и указанию «вышних начальников». Обет требовал отречения от сует мира и полного предания себя служению целям ордена, не щадя своей жизни. Цель кружка – воспитание «человеков» в любви к христианским добродетелям и гражданским доблестям²³³.

В 1810 г. в результате резко возросшей активности масонских лож профессором восточных языков, основателем ложи «Полярная звезда» И.А. Фесслером и государственным секретарем, масоном М.М. Сперанским был разработан проект установления строгого правительственного контроля над ложами, но реализован он не был²³⁴. В 1811 г. недовольный свободой деятельности масонских организаций Ф.В. Ростопчин выступил против масонских сект. Став генерал-губернатором Москвы, он установил за масонами наблюдение, так как считал их способными на любое преступление и государственную измену. Распространение листовок (воззваний Наполеона) по Москве Ростопчин приписывал масонам, которые могли при посредстве почтамта переводить и распространять иностранные газеты.

Здесь мы касаемся дела М.Н. Верещагина, сына купца, переводчика нескольких немецких и французских романов, которого судили как сочинителя листовки, на самом деле являвшейся переводом речи Наполеона из иностранных газет. В мемуарах Рунича эпизод с Верещагиным рассматривался лишь как часть интриги Ростопчина против Ключарева. Рунич не учитывал тот факт, что главнокомандующему Москвы, опасавшемуся народного мятежа, важно было связать листовку Верещагина с масоном Ключаревым и изобразить последнего главой и руководителем целого заговора, замышлявшего цареубийство, дабы направить напор народных страстей против изменников и крамольников²³⁵. Рунич объяснял интригу Ростопчина против Ключарева не столько общеизвестной нелюбовью главнокомандующего к масонам, сколько личной неприязнью, и приписывал себе немалые заслуги в деле оправдания и возвращения Ключарева из ссылки. По словам Рунича, благодаря ему сохранились все бумаги почт-директора, опечатанные при его аресте: в них при рассмотрении не нашлось ничего предосудительного²³⁶. Слова Рунича косвенно подтверждаются сведениями о пристальном внимании, с которым Ростопчин следил за сыном Ключарева и Н.И. Новиковым (они были соседями по подмосковным имениям в Бронницком уезде)²³⁷. Вероятно, обвинить во всем московского главнокомандующего, автора «Записки о мартинистах», и представить близкого себе по духу и взглядам масона Ключарева невинной жертвой произвола он в своих мемуарах старался сознательно.

²³³ Соколовская Т.О. Возрождение масонства при Александре I. С. 258 – 259.

²³⁴ М.М. Сперанский был членом ложи «Полярная звезда» И.А. Фесслера. См.: Вишленкова Е. Августейшее масонство // Родина. 2000. № 3. С. 52 – 55.

²³⁵ Кизеветтер А. Ф.В. Ростопчин // Кизеветтер А. Исторические отклики. М. С. 116 – 118, 161 – 169.

²³⁶ Рунич Д.П. Из записок Д.П. Рунича // РС. 1901. № 3. С. 599 – 600.

²³⁷ Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни. М. 1998. С. 559.

Необходимо отметить, что созданное в 1812 г. в Петербурге Библиейское Общество, в котором Рунич принял деятельное участие, стало своего рода легальной масонской ложей. Это было первое экуменическое общество в России, деятельность которого направлялась «вольными каменщиками». Президентом общества был известный мистик и масон князь А.Н. Голицын, который подавлял любой протест против масонства и мистицизма²³⁸. Членами правления также были масоны: министр внутренних дел О.П. Козодавлев, обер-прокурор синода князь П.С. Мещерский, граф С.С. Уваров, В.М. Попов, А.И. Тургенев и другие видные деятели правительственной администрации²³⁹. Общество действовало согласно с принципами масонской филантропии: личные пожертвования и создание специальной литературы в целях подготовки общества к восприятию масонских идей.

В распространении литературы Рунич тесно сотрудничал с мистиком и масоном В.М. Поповым²⁴⁰. Между ними завязалась переписка относительно текущих дел общества. Они переписывались и раньше, высылали друг другу религиозную литературу, но вступление в общество усилило их дружбу²⁴¹. Попов писал Руничу: «Я рад встретиться с таким человеком, с которым я могу говорить открыто о религиозной правде, которую я чувствую. Другие, конечно, примут это за лицемерие или сумасшествие; Вы даже беспокоились о том, что Слово Божье подвергается оскорблению в некотором смысле»²⁴². Действительно, впоследствии Рунич признал, что «выдуманная в Англии протестантской философией филантропия, которую она ввела и в России, не имеет ничего общего с Евангельской любовью к ближнему, а скорее имеет одно начало с торговлей и промышленностью»²⁴³. По мнению Рунича, Библиейское Общество «оскорбляло народные нравы и оспаривало прерогативы [православного – Е.А.] духовенства», поскольку это было необходимо ему, чтобы окрепнуть и развиваться²⁴⁴.

В 1813 г. Рунич пригласил своего друга детства художника А.Л. Витберга погостить в своем доме. Когда тот приехал в Москву по предложению графа Ростопчина, чтобы написать портреты героев войны 1812 г., Рунич и Витберг были очень дружны; оба были масонами и так называемыми «луфтонами», то есть сыновьями масонов²⁴⁵.

²³⁸ А.Н. Голицын был членом общества Грабянки «Народ Божий», впоследствии попечителем ряда обществ, находившихся под сильным масонским влиянием, например, Императорского человеколюбивого общества, Общества истории и древностей российских, Общества любителей российской словесности при Московском университете и других.

²³⁹ С.С. Уваров являлся членом ложи «Полярная звезда» А.И. Фесслера. О Мещерском и Тургеневе См.: Серков А.И. Указ. соч.

²⁴⁰ В.М. Попов был членом мистической секты Е.Ф. Татариновой, членом ложи «Восходящего Солнца (Светила)» в Казани. О Е.Ф. Татариновой см.: Пыпин А.Н. Религиозные движения при Александре I. СПб. 2000. С. 153.

²⁴¹ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 37. 143 л.

²⁴² Alexander M. Martin. Romantics, Reformers, Reactionaries: Russian Conservative Thought and Politics in the Reign of Alexander I. DeKalb. 1997. P. 162.

²⁴³ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 9. Л. 28 об.

²⁴⁴ Рунич Д.П. Из записок Д.П. Рунича // РС. 1901. № 5. С. 375.

²⁴⁵ А.Л. Витберг в 1808 г. был посвящен в ложе Лабзина «Умиряющий сфинкс», принимал участие в теоретических собраниях «Умиряющего сфинкса» под масонским псевдо-

По словам Витберга, Рунич повлиял на его дальнейшую творческую судьбу, предложив набросать ему в альбом эскиз храма Христа Спасителя²⁴⁶. В благодарность он написал «Семейный портрет Руничей», который впоследствии, поступив в Русский музей в 1920 г. из общества поощрения художников, был ошибочно записан в инвентарь как автопортрет Витберга с семьей²⁴⁷. Эмоциональный стержень композиции составляет «встречное движение матери и ребенка, сопоставление фигур погруженного в раздумье мужчины и охваченной порывом чувств женщины»²⁴⁸. На картине изображен Рунич с супругой и ребенком, в руках он держит книгу Я. Бёме «Christosophia, или Путь ко Христу», подаренную ему Лабзиным, которую Рунич считал способной и «каменное сердце тронуть»²⁴⁹. Переведенная и изданная в начале 1815 г. на собственные средства Лабзиным, она впоследствии стала одним из любимых сочинений Рунича.

Эта книга представляет собой сборник девяти работ Бёме под общим заглавием, в которых он изложил основные понятия своей религиозной системы. Я. Бёме был родоначальником учения о «внутренней церкви»: он критиковал христианские церкви, признавая церковную организацию ненужной, так как главное для истинного христианина, по его словам, истинная церковь в сердце: «Истинный Христианин приносит церковь с собою в собрание Христиан; сердце его есть истинная церковь, в которой совершаться должна истинная служба»²⁵⁰. Бёме предлагал открытый для каждого верующего путь к Христу, состоящий из нескольких этапов: покаяние, молитва, самоопределение, сверхчувственная жизнь и возрождение. Бёме, не получивший образования, объяснял свои познания дарованными ему откровениями свыше, а книги Моисея объявлял ошибочными, так как Адам утратил с грехопадением истинное знание. В своих произведениях он создал собственную модель мироздания, не согласующуюся с учением католической церкви. Поэтому в Европе его учение было объявлено еретическим. Работы Бёме пользовались популярностью среди московских розенкрейцеров, таких как И.Г. Шварц и Н.И. Новиков. С.И. Гамалея перевел их на русский язык.

Отметим, что библиотека Рунича, помимо трудов Я. Бёме, а также «Нового Завета», «Псалтыря» и «Молитвослова», содержала несколько десятков разноязыких томов массы мистических писателей, таких как К. Эккартсгаузен, И.Г. Юнг-Штилинг, Я. Бёме, А.Ф. Лабзина и других²⁵¹.

Масонские связи Рунича не ослабевали, он продолжал переписку с «братьями» масонами, получал масонские бумаги от Н.И. Новикова. Его наставник

нимом Белогоров, стал вторым надзирателем в 1811 и в 1815 гг., с 1813 г. он – обрядоначальник. 18 апреля 1820 г. был исключен по отсутствию.

²⁴⁶ Витберг А.А. Записки академика Витберга // РС. 1872. № 1. С. 16 – 32.

²⁴⁷ Корнилова А.В. Д.Я. Чарушин – питомец А.Л. Витберга // Панорама искусств. Вып. 9. М. 1986. С. 74 – 98.

²⁴⁸ Михайловский С.И. Указ. соч. С. 73.

²⁴⁹ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 25. Л. 254.

²⁵⁰ Бёме Я. Christosophia или Путь ко Христу. Перевод с немецкого. СПб. 1994. С. 136.

²⁵¹ Alexander M. Martin. Romantics, Reformers, Reactionaries. P. 163; ИРЛИ. РО. Ф. 263.

Оп. 1. Д. 181. Л. 1 – 4.

«по ослаблению руки» уже не мог писать самостоятельно, но продолжал обучение своего подопечного.

Рунич переписывался и с И.В. Лопухиным, авторитет которого в масонских кругах был очень велик, так как в 1780-х гг. он достиг высших масонских степеней, являясь надзирателем для русских «братьев» в директории теоретической степени²⁵². В письмах Лопухин восхищался «спасительными книгами» Библейского общества. Как и Рунич, он был его членом, подробно сообщал о своих литературных занятиях и издаваемых им мистических книгах, давал поручения и советы²⁵³. Деятельность Лопухина была не так широка и разнообразна, как деятельность Новикова, но ее содержание и направление были в высшей степени характерны для всего кружка московских розенкрейцеров. Он был одним из самых щедрых жертвователей на дела масонского благотворения, втайне оказывал широкую поддержку многим нуждавшимся, много стараний приложил для распространения идей ордена среди русского общества. В его типографии был напечатан целый ряд масонских и духовно-нравственных книг и несколько сочинений масонского характера, написанных самим Лопухиным²⁵⁴.

Эти произведения отражали положения масонской доктрины и те духовные поиски, которые были характерны для значительной части тогдашнего масонства. Лопухин выступал за «внутреннее понимание христианства», которое он называл «чистым» христианством. Он трактовал церковь как «отжившее» учреждение, критиковал ее искажения, но не отвергал таинств. Описывая «некоторые черты» «внутренней» церкви, Лопухин указывал на любовь как знак «истинной церкви», на возрождение или обновление как главный предмет «истинного христианина», на путь подражания Иисусу Христу как средство для достижения сверхъестественной, внутренней, небесной жизни. Главными средствами на пути к Божественной жизни он считал «насилие своей воли к исполнению Божественной воли», молитву, воздержание духа, разума и чувств, «дела любви», познание «натуры» и самого себя²⁵⁵. В целом Лопухин выступал за «истинно-христианское» (масонское) понимания вещей и идею христианизации общественной жизни «в духе Царства Божьего», «примирение» христианских конфессий во имя «универсального христианства»²⁵⁶. Он был «врагом разума» и «положительной науки» и искал те таинственные знания, которые раскрыва-

²⁵² И.В. Лопухин был посвящен в одной из московских лож, являлся членом Дружеского Ученого общества и Типографической компании, управляющим мастером в ложе «Латона», членом тайной новиковской ложи «Гармония», розенкрейцером. С 1784 г. он – мастер ложи «Блистающая звезда». Избран надзирателем для русских братьев в директории теоретического градуса, позднее стал вице-президентом в Директории VIII провинции. См.: Бакунина Т.А. Указ. соч. С. 55 – 61.

²⁵³ Письма И.В. Лопухина к Д.П. Руничу. С. 1215 – 1236.

²⁵⁴ Переводные сочинения теоретического характера, масонский журнал «Магазин свободнокаменщический», который должен был стать летописью жизни русского масонства, но выдержал только два выпуска (1784), и сочинения Лопухина «Нравоучительный катехизис истинных Ф-К. М-в», «Духовный рыцарь» и «Некоторые черты о внутренней церкви».

²⁵⁵ Лопухин И.В. Масонские труды: Духовные рыцарь. Некоторые черты о внутренней церкви. М. 1997. С. 99.

²⁵⁶ Зеньковский В.В. Указ. соч. С. 108.

лись людям, преданным теософическому экстазу, считая Эккартсгаузена и Юнга-Штиллинга «великими авторитетами», раскрывшими таинства природы²⁵⁷.

В 1818 г. от руководителей масонских лож стали требовать предварительного объявления в полицию о месте и времени своих собраний, «великие мастера» должны были возобновить свои систематические отчеты министру полиции о переменах в составе и обо всем происходившем в ложах²⁵⁸. В 1818 г. Рунич, очевидно исходя из соображений карьеры, в письме В.М. Попову, написанному по требованию А.Н. Голицына, заявил: «Я масон, но не принадлежу ни к одной масонской ложе ни в Москве, ни в Петербурге»²⁵⁹. По словам министра духовных дел и народного просвещения, «христианские правила» являлись главным критерием при назначении на должность в Соединенном министерстве²⁶⁰.

18 апреля 1820 г. Д.П. Рунич и А.Л. Витберг были исключены из масонского братства Лабзиным, так как проявили, по его словам, «своеумие и своеобразие» и перестали посещать собрания «усыновившей их ложи»²⁶¹. Рунич разочаровался в Лабзине, так как он, по его мнению, постепенно отдалялся от «истинного смысла» масонства. Причинами этого он называл независимость ложи Лабзина, издание некоторых мистических сочинений Юнга-Штиллинга, переводимых им «без всякого разбора, основываясь лишь на новизне данных»²⁶². Подобно своему «учителю» Н.И. Новикову, который, выйдя из Шлиссельбургской крепости, от масонских структур держался на расстоянии, Рунич отказался от принадлежности к ложе, но не от своих масонских убеждений, верность которым сохранил до гроба. Он продолжал принимать участие в деятельности общественных организаций, находившихся под влиянием масонских лож. Так, в 1812 – 1822 гг. Рунич был ординарным членом, затем стал почетным членом Императорского общества испытателей природы при Московском университете. С 1819 г. он был почетным членом общества врачебных и физических наук при московском университете, в 1822 г. стал вице-президентом и одним из директоров комитета Санкт-Петербургского попечительного общества о тюрьмах²⁶³.

Учитывая факт вступления Рунича в розенкрейцерскую ложу А.Ф. Лабзина, получение «теоретической степени» от одного из идеологов русского розенкрейцерства Н.И. Новикова и длительную переписку с авторитетным розенкрейцером И.В. Лопухиным, можно сделать вывод о том, что Рунич до начала 1820-х гг. принадлежал к либеральному крылу русских розенкрейцеров. Дело в том, что в начале XIX в. русские розенкрейцеры не представляли в идейном отношении единого целого и колебались между двумя идеологами масонства того времени – И.А. Поздеевым и Н.И. Новиковым. Поздеев придерживался открыто консервативных взглядов и ориентировал своих последователей исключительно

²⁵⁷ Мельгунов С. Указ. соч. С. 247.

²⁵⁸ Брачев В.С. Указ. соч. С. 269 – 270.

²⁵⁹ Два письма Д.П. Рунича – В.М. Попову. С. 393.

²⁶⁰ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 38. Л. 85.

²⁶¹ Пыпин А.Н. Общественное движение при Александре I. СПб. 1871. С. 364 – 365.

²⁶² Рунич Д.П. Из записок Д.П. Рунича // РС. 1901. № 4. С. 159.

²⁶³ Серков А.И. Указ. соч. С. 717.

на так называемую «внутреннюю духовную работу» в ложах, направленную на постижение братьями «божественной премудрости»²⁶⁴, тогда как Новиков возглавлял либеральное крыло и считал, что масон не мог ограничиваться работой над своей собственной душой, но должен ставить более широкие – просветительские – задачи по облагораживанию и улучшению всего общества. Ни Поздеев, ни Новиков формально не занимали в Ордене никаких должностей, жили в своих имениях (Новиков – в селе Авдотьино, Поздеев – в селе Чистяково и в деревне Нелюбовское), не имели непосредственного контакта с московскими и петербургскими братьями и общались с ними главным образом путем переписки.

§ 3. Литературная деятельность начального периода и ранние взгляды

События французской революции вызвали к жизни мощный поток мистической литературы, которая была с интересом воспринята русским дворянством, невзирая на все запреты. Особенности религиозных взглядов императора способствовали наступлению в России «золотого века» масонов и мистиков. После войны 1812 г. правительство стало поощрять перевод и издание европейской религиозной литературы, книги по религиозным вопросам начали издаваться не только Синодом. Произошли глубокие перемены в религиозном мировоззрении людей, в моду вошли масонство и мистицизм. Следует сказать о том, что по ряду причин мистические взгляды масонов тесно переплетались с религиозным мистицизмом. Их объединяли не только источники, круг чтения, но и некоторые общие положения и идеи, например, проблема «внутренней церкви» и «внутреннего человека».

Влияние неправославной духовной литературы не замедлило сказаться на состоянии образованного русского общества. Рунич не был исключением: как уже говорилось, особой его любовью пользовались книги «Путь ко Христу» Я. Бёме, «Ключ к таинствам природы» К. Эккартсгаузена и «Победная повесть» И.-Г. Юнга-Штиллинга²⁶⁵.

²⁶⁴ И.А. Поздеев был членом Дружеского Ученого общества Н.И. Новикова, вторым надзирателем ложи «Трех Знамен» в Москве, представителем этой ложи в ложе «Утренняя Звезда» в Дерпте, наместным мастером Провинциальной ложи в Москве и великим наместным мастером Провинциальной (Национальной) Великой ложи в Петербурге, членом Приората (капитула) VIII провинции «строгого наблюдения» в Москве, членом-основателем капитула Латона в Москве и Петербурге, обрядона начальником теоретического градуса и членом внутреннего розенкрейцерского ордена в Москве, руководителем собственного круга теоретического градуса в Москве. Он же руководил теоретическим градусом в ложе теоретического градуса и был фактическим руководителем ложи «Св. Екатерины Северной (Полярной) Звезды» там же в Вологде, являлся обрядона начальником и мастером стула «Шотландской» (старой экосской) ложи, членом ложи «Нептуна», членом-основателем ложи «Ищущих маньны», членом теоретического градуса в Москве и других городах. В его доме в Москве собиралась ложа «К Мертвой голове». См.: Брачев В.С. Указ. соч. С. 230 – 231.

²⁶⁵ Михайловский С.И. Указ. соч. С. 71 – 78; Alexander M. Martin. Romantics, Reformers, Reactionaries. P. 163; РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 9. 44 лл.

В дополнение к вышесказанному отметим, что в сочинении «Путь ко Христу» Бёме изложил основные понятия своей религиозной системы, которые соответствуют своеобразным этапам пути к Христу. Во-первых, это покаяние как признание своей греховности, раскаяние в своих грехах, желание Божественной любви и милосердия, во-вторых, истинная молитва, которая, в отличие от обычной, состоящей лишь из «внешнего набора слов»²⁶⁶, должна исходить из сердца. В-третьих, по мнению Бёме, это самоопределение, то есть смирение своих разума и гордости, так называемой «тварной самости», и избрание себе в «путеводители» духа и воли Бога, и, наконец, как завершение пути, сверхчувственная жизнь – состояние свободы от всех вещей, мира с собой и господства над всеми «тварями». Таким образом, возрождение для Бёме было открытым путем покаяния и очищения, заключавшимся в ряде молитв. Так, он признавал ненужность церковной организации, ибо главное для истинного христианина, по его словам, церковь в сердце.

К. Эккартсгаузен в книге «Ключ к таинствам природы» исходил из нескольких основополагающих идей. Во-первых, из идеи единства Бога (источника света, любви и премудрости) и природы, «души мира»²⁶⁷, которая, по его словам, неразрывно связывала Бога и материальный мир. Во-вторых, из идеи дарованного Богом познания, которую Эккартсгаузен соединял с важностью разума в человеческом образовании. Таким образом, он находил «ключ» к истинному познанию в Библии, алхимии, «естественной» магии и каббале. Главным «ключом» к «таинствам природы» Эккартсгаузен считал операции с числами, признавая их необходимым инструментом постижения мироздания, дававшим удобный ключ для объяснения мистических соотношений, вечной связи высшего и низшего миров. Учитывая использование в процессе познания алхимии, магии, каббалы, Эккартсгаузен с особой симпатией относился к розенкрейцерам, которых противопоставлял тайным обществам и некоторым разновидностям масонства. Эккартсгаузен описывал их как братство ученых мудрецов, обладавших истинными знаниями и стремившихся приблизить человека к Богу, восстановить добродетель, истину, правила и братство между людьми.

В «Победной повести» Юнга-Штиллинга систематизированы взгляды автора на христианскую религию и ее роль в истории человечества²⁶⁸. Он доказывал торжество протестантизма над христианскими церквями, которые, по его мнению, исказили христианство своими обрядами. Штилинг был против «обрядной» церкви, выступая за проповедь чистого евангелия и соблюдение благочестия: «смирение, стремление к истине и чистоте совести, постоянная молитва, неутомимый труд, назидательные беседы и дружелюбная приветливость». Главная работа для него – постоянное исправление самого себя. Он считал, что познавший человеческую греховность не сможет «победу над одной приписать себе» и поймет, что сила приходит свыше. Штилинг вводил новые религиозные понятия как более соответствующие потребностям времени, ведущие к по-

²⁶⁶ Бёме Я. Указ. соч. С. 49.

²⁶⁷ Эккартсгаузен К. Указ. соч. С. 76.

²⁶⁸ Юнг-Штилинг И.Г. Указ. соч.

знанию искупления. Апокалипсис был одной из ведущих тем его творчества. Руководствуясь «знамениями времени», он утверждал, что близится второе пришествие Иисуса Христа, которое произойдет в 1836 г. Штилинг видел единственный путь к спасению людей в раскрытии души Сыну Божьему и призывал верующих готовиться к этому событию.

Большое влияние на формирование мировоззрения Рунича оказали взгляды его учителей. Н.И. Новиков, самый яркий представитель русского гуманизма и благотворительно-христианского направления в масонстве, защищал равенство всех людей, связывая идею равенства с христианством, и стремился показать основное значение морали и первенство нравственности над разумом. И.В. Лопухин, выступая за «примирение» христианских конфессий во имя «универсального христианства», считал «внутреннее понимание христианства» «чистым» христианством, воспринимая церковь как отжившее «учреждение», но критиковал ее искажения, а не суть. А.Ф. Лабзин признавал приоритет «внутренней церкви» над «внешней», отрицал церковную обрядность и выступал за надконфессиональную мистику и экуменизм.

В 1794 – 1795 гг. Рунич составил сборник «Романтическое путешествие, или собрание писем Д.Р. к барону Д-у, сочиненные Д.Р. в 1777 году»; второе название сборника, указанное на третьем его листе, – «Мои праздные часы, или собрание сочинений и переводов в прозе Д. Р-ча»²⁶⁹. Он включает в себя две статьи из педагогического романа Ж.Ж. Руссо «Эмиль, или о воспитании», в котором автор отрицал все общепринятые взгляды на воспитание детей, размышления о жизни и Боге и «Три идиллии Дафнис, Меналк и Миртиль», переведенные из сочинений С. Геснера. Сборник отражает душевные искания молодого человека, который обращается за советом и помощью к Богу: «я исполняю твои повеления, благодарю тебя за твою милость и наслаждаюсь заранее твоим небесным блаженством, которое ты назначил за сие награждением». Он пытается познать смысл жизни, изучая образы идиллий: любви (Дафнис), отцовства (Меналк) и сыновней благодарности (Миртиль).

В 1795 г. в подражание любимому писателю Н.М. Карамзину Рунич издал в Москве свой перевод на русский язык произведения неизвестного автора «Путешествие в Крым и Константинополь в 1786 году миледи Кравен»²⁷⁰. Главная героиня описывала свое путешествие во Францию, в Италию, Германию, Польшу, Турцию и Россию, включая Петербург и Москву. В следующем году Рунич опубликовал в Москве «нравоучительную» повесть «Удивительное мщение одной женщины». Это был перевод фрагмента из сочинений Д. Дидро, просмотренный и исправленный лично Карамзиным, если верить мемуарам Рунича²⁷¹.

В 1808 г. он написал «Мысли о небе»²⁷². В понятии «небо» для него соединялись божественное (Священное писание – о воскрешении Христа по ци-

²⁶⁹ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 1. 18 лл.

²⁷⁰ РГБ. Ф. Полт. К. 45. Д. 26. 6 лл.

²⁷¹ В собрании сочинений Д. Дидро в 10 томах повести под названием «Удивительное мщение одной женщины» нет. См. Дидро Д. Собрание сочинений в 10 томах. М.– Л. Academia. 1935 – 1947.

²⁷² ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 31. 50 лл.

татам из Апокалипсиса) и метафизическое (древних мудрецов и современных астрономов) представления. Он считал, что небо связывает человека с Богом, «святым и чистым», поэтому надо стремиться к нему, отречься от материального и низкого и слушать Слово Божье. Доверяя представлениям мистиков, Рунич был уверен, что вера важнее знаний, так как знание – это гордость, оно не избавляет от невежества и не ведет к небу. «Мысли о небе» свидетельствуют о преобладании у него мистико-масонской точки зрения на сущность человеческого бытия: стремление к небу как к вечной жизни и Богу, отречение от материального и низкого, преобладание веры над знаниями.

В 1809 г. Рунич завершил сборник черновых набросков под общим названием «Благотворения природы»²⁷³, который состоит из четырех глав. Первые две посвящены развитию науки и техники, позволившим человеку увидеть «чудеса природы»: составные части тверди и воды, солнечную систему, планеты и звезды. Они демонстрируют наличие у автора хорошего знания античной литературы и философии. В третьей главе Рунич рассказывает о «мнимых мудрецах», которые утверждали, что Бога нет: потеряв страх перед природой и обрета зная, люди стали меньше обращаться к Создателю, погрязли в удовольствиях и наслаждениях. В четвертой главе «Ответы на возражения против Провидения» автор доказывает бытие Бога, который существует вне зависимости от того, чувствуем мы его присутствие или нет, и раскрывает основные христианские понятия: учение о небе, крещение, вечеря, проповедь, молитва, начальство, супружество и представление о Новом Иерусалиме, в их масонской трактовке.

В 1813 г. в Москве было издано сочинение Рунича «Дружеский совет всем тем, до кого сие касаться может», которое было составлено по материалам нескольких переведенных им статей религиозной тематики²⁷⁴. Оно было написано, с одной стороны, из свойственного масонам «желания близким всякого добра и милости Божьей», с другой – чтобы разбудить общество, возжечь в людях стремление к лучшему, желание поступить в масоны: «склонить к внимательному рассмотрению предметов, касающихся до вечного блаженства»²⁷⁵. Согласно масонскому учению, лишь посвященные, приобщившиеся к мудрости веков, продолжающие работу таких же посвященных, могут в полной мере развить в себе высокие нравственные качества и «строить храм» будущего человечества, руководствуясь масонством. Книга была по достоинству оценена единомышленниками Рунича. Один из них писал: «восхитительно видеть такое усердие в распространении спасительного просвещения»²⁷⁶. Однако тираж, несмотря на покровительство министра внутренних дел О.П. Козодавлева, был временно конфискован – из-за содержащихся в книге рассуждений о таинстве крещения.

В 1816 г. Рунич закончил первую часть черновых набросков и выписок из сочинений философского и религиозно-богословского характера на русском и французском языках, которые свидетельствуют о достаточно широком кругозо-

²⁷³ Там же. Д. 32. 44 лл.

²⁷⁴ Там же. Д. 129. 29 лл.

²⁷⁵ РГБ. ОР. Ф. 751. К. 2. Д. 52. Л. 8; Рунич Д. П. Дружеский совет всем тем, до кого сие касаться может. М. 1813.

²⁷⁶ Письма И.В. Лопухина к Д.П. Руничу. С. 1235; РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 21. Л. 24 об.

ре их автора, о его знакомстве с западной философией²⁷⁷. В этот период Рунича интересовало отличие людей от животных, которое он, как и многие другие, видел в наличии разума. Рунич представлял человека в виде математического куба, состоящего из тела, души, ума и разума, животных – в виде призмы: тело, душа и инстинкт. Вследствие естественного возвышения человека он, по мнению Рунича, является обладателем «добродетели», заключающейся в таких качествах, как правдивость, честность, бескорыстие, человеколюбие, согласие, самоотвержение, мудрость.

В 1817 г. Рунич написал несколько статей²⁷⁸: «Теория и практика», «План института для воспитания юношества», «Воспитание или образование сердца и ума, в чем именно состоит отличительное качество благовоспитанного человека», которые указывают на наличие у автора своеобразных педагогических представлений. В статье «Теория и практика» он объяснял, что теория – это слово Божье, практика – подтверждение знаний действиями подобно тому, как Иисус Христос во время своего пребывания на земле открыл своим ученикам все тайны царства Божьего. Следуя «священному долгу и званию отца», которые обязывали его подготовить своих детей к «служению царю небесному и царю земному», Рунич составил «план института для воспитания юношества», где приоритет должен был отдаваться «образованию сердца» перед «просвещением разума». В последней статье сборника он приходил к заключению, что главная задача образования – это «соединение воспитания ума и нравственности или воли», то есть образование ума должно сочетаться с образованием сердца и направлением воли к добру по законам «истинной нравственности, благочестия и добродетели»: учителя должны обучать и следить за качеством усвоенных знаний, надзиратели должны следить за поведением и соблюдением правил порядка. В 1818 г. Рунич составил сборник «Творения Дмитрия Ростовского»²⁷⁹ и обширный свод «Поучения или слова Святого Дмитрия Ростовского и Ярославского, говоренные в разное время»²⁸⁰. Уважительное отношение к Дмитрию Ростовскому он, вероятно, перенял от своего наставника Н.И. Новикова. Высоко оценивая труды митрополита Ростовского, Рунич считал его одним из первых «проповедников русских», имевших «руководство апостолов и великих учителей церкви»²⁸¹.

В 1818 – 1819 гг. Рунич сочинил «Дух христианства»²⁸², в котором рассуждал о разуме, совести, терпимости, свободе выбора, свободомыслии, ревности, христианской любви и суеверии. Основная мысль произведения заключается в том, что христианская вера основана на любви и столь превосходна и трогательна в своей истинности, что без принуждения привлекает людей и бла-

²⁷⁷ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 151. 49 л.

²⁷⁸ Там же. Д. 95. 28 лл. Несмотря на то, что из трех произведений датировано только первое, можно, судя по почерку и содержанию, утверждать, что две другие статьи были написаны примерно тогда же, когда и первая.

²⁷⁹ Там же. Д. 158. 64 лл.

²⁸⁰ Там же. Д. 157. 111 лл.

²⁸¹ Титов А. Автобиографические записки Д.П. Рунича. Ярославль. 1909. С. 13.

²⁸² ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 37. 61 лл.

готоворно влияет на политику. При этом автор понимал христианство подобно розенкрейцерам, признававшим приоритет «внутренней» христианской веры, основанной на любви и непреложной истине, при необходимом соблюдении «наружного богослужения», которое составляет «подпору государства».

В 1820 г. Рунич отправил письмо по поводу статьи о Байроне, переведенной из парижского журнала «Conservateur», к издателям петербургской газеты «Русский Инвалид», которая была рупором официального патриотизма и правительственной народности. Не желая признавать в Байроне гениального поэта, он называл его «английским безбожником-стихотворцем»²⁸³. Очевидно, появление статьи было обусловлено тем, что Дмитрий Павлович считал благом для русского общества ограничить «чужеземное» влияние. В том же году Рунич написал «Философию»²⁸⁴, которую собирался напечатать в типографии Министерства народного просвещения и посвятил императору Александру Павловичу. Это сочинение выражало взгляды автора на образование накануне его вступления в должность попечителя Петербургского учебного округа. Рунич усомнился, что «языческую философию», объясняющую все при помощи разума и не учитывающую Божественное откровение, можно признать «истинной мудростью», способной давать знания, необходимые людям. Главный недостаток западной рационалистической философии он видел в том, что она не осуждала «страстей», а, наоборот, поощряла их и не была «подпорой» для религии.

Таким образом, можно говорить о некоем сплаве мистических и масонских понятий в ранних представлениях Рунича о религии, просвещении и сущности человека. Основное понятие в системе его взглядов – это Бог, «Верховное и Высочайшее существо, обитающее в вечности», «то всемогущее величество», которое сотворило весь мир²⁸⁵. Оно существует вне зависимости от того, чувствуют его присутствие люди или нет. Бог управляет всем: он «превыше всего, везде и во всех; и подобно тому, как все в нем живет, движется и есть»²⁸⁶. Рунич доказывал бытие Бога из самого факта существования человека: «Допустив или отвергнув возможность врожденных идей (понятий) и тогда должно будет с тем согласиться, что уверенность взаимосвязи и способностей наших, заставляет нас признавать Бога всемогущего»²⁸⁷. Для него Бог – это образец терпения, кротости и милосердия, «божественному примеру» которого следует подражать, его любовь – высшая награда, приносящая «сладостный» «покой души», когда людские сердца избавляются от страха и боязни. Поэтому важно познать Бога и помнить о Его законах, которые содержатся в Библии, «Божественной книге, которую Бог дал тебе для открытия ...пути, ведущего к небу, к блаженству и к Нему Самому»²⁸⁸.

²⁸³ Д.П. Рунич и поэт Байрон. Письмо Д.П. Рунича к издателям «Русского инвалида» // РС. 1896. № 10. С. 135 – 138.

²⁸⁴ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 38. 1820. 51 л.

²⁸⁵ Рунич Д.П. Дружеский совет. С. 5, 34.

²⁸⁶ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 31. Л. 37.

²⁸⁷ Там же. Д. 37. Л. 15.

²⁸⁸ Рунич Д.П. Дружеский совет. С. 40.

Рунич считал единственно истинной религией христианскую, которую понимал в мистико-масонском ключе. Во-первых, главным для него была свойственная мистикам и масонам «внутренняя вера» или «внутренняя церковь», основанная на любви, превосходная и трогательная в своей истинности: «Вера христианская не терпит и не допускает согласования истины с ложными заблуждениями», «коренные начала ее есть любовь»²⁸⁹. Азбукой этой веры он называл Евангелие: «Одно Евангелие – одна Вера: так как един Бог – един ходатай Бога и человеков, Иисус Христос». Рунич был уверен, что церковь не могла бы существовать без веры и превратилась бы в «бездушное тело», следуя за своими учителями и любимыми писателями. Бёме писал: «Святой имеет церковь свою в себе, в которой он внутренне слушает и поучается»²⁹⁰, Эккартсгаузен изображал «внутренний собор» и «великий храм возрождения человека» в виде «светоносного общества Божьего», Юнг-Штилинг выступал против обрядной стороны христианства, сравнивая его обряды с язычеством. При этом все они считали обрядовую церковь бесполезной, затемнявшей «сущность христианства».

В отличие от мистиков, Рунич признавал «внешнюю церковь» и «наружные богослужения» необходимым элементом, практически повторяя слова Лопухина: «Отправление внешней религии есть средство к внутреннему истинному Христианству»²⁹¹. Признавая первенство и истинность за «внутренней» церковью, которая находится в сердцах истинных христиан, Лопухин не отвергал «внешней» церкви, ее обряды и символы, служащие средством внутреннего богослужения. По мнению Рунича, это средство к «возбуждению усердия» в верующих и важная «подпора государства». С одной стороны, церковь воспитывает ревностное отношение к вере, и это важно, так как ревность помогает предотвратить возникновение пороков и заблуждений. С другой стороны, религия связана с политикой, потому что церковь существует в государстве и служит его интересам так же, как и оно ее.

В этом пункте Рунич придерживался мнения розенкрейцеров, которые воспринимали церковь как необходимое условие существования государственности и основу социальной стабильности страны.

В целом, масонам был свойствен космополитизм в отношении «наружной церкви», и он явственно присутствует в ранних произведениях Рунича. В то же время русские розенкрейцеры защищали господствующее положение православной церкви в Российской империи. Так, И.В. Лопухин считал, что греческая церковь «более сохранила почтенное установление свое»²⁹². Если в ранних взглядах Рунича это положение не прослеживается, то в более зрелых произведениях он однозначно высказывается в поддержку православия. Относительно «наружных обрядов» Рунич заключал, что они сами по себе бессильны без веры. Например, крещение, торжественное принятие в ученики Иисуса Христа не возрождает людей, так как «новое рождение есть внутренняя работа над ду-

²⁸⁹ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 37. Л. 15 об.

²⁹⁰ Бёме Я. Указ. соч. С. 135.

²⁹¹ Лопухин И.В. Указ. соч. С. 88.

²⁹² Там же. С. 93.

шою»²⁹³. Проповедь может лишь направить христианина на «путь истинный»; молитва – это только слова, напоминающие пророческие божественные откровения.

Среди основных христианских понятий Рунич перечислял и такие важные для масонства ценности, как «начальство», обеспечивающее спокойствие и порядок, и «супружество», залог «чадородия и христианского воспитания детей», облагораживающее телесную натуру человека²⁹⁴. Так, Лопухин писал, что истинный христианин должен повиноваться своему Государю, быть покорен внешним властям, подвластных ему должен воспитывать в страхе и учении Господнем, любить всех людей, включая своих врагов.

Рунич описывал христианство в универсальном космополитическом смысле, что свойственно именно масонам, которым неважно, к какой именно конфессии принадлежит человек, так как есть только одна «истинная церковь» – это вера человека («внутренняя церковь»). «Истина сама по себе столь трогательна, столь превосходна, столь прелестна, что нужно только оградить сущность ее от чуждых примешаний, – и она несомненно покорит себе вреда [так в тексте – Е.А.]»²⁹⁵. Поэтому Рунич призывал правительства к терпимости по отношению к другим вероисповеданиям. Нетерпимость правительств к другим вероисповеданиям приводит к «насилию текста Священного Писания», то есть к «своевольному и неправильному изъяснению» мест Библии, в которых «суеверие или изуверство думают найти основание принятых ими образу мыслей и самому истолкованию оных». Это ведет к появлению «заблуждений в вере», расколам и ересям, причем, по словам Рунича, инквизиция и гонения не выход, главное – смирение, так как «заблуждения» все равно не могут причинить вред «истинной церкви». Во избежание подобных эксцессов необходима свобода в выборе религии: «Иго религии, подобно игу Иисуса Христа, благо и вечно, а потому церковь и не должна ... искать рабственно проповеди своей повиновение. Раб не ведает воли Господа своего!»²⁹⁶. Во многом Рунич повторял мысли Лопухина, считавшего, что репрессии в вопросах веры могут привести лишь к безверию или расколу общества и государства, поэтому он выступал за терпимость по отношению к иноверию.

Религию Рунич воспринимал как «средство служить Богу и угодить Ему», более того, он считал, что наличие религии отличает человека от животного: без религии нет в человеке ни совести, ни разума, ни рассудка, и живет такой человек по-скотски. Преимущество, превозносящее человека над «низшими животными» и отличающее одного человека от другого, Рунич видел в наличии разума, то есть способности к самоанализу, размышлению о прошлом и будущем, общению с Богом. Свойством разума как силы он называл мысль и слово, души – жизненность и волю, ума и воображения – память и рассудок, вследствие чего человек обладает «добродетелью»²⁹⁷, заключающейся в таких уже упоминавшихся качествах, как правдивость, честность, бескорыстие, челове-

колюбие, согласие, самоотверженность и мудрость. Следует отметить, что Рунич делал акцент на двойственности человеческой природы, которая и временна, и вечна, и материальна, и духовна: тело человека имеет начало и конец, но его душа бессмертна, она «несравненно очищеннее и благороднее наружного человеческого тела»²⁹⁸. Он был уверен, что Бог создал людей праведными по своему образу и подобию и сделал их «предметами любви», способными наслаждаться вечным блаженством. Но люди развращены, носят образ сатаны и «унижают себя наравне со скотами, не перенося и взоров своих далее нужд тленного и подверженного разрушению тела»²⁹⁹. Люди оставляют без внимания «изобильно предлагаемое нам в духовную пищу, ко спасению нашему Слово Божье»³⁰⁰, облегчая действия дьявола, который применяет различные ухищрения, чтобы совратить людей с «пути истинного» возрождения и спасения.

Рунич сокрушался, что человечество издавна занято только материальной стороной бытия, стремится только к временным наслаждениям и богатству и совершенно не заботится о духовных и вечных началах. Публичные богослужения, дружеские наставления и голос совести лишь на некоторое время привлекают внимание людей к тому, чтобы задуматься о последствиях своей материальной жизни после смерти, при переходе в вечную жизнь. Очень важно, по словам Рунича, помнить, что вечная жизнь представляет собой две противоположности – рай и ад. Праведный христианин возносится к Богу, «вступает в вечный покой, в вечную тишину и вечную радость»³⁰¹. Он попадает на небо, в вечное жилище Бога, истинный источник жизни, мира и благословения. Грешник попадает в ад, жилище демонов и осужденных на вечные муки, где его будут окружать вопли, рыдания, плач, терзания совести и ужас. Поэтому смысл жизни человека, по мнению Рунича, состоит в том, чтобы возродиться и стать достойным сыном Божиим, дабы после смерти попасть в рай и до второго пришествия Иисуса Христа ждать «вечного соединения с Богом», источником вечной жизни.

С ожиданием прихода царства главы и основателя христианства Рунич связывал масонское учение о небе и эсхатологическое представление о Новом Иерусалиме. Небо воспринималось им как нечто великое и священное, что можно увидеть только особенным, «просветленным» людям, таким как Моисей, видевший «Славу Божью Иисуса Христа. Он видел также небесный образ Скиний, видение на Синайской горе Иисуса Христа, на которой пробыл 40 дней без пищи и питья, ибо небесные силы подарили его»³⁰². Небо, по его словам, это жилище Бога и святых, где может существовать после смерти и человек, если сможет отречься от материального и низкого и своей примерной жизнью показать, что достоин быть там. Именно небо обеспечивает связь человека с Богом, с небес при Апокалипсисе сойдет Новый Иерусалим, «новая земля», где после Божьего Суда будут жить «истинные христиане»³⁰³.

²⁹³ Рунич Д.П. Дружеский совет. С. 28.

²⁹⁴ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 32. Л. 34 об. – 36 об.

²⁹⁵ Там же. Д. 37. Л. 9 об. – Л. 10.

²⁹⁶ Там же. Л. 27 об.

²⁹⁷ Там же. Д. 151. Л. 11 – 11 об.

²⁹⁸ Там же. Д. 31. Л. 28.

²⁹⁹ Рунич Д.П. Дружеский совет. С. 19.

³⁰⁰ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 95. Л. 3 об.

³⁰¹ Рунич Д.П. Дружеский совет. С. 11.

³⁰² ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 31. Л. 10 об.

³⁰³ Там же. Д. 32. Л. 43.

Мистически настроенные люди, верившие в божественное руководство и знамения времени, ожидали второе пришествие Иисуса Христа. Так, Юнг-Штилинг утверждал, что оно произойдет в современное автору время, поэтому призывал верующих готовиться к этому событию, видя единственный путь к спасению в раскрытии души для Сына Божьего. Рунич считал, что для того чтобы спастись и попасть в Новый Иерусалим, человечество должно возродиться, и помочь в этом может только вера в Иисуса Христа, который пришел на землю спасти людей, искупив их грехи своей смертью.

Естественно, Рунич был не первым, кто писал о спасении и возрождении человечества, эта тема привлекала многих мистиков и масонов. Практически каждый из них предлагал свой план пути к возрождению, состоявший из нескольких этапов. По мнению Бёме, это покаяние, молитва, самоопределение и сверхчувственная жизнь, для Лопухина – исполнение Божественной воли, молитва, воздержание духа, разума и чувств, дела любви, познание природы и самого себя. Рунич же считал первым шагом к возрождению обращение к Богу и обретение веры. В этом, по его словам, помогает изучение писаний святых и «боговдохновенных» мужей, «кои были сами искушены на практическом пути возрождения или усовершенствования, могут по праву и начинающим практикам, искушаемым на том же пути, помогать примерами, советами и наставлениями своими»³⁰⁴, но прежде всего – чтение Библии, которая укажет путь к прощению и спасению: «в ней ты научишься верить, раскаиваться, повиняться, побеждать мир и быть вечно блаженным»³⁰⁵. Вторым шагом Рунич называл раскаяние в грехах, покаяние и исправление, но они сами по себе не могут спасти человека, так как не находятся в его власти, это дар Божий. Только ощутив свое собственное ничтожество перед Богом и святыми людьми, почувствовав отвращение к своим грехам, которые усыпляют душу и погружают ее во тьму и вечное отчаяние, человек, согласно Руничу, возродится. Его сердце и душа «обновятся» Духом Божьим, его человеческая натура «освятится» «истинной» верой в Иисуса Христа, которая спасет и возродит человечество: «Веруй в Господа Иисуса Христа, и ты спасешься»³⁰⁶.

При этом нельзя сказать, что Рунич отрицал ценность научных знаний. Он много читал, переводил и делал выписки из книг и статей по богословию, философии, политике, химии, физике и герменевтике³⁰⁷. Следуя представлениям мистиков, признававшим первенство в процессе познания за «религиозным чувством», Рунич полагал, что знание – это гордость; вера главнее, так как избавление от невежества не приведет к небу³⁰⁸. Раньше, когда люди мало понимали, всего боялись, они обращались к Богу и верили в него, и вера заменяла им знания³⁰⁹. Например, Бёме, считавший познание и изучение естественных

наук необходимыми для человека, утверждал, что человеческий разум «не должен быть началом оного»: только Бог может направить человека в деле познания³¹⁰.

Рунич не считал разум абсолютно бессильным в этом процессе, признавая, что знания и сами по себе важны. Для масонов знания – это познавательный материал для подготовки грядущих гуманистических преобразований с помощью религиозного нравственного воспитания. Называя розенкрейцеров носителями «истинного знания», Эккартсгаузен соединил идею дарованного Богом знания с важностью разума в человеческом образовании. Он утверждал, признав Бога источником высшего знания, что оно нисходит на человека благодаря его неустанной работе над собой через смиренный, кропотливый труд на благо всего человечества: «Всякая мудрость и провидение приходят свыше как следствие добра и истины»³¹¹. Рунич в поисках знаний и веры обращался к Богу, который был для него «источником мудрости»³¹², «светом»³¹³, попадавшим с неба в виде лучей на землю к людям. Именно количество «божественного света», по его убеждению, определяет разные возможности человеческого разума: «Разум человеческий не имеет точной и определенной меры света»; «Такое-то количество света достаточно для одного – и недостаточно для другого, у которого разум не столько остыл, и иным образом объемлет предметы»³¹⁴.

Идея «божественного света» была свойственна мистикам. Так, Эккартсгаузен считал, что «естественная мудрость есть сокровенный свет», «свет проходит в душу через разум, истинное познание является светом души, сиянием Бога»³¹⁵. Бёме писал: «Божественный свет открывается, во-первых, в душе, сияет в оной, как свет от свечи, и тотчас возжигает свет разума; но не с тем, чтобы он совсем отдался под правление разума, то есть внешнего человека, – нет, а внешний человек видит себя в том проникающем свете, как в зеркале, и тотчас познает свою самость, что само по себе полезно»³¹⁶.

Рунич утверждал, что человеку нужно обратиться к Богу: во-первых, из-за совести, которая «в нас есть то же, что свет для Вселенной»³¹⁷; она противостоит «ложному мнению» и искушению сатаны. Во-вторых, из-за свободомыслия, так как разум, «желающий все познать, все пронизать» нуждается в обуздании, чтобы стать покорным Богу и осторожнее в своих «изысканиях». Следовательно, вера в Бога должна была помочь людям в поиске знаний, оградить их от «ложного мнения» и направить к «истинной мудрости». По словам Рунича, если бы в процессе образования обращалось внимание на нравственное воспитание юношества, то это помогло бы избежать революции во Франции и распространения «смертоносного яда» просвещения, который заразил всю Евро-

³⁰⁴ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 95. 6 об.

³⁰⁵ Рунич Д.П. Дружеский совет. С. 40.

³⁰⁶ Рунич Д.П. Дружеский совет. С. 25.

³⁰⁷ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 91. 32 лл.; Д. 92. 58 лл.; Д.155. 16 лл.; Д. 128. 48 лл.; Д. 129. 29 лл.

³⁰⁸ Там же. Д. 31. Л. 44 об.

³⁰⁹ Там же. Д. 32. Л. 5.

³¹⁰ Бёме Я. Указ. соч. С. 84.

³¹¹ Эккартсгаузен К. Указ. соч. С. 40.

³¹² Рунич Д.П. Дружеский совет. С. 6.

³¹³ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 31. Л. 20 об.

³¹⁴ Там же. Д. 37. Л. 8.

³¹⁵ Эккартсгаузен К. Указ. соч. С. 38.

³¹⁶ Бёме Я. Указ. соч. С. 84.

³¹⁷ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 37. Л. 18.

пу³¹⁸. Он был убежден, что причина всех человеческих бедствий – просвещение XVIII в., которое, стремясь найти путем деятельности человеческого разума естественные принципы человеческой жизни, подвергало критике все исторически сложившиеся и фактически существовавшие нормы и отношения. В результате оно исказило понимание Священного Писания и преградило «путь к истине»; это произошло, по его мнению, по причине того, что человеческий разум не был готов к адекватному восприятию идеи, обещавшей ему свободу и независимость. Источником «неслыханных преступлений и злодеяний», «пагубное влияние» которого испытали на себе государи, правительства и народы в XVIII в., Рунич называл «философизм», то есть западную рационалистическую философию. Поэтому он был искренне возмущен мыслью, что «со всем тем привычно почитать философию, положения философические, из них составлены системы и целая нация, необходимостью, путем, которым разум следовать должен, для приобретения истинных о вещах понятиях»³¹⁹.

Необходимо отметить, что не только Рунич и не он первый увидел угрозу в рационалистической философии. Негативное отношение к ней зародилось в Западной Европе, пережившей революционные потрясения. Так, известный консерватор, французский писатель Жозеф де Местр (1754 – 1821), живший в России с 1803 по 1817 гг. как посланник сардинского короля, видел в скепсисе к вере и церкви причину революции. Он выступал за синтез науки с религией и философией, где религия стояла бы на первом месте, философия на втором, а наука на третьем³²⁰. В целом, родившись на волне антикатолического протеста и вследствие обмирщения веры, западноевропейская философия была продуктом дехристианизации сознания, поэтому факт ее появления настораживал верующих людей³²¹.

Процесс секуляризации сознания неизбежно должен был привести к скепсису и отрицанию божественного Абсолюта. Учитель Рунича А.Ф. Лабзин считал философию, созданную мыслителями французского просвещения, «ложной», идеализировавшей представительное правление и дискредитировавшей «истинную» философию, которая понималась как познание божественного откровения и выбор монархического правления. Таким образом, следуя стремлению розенкрейцеров к культурной и политической изоляции страны в целях охраны монархического правления и контроля за общественной жизнью, Рунич выступал против преподавания рационалистической философии, которую признавал источником «неслыханных преступлений и злодеяний», искажившим понимание Священного Писания, и за ограничение «чужеземного» влияния (в том числе преподавания иностранцами) и распространения просветительских идей.

³¹⁸ Там же. Д. 95. Л. 25 – 25 об.

³¹⁹ Там же. Д. 38. Л. 6.

³²⁰ См.: Фадеева Т.М. У истоков идеологии европейского консерватизма // Новая и новейшая история. 1992. № 6. С. 61; Ее же. Социальные революции и традиции: точка зрения консерваторов // Социс. 1991. № 12. С. 28; Карсавин Л.П. Жозеф де Местр // Вопросы философии. 1989. № 3. С. 93.

³²¹ Боханов А. Указ. соч. С. 41.

Он выражал сомнение, что «языческую», «безбожную» философию, объясняющую все при помощи разума и не учитывающую божественное откровение, можно признать «истинной мудростью», способной давать необходимые людям знания. Цитируя Сократа, который считал, что «истинный философ», равнодушный к почестям и богатству, «беспреданно занимается исследованием человеческого естества», Рунич был убежден, что ум этого философа «весьма ограничен»³²². Главный недостаток рационалистической философии он видел в том, что она не была «подпорой» для религии: «Как религия языческая, так и философия языческая не имели в себе ничего естественного и полезного к осуждению порока и укоренению прочной и истинной добродетели в сердцах человеческих»³²³. Философы и риторы, по словам Рунича, хотели соединить религию с философией, чтобы создать «среднюю религию», соединявшую богословие с учением Евангелия, но их «ухищрения и замыслы» принесли только «невероятный вред христианству», ужасы и кровавые потоки революций. Поэтому он считал, что человеческому обществу помогают устоять только нравственность и понятие о чести, которые дает христианская религия.

Если в христианстве слово Божье – это теория, считал Рунич, то практика – это подтверждение знаний действиями. При описании «теории и практики» он цитировал перевод Юнга-Штиллинга о «дверях благодати»: «Не довольно того, чтобы только ходить взад и перед этою дверью, смотреть по временам и изыскивать, нельзя ли отпереть и войти? Нет, надлежит постоянно толкать, доколе дверь совсем отворится»³²⁴. В этих словах, по его мнению, совершенно точно изображены теория и практика: если теория – познание и умозрение, то практика – это «действие», сила и возможность действовать, причем первая должна предшествовать второй. Главное, по словам Рунича, не только познать «важнейшие истины», но и научиться пользоваться ими для своей пользы: «Да научат они меня ныне и послужат к спасению моему, и да сделают меня достойным насладиться вечною Твоею славою!»³²⁵. Мало знать, продолжал он, надо подтвердить свои знания на практике, действуя через сердце, так как теория принадлежит уму, а практика – сердцу. Таким образом, Рунич заключал: «Предпочтение учености образованию сердца были всегдашнего почти болезнью ума человеческого и заблуждением суетного сердца»³²⁶. Российские масоны стремились усовершенствовать общество посредством его религиозного нравственного воспитания. Они считали, что Россия нуждается не столько в мыслителях, сколько в нравственных исполнителях, а основа нравственности – религия.

Рунич был уверен, что обучение или «образование ума» должно сочетаться с воспитанием или «образованием сердца», «тогда таковое воспитание произведет людей подлинно превосходных», направит их к добру по законам истинной нравственности, благочестия и добродетели. По его мнению, сначала родители должны внушать своим детям «истинные христианские чувства», тра-

³²² ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 151. Л. 14 – 15 об.

³²³ Там же. Д. 38. Л. 25.

³²⁴ Там же. Д. 95. Л. 1 об.

³²⁵ Рунич Д.П. Дружеский совет. С. 6.

³²⁶ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 95. Л. 26.

тя все свое время на нравственное воспитание детей – «образование сердца», которое следует продолжать до совершеннолетия. Только после этого можно приступить к «просвещению разума». Следуя «священному долгу и званию отца», которые обязывали его подготовить своих детей к «служению царю небесному – и царю земному», Рунич составил «план института для воспитания юношества», согласно которому в 1819 г. должна была начаться 10-летняя программа обучения 30 молодых людей³²⁷. По плану Рунича, учителя должны были обучать и следить за качеством усвоенных знаний, надзиратели – за поведением и соблюдением правил порядка. Цель такого «образования ума и сердца» – достижение «истинного совершенства и возрождения», но, считал Рунич, знания, воспитание и даже чтение Священного Писания не принесут пользы, «доколе не решимся мы твердо и смиренно безусловно последовать велениям Истины и Доброты», то есть сердца, образованного по законам «истинной нравственности, благочестия и добродетели».

Таким образом, можно говорить о некоем сплаве в ранних представлениях Рунича мистических и масонских понятий, которые определили логику его деятельности в первой половине 20-х гг. XIX в. В отношении христианства Рунич занимал двойственную позицию: с одной стороны, он понимал его в мистическом смысле – отдавая приоритет «внутренней» вере, с другой – он, как и розенкрейцеры, считал необходимым и обязательным соблюдение «наружного богослужения», которое называл «подпорой государства». О преобладании у Рунича мистико-масонской точки зрения на сущность человеческого бытия свидетельствуют некоторые общие положения и идеи, которые были свойственны и масонам, и мистикам: учение о небе и вечной жизни, взгляд на проблему возрождения и требование личного самосовершенствования. Такая же двойственность прослеживается и в отношении Рунича к образованию. Следуя представлениям мистиков, признававших первенство в процессе познания за «религиозным чувством», он утверждал, что вера главнее. В то же время он не отрицал самоценность научных знаний, которые для масонов были необходимым познавательным материалом в сочетании с религиозно-нравственным воспитанием. Поэтому Рунич считал необходимым соединить «образование ума и сердца», чтобы достигнуть «истинного совершенства и возрождения» человека, образованного по законам «истинной нравственности, благочестия и добродетели».

В целом, можно сказать, что на раннем этапе Рунич воспринял в основном мистические и масонские воззрения своих учителей Н.И. Новикова, А.Ф. Лабзина и И.В. Лопухина. Уже тогда в его взглядах появилась консервативная и даже охранительная окраска.

³²⁷ Там же. Л. 20.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Д.П. РУНИЧА НА ПОСТУ ПОПЕЧИТЕЛЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА

§ 1. Подготовка «суда» над профессорами Петербургского университета

«Дело» профессоров Петербургского университета как правило начинают с рассмотрения в Ученом комитете книги «Естественное право» профессора Царскосельского лицея и Петербургского университета А.П. Куницына. Рунич высказывался против изучения «теории прав, политических и исторических систем» в рамках школьных и университетских программ, считая, что они требуют для понимания «многолетней опытности» и «глубокой учености», поэтому он был возмущен «антихристианскими и антимоноархическими нелепостями и желанием автора посвятить эту книгу Александру I»³²⁸. В оценке книги Рунич применил принципы и инструкции, данные Ученому комитету А.С. Стурдзой: направить народное воспитание посредством лучших учебных книг к «спасительному согласию» между «верой, ведением и властью». Согласно этим принципам книга Куницына, по его словам, была сбором «пагубных лжеумствований», которые ввел в моду Ж.Ж. Руссо и проповедовал Ж.П. Марат, «олицетворением террора революции», «символом кровавой жестокости». Рунич вместе с И.С. Лавалем предложил запретить книгу Куницына и согласился с мнением Магницкого, который полагал, что «преподавание естественного права в университетах и прочих учебных заведениях в империи почитает нужным остановить»³²⁹.

Как известно, не все члены Ученого комитета придерживались подобного мнения по поводу разрешенной цензурой книги³³⁰. Академик Н.И. Фус считал, что она заслуживала поднесения императору, так как была первой книгой по естественному праву, написанной на русском языке по плану, соответствующему немецким сочинениям, с точностью излагала начала науки, но в отличие от иностранных книг не противоречила форме правления в России³³¹ (Куницын специально исключил главу «О республиканских образах правления», он придерживался либерально-просветительской точки зрения в духе «теории общественного договора», выступая против тирании как злоупотребления монархом «общественной верховной властью» и считая необходимым отмену крепостно-

³²⁸ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 3. Д. 12. 25 лл.; Записка отставного действительного статского советника, ордена св. Владимира второй степени большого креста и св. Анны кавалера, Рунича // Записки императорской Академии наук. СПб. 1871. Т. XX. Кн. 1. С. 61 (Далее: Записка отставного действительного статского советника).

³²⁹ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 2. Д. 542. Л. 13; РГИА. Ф. 734. Оп. 1. Д. 729. Л. 277 об. – 278.

³³⁰ Первая часть «Естественного права» издана в 1818 – 1819 гг. с разрешения Цензурного комитета от 29 марта 1818 г., вторая – в 1820 г. с одобрения цензора Тимковского от 14 октября 1819 г. По этой книге Куницын преподавал естественное право в Императорском Царскосельском лицее и в Петербургском университете.

³³¹ РГИА. Ф. 734. Оп. 1. Д. 728. Л. 147 – 148.

го права самим монархом³³²). А.С. Стурдза предлагал внести коррективы в методику преподавания: разделить учебную книгу на две части: «обличительную и изложительную» и сделать главной мыслью утверждение «главенства Бога во всем земном»³³³.

М.А. Балугьянский, ректор Петербургского университета и начальник Четвертого отделения при комиссии составления законов, наставник Куницына по Благородному пансиону, известный трудами по государственоведению, финансовой и административной политике, признал книгу «удобной» для преподавания естественного права, хотя она и была написана в духе немецких ученых, которые «излишне распространили учение о естественном праве»³³⁴. Тем не менее, Главное правление училищ согласилось с мнением Рунича, что эта «антихристианская» книга содержит антимонархические «нелепости»³³⁵, и признало книгу «Естественное право», «противоречащей явно истинам христианства и клонящейся к ниспровержению всех связей, семейственных и государственных». Поэтому она была запрещена, а Куницын в марте 1821 г. отстранен от преподавания в лицее и в университете. В дальнейшем он преподавал в Пажеском корпусе, был принят Балугьянским во Второе отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии и участвовал в составлении Полного собрания законов, но не опубликовал ни одной книги.

7 мая 1821 г. С.С. Уваров, попечитель Петербургского учебного округа с 1811 г. и президент Императорской Академии наук с 1818 г., чьи взгляды не совпадали с принципами новой политики в области народного просвещения, получил отставку по собственному желанию. Поводом для его отстранения стал «незначительный инцидент» в Благородном пансионе при Петербургском университете, раздутый директором университета Д.А. Кавелиным до масштабов антиправительственной акции³³⁶.

Инцидент произошел в 3-м классе Благородного пансиона в январе 1821 г.: класс потребовал «заменить учителя Пенинского», «два раза гасил свечи в кабинете», «шумел». «Шалуны» были наказаны, но Голицын приказал изучить причины беспорядка и усилить надзор: по его мнению, этот случай доказывал «слабое управление начальства в сем заведении, допустившего укорениться столь вредному духу между воспитанниками, который, наконец, обнаружился в явном буйственном поступке»³³⁷. Уваров предложил удвоить количество гувер-

³³² Петров Ф.А. Российские университеты в первой половине XIX в. Формирование системы университетского образования. Кн. 2. Становление системы университетского образования в России в первые десятилетия XIX в. Ч. 3. М. 1999. С. 109.

³³³ Цит. по: Любавин М.А. Книги профессора Куницына // Любавин М.А. Лицейские учителя Пушкина и их книги. СПб. 1997. С. 42 – 43.

³³⁴ Там же. С. 44 – 45.

³³⁵ Письма Д.П. Рунича 1821 и 1842 гг. к кн. А.Н. Голицыну и неизвестному лицу в бумагах О.М. Бодянского, сообщ. Титовым // Чтения в обществе истории и древностей российских (Далее: ЧОИДР). 1905. Кн. 1. С. 5. (Далее: Письма Д.П. Рунича 1821 и 1842 гг.).

³³⁶ Петров Ф.А. Указ. соч. С. 110.

³³⁷ Санкт-Петербургский университет в первое столетие его деятельности (1819 – 1919). Материалы по истории Санкт-Петербургского университета (1819 - 1835). Пг. 1919. Т. 1. С. 170 – 217 (Далее: Санкт-Петербургский университет). С. 131.

неров, уменьшить время общения детей с родителями и родственниками, так как видел причину беспорядков именно в общении с родителями. Голицын согласился с его предложениями, указав на то, что воспитанников Благородного пансиона надо растить в «страхе Божьем, благочестии и благонравии» на основе христианского учения, а за нарушение порядка их выгонять.

Кавелин вторил Голицыну, называя причинами беспорядка в пансионе отсутствие религиозного воспитания, недостаток «добрых и благочестивых надзирателей», «всеобщий дух своеволия во всех публичных местах воспитания»³³⁸. Он ультимативно предлагал организовать в пансионе курсы философии, естественного права, истории и политической экономии, не противоречащих «учению Откровения». Таким образом, Кавелин, поддерживая принципы Магницкого и Рунича, требовал более радикальных преобразований. Уваров выступил против предложенных мер, объясняя, что директор не замечал ничего подобного раньше и «не действовал в этом духе» в течение трехлетнего управления пансионом. Голицын принял сторону Кавелина. Это фактически означало, что Уваров, по мнению министра, не справлялся со своими обязанностями.

Исполняющим должность попечителя Петербургского университета и учебного округа был назначен Д.П. Рунич³³⁹. В 1821 г. он благодарил А.Н. Голицына за ходатайство на это место³⁴⁰. Позднее Рунич писал, что данное назначение состоялось против его желания, и не раз он просил у министра увольнения или «ограждения ответственности»³⁴¹. Новый попечитель хотел провести мероприятия по созданию образцового университета на двух основах нравственного существования: «религии и монархического принципа»³⁴². Не отвергая общей цели университетов, заключающейся, по его словам, в обогащении ума науками и признавая обязанностью университетов подготовку молодежи к «различным должностям», Рунич считал, что для воспитания и обучения молодежи нужен «полицейский надзор» и «нравственное образование», основанное на «правилах христианского учения»³⁴³. Будучи членом Главного правления училищ, он был уверен, что новый университетский устав должен быть основан на «христианских и монархических»³⁴⁴ правилах. Поэтому еще в мае 1819 г. Рунич выступил против проекта устава, предоставленного А.Н. Голицыну С.С. Уваровым. До этого в Петербургском университете действовали «Первоначальное образование об учреждении Университета в Санкт-Петербурге (8 февраля 1819 г.)»³⁴⁵ и устав Главного Педагогического института с некоторыми дополнениями. Рунич нашел проект Уварова «совершенно

³³⁸ Там же. С. 136.

³³⁹ РГАЛИ. Ф. 1863. Оп. 1. Д. 53. Л. 7 об., Л. 8.

³⁴⁰ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 2. Д. 542. Л. 14 – 15 об.

³⁴¹ Письма Д.П. Рунича 1821 и 1842 гг. С. 6.

³⁴² Рунич Д.П. Из записок Д.П. Рунича // Русская старина (Далее: РС). 1901. № 5. С. 387.

³⁴³ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 3. Д. 80. 4 лл.

³⁴⁴ Рунич Д.П. Россия от 1633 до 1854 г. взгляд на новый и старый ее быт. Ярославль. 1919. С. 26.

³⁴⁵ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Царствование Александра I. 1802 – 1825. СПб. 1864. С. 1152 – 1160 (Далее: Сборник постановлений).

несвойственным русскому университету», «слепком с тогдашних немецких либеральных университетов»³⁴⁶. Несмотря на то что часть членов Ученого комитета (Н.И. Фус, И.С. Лаваль) отнеслась к проекту благожелательно и считала нужным сделать несколько «легких перемен»³⁴⁷, Главное правление училищ на заседаниях 31 декабря 1819 г. и 15 января 1820 г. признало проект устава «несогласным с духом правительства и Священного Союза»³⁴⁸. Правление утвердило формулировку цели образовательной деятельности университета, предложенную М.Л. Магницким: «образование верных сынов церкви, верных подданных Государю и добрых граждан Отечеству: ученых, учителей и просвещенных чиновников военных и гражданских»³⁴⁹, и одобрило мнение Рунича о том, что управление университета должно состоять из «учебной, хозяйственной и нравственной частей». В то время под нравственностью понимались этика или мораль, которые толковались как учение об основных принципах нравственности: о добродетели, совести и сознании долга, то есть соблюдение норм и правил поведения в обществе и государстве. Также при определении состава факультетов было решено создать «кафедру богопознания и христианского учения». Для разработки нового проекта устава был создан особый комитет из членов Главного правления училищ – Магницкого и Уварова при участии М.А. Балугьянского, но новый проект так и не был составлен.

Новый попечитель так описал свою задачу: «Злой дух носится над вселенною, сияясь мрачными крылами своими заградить от смертных свет истинный... Счастливым почту себя, если вырву хотя одно перо из черного крыла противника Христова»³⁵⁰. Что подразумевал Рунич под злым духом, можно понять из проекта «нового устройства цензуры» Магницкого, писавшего, что «злой дух тьмы» «с трактатами философии и с хартиями конституций в руке» поставил престол свой на западе³⁵¹. Рунич выступал против преподавания наук, которые он не считал «положительными» и полезными для изучения и развития («философизм», «теории прав, политические и исторические системы»), и за ограничение «чужеземного» влияния и распространения просветительских идей. Он полагал, что учебные заведения для достижения «истинного совершенства и возрождения», законов «истинной нравственности, благочестия и добродетели» должны образовывать не только ум, но и сердце, то есть уделять больше внимания нравственной части воспитательного процесса³⁵². Согласно его плану, учителя должны обучать и следить за качеством усвоенных знаний, надзиратели – за поведением и соблюдением правил порядка. Для столь серьезных изменений в системе пре-

³⁴⁶ Записка отставного действительного статского советника. С. 62; ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 3. Д. 79. 33 лл.

³⁴⁷ Рождественский С.В. «Первоначальное образование» Санкт-Петербургского университета 8 февраля 1819 г. и его ближайшая судьба. Петроград, 1919. С. XXIX.

³⁴⁸ СПб. университет. С. 110.

³⁴⁹ Там же. С. 91.

³⁵⁰ Краткая записка об Общем Собрании Императорского Санкт-Петербургского Университета 3, 4 и 7-го числа ноября сего 1821 г. // ЧОИДР. 1866. Кн. 3. С. 63.

³⁵¹ Рождественский С.В. Указ. соч. С. XXXIX.

³⁵² ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 95. Л. 20.

подавания, которые Рунич хотел произвести в университете, ему было необходимо заручиться поддержкой высокопоставленных лиц, усилить собственные полномочия как попечителя и создать свою «партию» в университете.

Чтобы убедить министра духовных дел и народного просвещения в необходимости подобных преобразований, много усилий не потребовалось. В частных беседах и в официальных докладах Рунич говорил Голицыну о состоянии, в каком он принял университет при своем вступлении в должность: «беспорядок» в устройстве всех учебных заведений округа, отсутствие нравственного воспитания и «разрушительные начала» преподавания в университете³⁵³. Рунич докладывал Голицыну, что «учебная и нравственная части в университете находятся в большом беспорядке», что успехи студентов ничтожны и что «из 70 человек студентов едва 10 могут носить сие имя»³⁵⁴. Еще до вступления в должность до него доходили слухи, что в Петербургском университете философия и история преподаются в «противохристианском духе» и с «разрушительными идеями»³⁵⁵.

Сам Голицын расценивал отвержение истин Священного Писания и христианства как покушение на законную власть и полагал, что «системам новейших ученых», которые были причиной народных мятежей и революций в Европе, следует поставить «твердые преграды»³⁵⁶. Представляя мистико-космополитическое направление общественной мысли протестантского толка и официальную идеологию антилиберальной направленности, он высказывался за ограничение университетской автономии и внедрение принципов конфессионального образования в светских учебных заведениях³⁵⁷. Голицын отвергал уже сложившуюся к тому времени систему научных знаний и считал необходимым запретить «науки, составленные на основании несчастного подмена божественных откровений человеческими выдумками»³⁵⁸. По словам Рунича, министр одобрял и поддерживал его действия, говорил ему о «неблагонадежности» профессоров и плохом состоянии университета, имея «плохое представление о преподавании, преподавателях и студентах»³⁵⁹.

Чтобы доказать плохое состояние университета и подтвердить слухи о «неблагонадежности» профессоров, попечитель провел расследование. 29 августа 1821 г. Рунич потребовал, чтобы конференция университета собрала «подробные сведения по нравственной, учебной, полицейской и хозяйственной частям»³⁶⁰, без которых он не мог вступить в должность. Рунич приказал доста-

³⁵³ Там же. Д. 43. Рунич Д.П. Донесение и записка о расстройстве университета. 1821–1826. Л. 4, 40 об. – 42.

³⁵⁴ Письма Д. Рунича 1821 и 1842 гг. С. 6.

³⁵⁵ СПб. университет. С. 145 – 147.

³⁵⁶ Там же. С. 233.

³⁵⁷ См.: Минаков А.Ю. Опыт типологии течений в русском консерватизме первой четверти XIX в. // Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления. Воронеж. 2004. С. 275 – 276.

³⁵⁸ СПб. университет. С. 227 – 233.

³⁵⁹ Записка отставного действительного статского советника. С. 62.

³⁶⁰ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 3. Д. 46. 6 лл.; Рунич Д.П. Копия предписания исправляющего должность попечителя Д.Рунича конференции СПб. Университета от 29 августа 1821 г.

вить по «нравственной части» список студентов с описанием нравственных свойств и успехов в Законе Божьем, сведения о порядке «публичного воспитания», о вероисповедании преподавателей университета и «об исполнении ими христианских обязанностей»; по «полицейской и хозяйственной частям» – отчеты об их состоянии и материалы по истории университета; по «учебной части» – студенческие тетради с записями профессорских лекций по нравственным, политическим, юридическим, историческим и естественным наукам.

В расследовании ему помогали единомышленники – директор петербургского университета и Благородного пансиона Д.А. Кавелин и инспектор университетского пансиона Я.В. Толмачев³⁶¹.

Толмачев, по мнению Рунича, был «весьма достойным ученым чиновником университета»³⁶². Став в 1816 г. ординарным профессором кафедры Российской словесности Педагогического института, затем университета, он перевел несколько учебников по логике и метафизике и написал пособия по словесности и грамматике. По свидетельству современников, угодничество перед начальством не могло скрыть его полной профессиональной несостоятельности, он не пользовался уважением студентов³⁶³. Толмачев плохо знал историю и на лекциях заявлял, что не читает книг, так как в них пишут «всякие пустяки»³⁶⁴.

Кавелин был членом Библейского общества и одной из масонских лож, человеком крайне религиозным, склонным к мистицизму. Став в 1818 г. директором Петербургского университета, он принял активное участие в отставке Уварова и в подготовке и проведении «дела» профессоров Петербургского университета. Кавелин докладывал Руничу, что «учение в университете, гимназии и Благородном пансионе самые вредные, свободомысле и нравственность необузданные»³⁶⁵. Получив разрешение Голицына «вытребовать» тетради и записи студентов и профессоров, попечитель поручил Кавелину при помощи Толмачева «взять тайно» у студентов университета тетради с записями лекций «заподозренных» профессоров³⁶⁶.

Рунича обнаружил в преподавании «исторических, статистических и философских наук по университету, а отчасти и по Благородному при оном Пансиону, весьма опасный дух учения и пагубные системы»³⁶⁷.

После рассмотрения курса истории профессора Э.В.С. Раупаха он обвинил его в отрицании божественного происхождения государства и критике ос-

о доставлении сведений касательно постановки всех сторон его жизни и деятельности // СПб. Университет. С. 142 – 145.

³⁶¹ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 3. Д. 90. 10 лл.

³⁶² РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 288. Л. 12.

³⁶³ Григорьев В.В. Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. Историческая записка, составленная по поручению совета университета. СПб. 1870. С. 20 – 21.

³⁶⁴ Косачевская Е.М. М.А. Балугьянский и Петербургский университет в первой четверти XIX в. Л. 1971. С. 141.

³⁶⁵ Исторические бумаги К.И. Арсеньева // Сборник отделения русского языка и словесности императорской Академии наук. СПб. 1872. Т. 9. С. 63.

³⁶⁶ Греч Н.И. Записки о моей жизни. М. – Л. 1930. С. 220; РГАЛИ. Ф. 40. Оп. 1. Д. 5. Л. 2.

³⁶⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 21. Д. 40. Л. 6 – 14.

новных догматов христианства, так как он не признавал Библию достоверным источником.

В курсе философии А.И. Галича Рунич увидел утверждение того, что учения Ветхого и Нового Завета – это не божественное откровение, а человеческий вымысел, ибо профессор учил студентов понимать суть вещей только разумом.

Материалы адъюнкта К.И. Арсеньева, по его мнению, содержали демократизм, критику монархического образа правления и современных порядков, и его понятия о религии, нравственности и правительстве «не заслуживали доверия»³⁶⁸.

В лекциях по статистике профессора К.Ф. Германа Руничу не понравилась критика монархии, отрицание факта, что государство основывается на божественной воле, излишний демократизм и откровенная критика сословного строя.

Поэтому он предлагал остановить лекции Германа, Раупаха, Галича и Арсеньева, объясняя, что при обучении они руководствовались современной философией и трудами немецких ученых, «нападали на Божественное право и монархический принцип», преподавали «пагубные и богохульственные доктрины»³⁶⁹. Следует подчеркнуть, что в «неблагонадежности» Рунич обвинял выдающихся профессоров столичного университета, известных своими научными трудами и обширными знаниями. Они придерживались рационалистических и передовых для того времени взглядов. Идеи законности, буржуазного правопорядка, высказанные профессорами в своих лекциях, дали повод обвинить их в безверии и революционном подходе.

К.Ф. Герман, экстраординарный академик, начальник статистического отделения при министерстве полиции, декан историко-филологического факультета, преподавал политическую экономию в Благородном пансионе. Вопросы, которые он поднимал на своих лекциях, находились в центре внимания прогрессивных кругов русского общества и впоследствии вызвали бурю негодования в Главном правлении училищ. Герман выступал за отмену крепостного права, ибо многочисленные повинности и незаинтересованность крепостного крестьянина в результатах своего труда приводили к низкой производительности. Он считал, что народ может самостоятельно выбирать образ правления, так как, когда злоупотребление верховной властью (деспотизм) «достигает высшей степени, то случается, что народ возбуждается, делается революция и переменяется образ правления»³⁷⁰. Герман винил правительство в низком уровне развития отечественной статистики, считая, что оно преднамеренно не обращало внимание на столь важные для экономического развития страны показатели. Экстраординарный академик при преподавании статистики ставил народ выше правительства, признавая ее главным предметом государство, образованное на основе общественного договора: «Часть управляемая всегда предшествует управляющей. И потому статистик, во-первых, должен говорить о состоянии народа, как части

³⁶⁸ Вопросные пункты и ответы на них профессоров Германа, Раупаха, Галича и Арсеньева // Сухомлинов М.И. Исследования и статьи по литературе и просвещению. СПб. 1889. Т. 1. С. 354 – 358 (Далее: Вопросные пункты).

³⁶⁹ Рунич Д.П. Из записок Д.П. Рунича // РС. 1901. № 3. С. 623; № 5. С. 380.

³⁷⁰ Выписка мест из лекций профессора Германа // Сухомлинов М.И. Указ. соч. С. 283.

управляемой, а потом о службе управления оным, как части управляющей»³⁷¹.

Э.В.С. Раупах был не только преподавателем, но также поэтом и драматургом, являлся своего рода «европейской знаменитостью». Современники характеризуют его как человека «с необыкновенным даром слова», фигуру «серьезную, умную и задумчивую»³⁷². Он утверждал главенство рационального способа познания: «Всякая вера упадет со временем в той мере, как разум просвещается, что необходимо случается при умножении опытности»³⁷³. Указывая на создание теократических государств («жрецы соединили всю свою нравственность и на оной основали свое гражданское законодательство, которое в то время обнимало всю систему должностей человека») и развитие религиозно-философских представлений («никто из древних не имел понятия о Боге невестественном»), Раупах делал вывод о том, что все созданное человеком – это результат развития его собственных способностей и собственного рассудка. Более того, по его мнению, нет исторических доказательств того, что гражданское общество и верховная власть «непосредственно учреждены самим Богом». Он отрицал историческую ценность Библии: «Священное Писание весьма коротко объясняет нравы первых человеков, постановления, род жизни и участь, а в священных книгах других народов так баснословно, что для истории нет от них пользы»³⁷⁴. Главное правление училищ было возмущено, что профессор Петербургского университета якобы отрицал значение веры и Священного Писания.

К.И. Арсеньев «изумлял» своих слушателей «полнотой, верностью и разнообразием своих познаний»³⁷⁵. Его уважали и любили пансионеры Благородного пансиона за «ясное преподавание, за приветливое обращение и за отсутствие долбежки, которой придерживались многие другие»³⁷⁶. В отношении статистики Арсеньев выражал точку зрения А.В. Шлецера, знаменитого историка, публициста и выдающегося представителя геттингенской статистической школы. Не ограничивая ее одними фактическими показателями, он видел задачу «мыслящей статистики» в оценке фактов для определения их места в этой науке. Главным предметом статистики Арсеньев (подобно Герману) считал народ и включил в ее содержание народонаселение страны, промышленность или «источники народного богатства», устройство и управление государства. На своих лекциях он разбирает разные вопросы: крепостной строй, финансовую политику и государственное управление. Называя монархию «самой лучшей формой» государственного управления, Арсеньев указывал на ее недостатки: единоличное правление, деспотизм и отсутствие основополагающего свода законов. Он выступал против крепостного строя, утверждая, вслед за К.Ф. Германом, что у вольно-

³⁷¹ Там же. С. 271.

³⁷² Косачевская Е.М. Указ. соч. С. 127.

³⁷³ Выписка мест из лекций профессора Раупаха // Сухомлинов М.И. Указ. соч. С. 295.

³⁷⁴ Там же. С. 287.

³⁷⁵ Первое двадцатипятилетие Императорского Санкт-Петербургского университета. Историческая записка, по определению Университетского Совета читанная Ректором Университета П. Плетневым на публичном торжественном акте 8-го февраля 1844 г. // Санкт-Петербургский университет 1840 – 44. СПб. 1841 – 1844. С. 24.

³⁷⁶ Косачевская Е.М. Указ. соч. С. 123.

наемного труда производительность выше и не ограниченная ничем гражданская личная свобода – «единый истинный источник величия и совершенства всех родов промышленности»³⁷⁷. Он был против государственных монополий (винной, золотых и серебряных рудников) и казенных предприятий и, признавая необходимость государственных налогов, указывал, что высокие налоги мешают росту народного богатства, развитию промышленности и просвещения.

Профессор А.И. Галич преподавал логику и философию в Благородном пансионе и вел, по словам лицеистов, «далеко не школьные беседы»³⁷⁸. В лекциях он опирался на свой труд «История философских систем, по иностранным руководствам составленная», который был единственной в то время работой по данной теме на русском языке. В этом очерке философии в исторической последовательности, от «первых начал» до позднейшего развития в Европе, Галич доступно изложил систему Ф. Шеллинга.

Его учение не представляло единого целого, в течение жизни он развил несколько систем, среди которых были гносеологическая проблема основного принципа познания, натурфилософия (конструирование природы как саморазвивающегося духовного организма), идея абсолютного как тождества основных противоположностей реального и идеального, конечного и бесконечного. Галич выступал против замены философии верой и сведения всего существующего (природы и разумного духа человека) к единственной первопричине – Богу. Необходимой пружиной для развития философии он считал сомнение и признавал скептицизм, который не принимал все на веру, основным двигателем познания. Естественно, что такое понятие об отношении веры к знанию стало поводом к обвинению Галича со стороны лиц, клеймивших философию Шеллинга и требовавших безусловного господства веры как единого, верховного начала в политике и воспитании, преобразованных по принципам Священного Союза³⁷⁹.

Студенческие тетради были рассмотрены возглавляемым Руничем комитетом, состоявшим из профессоров университета и директора Д.А. Кавелина, после чего доставлены в Главное правление училищ. Проблемы, которые поднимали на своих лекциях профессора и которые были в центре внимания русского общества, были охарактеризованы как подрывающие основы «христианского учения» и «монархического правления»: «содержания наук в тех лекциях основано было вообще самым ясным образом на отвержении достоверности книг Священного Писания, учения Христова и самой Божественности Христа Спасителя, а вместе с тем введенные в них разрушительные для благосостояния государства мнения, пренебрежение к властям, от Бога установленным, и дерзостные суждения и хулы на распоряжения правительства»³⁸⁰.

17 сентября 1821 г. Главное правление постановило, что «весь состав этих наук оказался обдуманной системой неверия и правил зловерных и разрушительных в отношении к нравственности, образу мыслей и духу учащихся и

³⁷⁷ Выписка мест из уроков адъюнкта Арсеньева в университетском пансионе о статистике // Сухомлинов М.И. Указ. соч. С. 299 – 300.

³⁷⁸ Косачевская Е.М. Указ. соч. С. 126 – 127.

³⁷⁹ Сухомлинов М.И. Указ. соч. С. 256 – 257.

³⁸⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 21. Д. 40. Л. 6 – 14.

благосостоянию всеобщему»³⁸¹. Оно приняло решение прекратить лекции по статистике России К.Ф. Германа, по всеобщей истории Э.В.С. Раупаха, по философии А.И. Галича и по статистике К.И. Арсеньева на время судебного разбирательства в университете и в Благородном пансионе и временно заменить их другими. Этим профессорам и преподавателям было запрещено присутствовать на собраниях конференции университета и обращаться к Руничу с «ненужными объяснениями». Главное правление постановило доставить тетради профессоров, по которым они преподавали, и составить объяснительные записки о методе преподавания. Оказалось, что все они пользовались иностранными книгами и разработанными в Западной Европе методами или собственными трудами и записями, составленными на их основе³⁸².

Доказав на основе выписок из тетрадей студентов, что преподавание в университете ведется на «разрушительных началах», Рунич обвинил профессорскую корпорацию, заявившую, что в университете никогда ни одна наука не преподавалась в «противоречащем христианскому учению и монархическим правилам духе», в том, что она покрывает виновных в неблагонадежности профессоров³⁸³. Это обвинение было необходимо Руничу, чтобы усилить свои полномочия, на что много времени ему не потребовалось. Структура университетского правления была такова, что директор, осуществлявший надзор за внутренними делами, ректор, следящий за учебным процессом, и правление университета, решавшее хозяйственные вопросы, были подотчетны попечителю. Поэтому надо было, во-первых, чтобы эти должности занимали единомышленники, во-вторых, следовало ограничить самостоятельность отдельных правлений, одновременно усилив авторитет правления единого, и направить его деятельность в нужное русло. Рунич считал это единственным средством для введения порядка в округе, так как «университетам предоставлена такая власть, какой никто в империи, кроме государя, не имеет». В то же время, уставы университетов, по его словам, «открыли широкою дорогу иллюминастству»³⁸⁴.

1 октября 1821 г. в действие была приведена 17 статья «Первоначального образования» университета от 8 февраля об учреждении «Правления университета и его округа»³⁸⁵. Согласно этой статье, создавалось единое правление для Петербургского учебного округа и университета под председательством директора университета Д.А. Кавелина, в ведение которого передавались дела университета и учебного округа.

21 октября 1821 г. на университет была распространена «Инструкция ректору и директору Казанского Университета»³⁸⁶, которая ограничивала автономии высших учебных заведений и относительную свободу преподавания и научных исследований. Покорность признавалась «душой воспитания и первой добродетелью», в изложении наук должны были господствовать Библия и

³⁸¹ СПб. университет. С. 148.

³⁸² Там же. С. 151 – 154.

³⁸³ Там же. С. 154 – 165.

³⁸⁴ Письма Д. Рунича 1821 и 1842 гг. С. 1 – 4.

³⁸⁵ СПб. университет. С. 343 – 345.

³⁸⁶ Сборник постановлений. С. 1199 – 1220.

утверждаться незыблемость самодержавия. Профессора обязывались воспитывать учащихся на основе христианской религии, в университете вводилась строгая дисциплина.

Так Рунич приобрел неограниченные полномочия в управлении университетом и фактически стал распоряжаться его судьбой. Тем не менее, руководя текущими делами Правления и Совета, в решении важных вопросов он постоянно «испрашивал разрешения господина министра духовных дел и народного просвещения»³⁸⁷.

24 октября 1821 г. подал в отставку ректор университета М.А. Балугьянский, попытавшийся взять под защиту обвиненных профессоров. После ухода с поста ректора он не оставил профессуру, продолжал числиться в университете и получал жалование и «плату за наем квартиры» до 1824 г.³⁸⁸. Согласно предложению министра народного просвещения, временное исправление этой должности было поручено заслуженному профессору географии и статистики Е.Ф. Зябловскому, автору «Курса Всеобщей истории», «краткого» и «обширного» учебника отечественной географии и многотомных работ по статистике и всеобщей географии³⁸⁹.

Таким образом, Рунич заручился поддержкой министра духовных дел и народного просвещения А.Н. Голицына, взгляды которого разделял император Александр I, и Главного правления училищ, усилил собственные полномочия как попечителя, найдя в директоре Д.А. Кавелине и ректоре Е.Ф. Зябловском единомышленников и объединив правление университета и учебного округа под председательством Кавелина. Оставалось предать «дело» о профессорах огласке, организовав суд над ними, и создать свою «партию», которая поддержала бы его действия на процессе и дальнейшие преобразования в Петербургском университете.

§ 2. «Суд» над профессорами Петербургского университета 1821 г.

Рунич считал необходимым предать дело огласке, так как «одна гласность и правильность суда притупить могут действие сего оружия», только гласный суд может бороться с «неверием», которое с XVII века «поражает религию и ослабляет правительство»³⁹⁰. Он был уверен, что действия правительства поддержат «отцы семейств, вся христианская и благонамеренная часть общества», поскольку «дело» о профессорах, по его словам, это дело «не об учености, а о нападении на религию и правительство»³⁹¹. Поэтому было необходимо, чтобы с самого начала «дело» о профессорах получило статус перво-

³⁸⁷ РО ИРЛИ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 43. Л. 42 об. – 44.

³⁸⁸ СПб. университет. С. 365.

³⁸⁹ Григорьев В.В. Указ. соч. С. 17 – 18.

³⁹⁰ Рунич Д.П. Донесение Д. Рунича министру от 6 октября 1821 г. о мерах, принятых им по университету, с предоставлением тетрадей студентов и выписок из них // СПб. университет. С. 168.

³⁹¹ Краткая записка. С. 63.

степенной государственной важности как угрожающее самым основам государственного и общественного порядка. Об обвиняемых и судебном разбирательстве стало известно императору Александру I.

29 октября Рунич получил распоряжение министра духовных дел и народного просвещения объединить Правление и Конференцию университета под председательством Рунича на основе 18-й статьи «Первоначального образования» Петербургского университета, «призвать в присутствие профессоров одного за другим»³⁹² и потребовать от каждого письменных ответов на вопросные пункты, составленные Главным правлением училищ и самим Голицыным. Полученные ответы вместе с мнением присутствия университета следовало сначала представить министру, а потом в Главное правление для дальнейшего рассмотрения.

Руничу оставалось лишь создать в университете свою «партию», которая поддержит его линию на судебном процессе. Чтобы заручиться поддержкой членов Собрании, им были обещаны награды; взамен они не должны были выступать против действий попечителя на заседаниях, писать и читать свои мнения еще до окончания споров о постановке вопросов, создавая тем самым атмосферу одобрения действий Рунича³⁹³. Его сторонниками были, помимо Д.А. Кавелина, Е.Ф. Зябловского и Я.В.Толмачева, А.А. Дегуров, Т.О. Рогов, Н.П. Щеглов, Д.П. Попов.

С профессором истории и французской словесности А.А. Дегуровым Рунич познакомился еще до вступления в должность попечителя и, по его словам, обнаружил в этом человеке «религиозные и монархические правила», когда разносятся по всей Европе «вопли безбожия и возмущения»³⁹⁴. Еще в Харьковском университете он приобрел «опытность в доносах и услужении» во время «дела» профессора И.Е. Шада. Этот последователь философии Фихте был признан виновным в том, что «явно держался системы Шеллинга», и в 1816 г. был выслан из России³⁹⁵. Когда началось расследование в Петербургском университете, Дегуров показал себя «усерднейшим противником»³⁹⁶ «разрушительных теорий».

Адъюнкт по всеобщей истории в университете и Благородном пансионе Т.О. Рогов, окончивший Главный Педагогический институт в 1811 г., был оставлен в институте учителем всеобщей истории. По отзывам современников, он был «человек бездарный, в высшей степени робкий, охотник до картежной игры»³⁹⁷. Ему в награду за поддержку действий Рунича была обещана кафедра Раупаха, а адъюнкту-профессору физики Н.П. Щеглову – кафедра физики.

³⁹² Голицын А.Н. Предписание министра Руничу от 29 октября 1821 г. с препровождением вопросных пунктов для предъявления их профессорам Герману, Раупаху, Галичу и адъюнкту Арсеньеву // СПб. университет. С. 169.

³⁹³ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 288. Л. 79 – 82.

³⁹⁴ РО ИРЛИ. Ф. 263. Оп. 2. Д. 542. Рунич Д.П. Черновики писем к Голицыну А.Н. 1811 – 1850 гг. Л. 30 – 31.

³⁹⁵ См.: Введенский А.И., Лосев А.Ф., Радлов Э.Л., Шпет Г.Г. Очерки истории русской философии. Свердловск. 1991. С. 40 – 41.

³⁹⁶ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 43. Рунич Д.П. Донесение и записка о расстройстве университета. 1821 – 1826. Л. 16 об.

³⁹⁷ Косачевская Е.М. Указ. соч. С. 140.

Щеглов окончил все тот же Петербургский Педагогический институт в 1814 г. со степенью магистра физики. Его труд «Общая физика» был признан лучшим руководством по преподаванию физики в высших учебных заведениях, впоследствии, с 1824 г., Щеглов издавал журнал «Указатель открытий по физике, химии, естественной истории и технологии», считавшийся хорошим научным изданием.

Адъюнкт-профессор Д.П. Попов также был выпускником Главного Педагогического института, где получил степень магистра древней словесности и филологии. Он совмещал службу в Публичной библиотеке с преподаванием в Петербургском университете греческого и латинского языков. По воспоминаниям студентов, Попов «донимал» их грамматикой и за время преподавания в университете написал только один труд – перевод с латинского и греческого сборника сочинений византийских писателей. После суда в 1822 г. он, как и Щеглов, стал экстраординарным профессором.

3, 4 и 7 ноября 1821 г. состоялись заседания Конференции и Правления Петербургского университета. Председателем был исправляющий должность попечителя учебного округа Д.П. Рунич, присутствовали директор университета Д.А. Кавелин, исправляющий должность ректора профессор Е.Ф. Зябловский, советник правления П.Д. Лодий, директор училищ Петербургской губернии И.О. Тимковский. Профессор М.Г. Плисов был избран конференц-секретарем вместо заболевшего экстраординарного профессора Н.И. Бутырского³⁹⁸. В качестве обоснования разбирательства Рунич огласил представление Голицына о том, что ходят слухи о распространении в университете «вредного» учения. Поэтому для проверки слухов, чтобы «обуздать вольнодумство» или «рассеять сомнения», которые могли возникнуть в связи с запретом книги А.П. Куницына, Главное правление училищ и министр духовных дел и народного просвещения решили провести расследование и судебное разбирательство³⁹⁹. Заседания продолжались в среднем около восьми часов: 3 ноября с 10 часов утра до 9 вечера, 4 ноября с 10 утра до 4 вечера, 7 ноября с 6 вечера до 4 часов ночи. Обвиняемые профессора содержались в отделенном от зала заседания помещении, вызывались по очереди, по старшинству: в первый день рассматривались дела К.Ф. Германа и Э.В.С. Раупаха, во второй – А.И. Галича и К.И. Арсеньева.

Герман обвинялся в том, что превратил статистику, «простую» науку, в смесь ее с «умствованиями о религии (ставил церковь в один ряд со школьными государственными учреждениями), прав естественных и политической экономии» на основе «новейшей разрушительной философии»⁴⁰⁰.

Раупаху было предъявлено обвинение в опровержении достоверности Библии и высказывании «богохульных умозрений, догадок и заключений». Таким образом, по мнению Главного правления училищ, он унижал религию,

³⁹⁸ Историческая записка о деле Санкт-Петербургского университета (составлена профессором Плисовым) // Сухомлинов М.И. Указ. соч. С. 308 (Далее: Историческая записка).

³⁹⁹ СПб. университет. С. 172.

⁴⁰⁰ СПб. университет. С. 173.

угрожал «общественному и частному благосостоянию» и действовал против властей, установленных Богом.

Галичу поставили в вину то, что он в своей книге «История философских систем» проповедовал философию Шеллинга. Рунич уподобил его книгу «тлетворному яду или заряженным пистолетам, положенным среди играющих детей либо диких, не знающих употребления огнестрельного оружия»⁴⁰¹, и обратился к Галичу со словами: «Вы явно предпочитаете язычество Христианству, распутную философию – девственной невесте, Христовой церкви, безбожного Канта – самому Христу, а Шеллинга и Духу Святому»⁴⁰².

Арсеньев был обвинен в том, что преподавал в том же духе, что и Герман.

На вопросы обвинения профессора отвечали письменно «под надзором». Герман признался, что не считает свое мнение «вредным», так как книга, по которой он преподавал теорию статистики, в 1809 г. была одобрена Главным правлением училищ, поэтому совесть его «чиста». Некоторые выписки из студенческих тетрадей он назвал «противными его началам», объясняя это тем, что, вероятно, студенты неправильно его поняли, так как он плохо говорил по-русски. Герман потребовал передать его дело в компетентный суд и для оправдания предоставить ему копию выписанных «вредных мест» из студенческих тетрадей.

Раупах опроверг все обвинения, заявив, что учил светской истории, «не нападая» на достоверность Священного Писания и не представляя его превратного смысла, не проповедовал «материализм» и не называл теологию «справедливым учением». Подтверждение своих слов он согласился предоставить только тогда, когда получит выписку «вредных мест», свои лекции и один экземпляр конспекта лекций слушателя.

Галич, запуганный угрозами Кавелина «объявить его сумасшедшим»⁴⁰³, если он не откажется от своих взглядов, написал: «Сознавая невозможность отвергнуть или опровергнуть предложенные мне вопросные пункты, прошу не помянуть грехов юности и неведения»⁴⁰⁴.

Арсеньев на предъявленные ему «вопросные пункты» ответил, что статистика – наука политическая, поэтому многое в ней связано с политической экономией; выводы на лекциях студенты делали сами, начальство смысл их записей исказило. Адьюнкт попросил предоставить ему возможность дать ответ на каждую статью выписок порознь, чтобы показать начальству свой образ мыслей и «как мало» он «наклонен с намерением к возмутительности, буйству, непокорности властям и богохульству»⁴⁰⁵.

Рунич был возмущен поведением профессоров, по его мнению, этот суд был «подражанием безобразным английским митингам»; профессора старались из белого сделать черное, не хотели отвечать на вопросные пункты, было невозможно установить порядок⁴⁰⁶. Он назвал Раупаха «бунтовщиком, возмутите-

⁴⁰¹ Историческая записка. С. 326 – 328.

⁴⁰² СПб. университет. С. 196.

⁴⁰³ Историческая записка. С. 333.

⁴⁰⁴ Вопросные пункты. С. 353.

⁴⁰⁵ Там же. С. 354 – 358.

⁴⁰⁶ Записка отставного действительного статского советника. С. 64.

лем, иллюминантом, государственным изменником», Герману заявил, что своими ответами он ни его, ни Главное правление училищ не считает «компетентными судьями»⁴⁰⁷. На заявление Арсеньева, что он преподавал теорию статистики по печатной книге профессора Германа, изданной в 1807 г. Главным правлением училищ и одобренной правительством, Рунич резко сказал: «Это не послужит вам в оправдание, что книга напечатана и одобрена от правительства; тогда было время, а теперь другое!»⁴⁰⁸. При этом он добавил, что по поручению Главного правления училищ Ученый комитет начал рассматривать прежде изданные и одобренные книги и признал 18 разных сочинений, изданных и одобренных прежним Главным правлением училищ, «предосудительными» и «развратными», вследствие чего эти сочинения будут запрещены.

Только признание Галича тронуло Рунича «до глубины сердца», так как доказывало, что в университете было «вредное и опасное» учение⁴⁰⁹. Он зарыдал, начал обнимать его и называть «блуждающею овцою, оглашенным, обращенным, просветившимся». Желая уверить всех присутствующих в искренности «обращения» Галича, Рунич предложил ему издать новую «Историю систем философских» и «в предисловии к оной торжественно описать свое обращение и отречение от мнимого просвещения, на лжеимном разуме основанного»⁴¹⁰.

Попечитель считал, что этот суд устроен только для формы, а Главное правление училищ «будет само судить»⁴¹¹. Он пытался изобразить единство мнений, наставить обвиняемых на «путь истинный», но у присутствовавших создавалось впечатление, что суд стремится непременно осудить, «отняв все возможные и законные средства к оправданию»⁴¹².

Уже на первом заседании Рунич приказал собирать голоса и мнения членов комиссии по поводу ответов Германа и Раупаха, так как среди профессоров не было единства. По первому вопросу: «удовлетворительны ли ответы Германа и Раупаха» – чуть больше половины членов (11 человек) признали их ответы неудовлетворительными. На второй вопрос о том, что Герман и Раупах «не признают» вопросы, составленные на основе их учений в Главном правлении училищ, 14 человек ответили «нет», остальные подали особые мнения, выражающие непонимание сути вопроса. Третий вопрос состоял из двух частей. Мнения членов конференции по поводу учений Германа и Раупаха практически совпали: они были признаны «вредными». Вторая часть вопроса о благонадежности Германа и Раупаха к преподаванию вызвала большие споры: все профессора подали особые мнения. В итоге 9 признали их «безусловно недостойными» доверия правительства, другие признали их «недостойными доверия в большей или меньшей степени»⁴¹³.

⁴⁰⁷ Историческая записка. С. 310 – 313.

⁴⁰⁸ Там же. С. 328 – 331.

⁴⁰⁹ Краткая записка. С. 64.

⁴¹⁰ Историческая записка. С. 333 – 334.

⁴¹¹ Письма Д.П. Рунича 1821 и 1842 гг. С. 8.

⁴¹² Историческая записка. С. 307, 314.

⁴¹³ СПб. университет. С. 191 – 193.

На втором заседании Конференция решила запретить преподавание по «системе Галича», его самого оставить в университете профессором, но назначить ему другое «ученое занятие», Рунич обещал подать прошение о помиловании Галича Голицыну.

Ответы Арсеньева большинством голосов были признаны «неудовлетворительными». 12 человек признали его книгу «Начертание статистики Российского государства» «вредной». Вопрос о «благонадежности» Арсеньева к преподаванию статистики вызвал споры. В основном члены конференции сошлись на том, что он не заслуживает доверия, но «небезнадежен» и может быть оставлен в университете. Рунич был согласен оставить его при условии, что Арсеньев напишет новую «Статистику России» и не будет преподавать во «вредном духе»⁴¹⁴.

Таким образом, уже на первом заседании выделилась группа профессоров, не согласных с действиями Рунича и требовавших проведения суда на законных основаниях. Споры были настолько ожесточенными, что М.А. Балугьянский упал в обморок, а М.Ф. Соловьев забыл дорогу домой и на следующий день «впал в чрезвычайное расслабление телесное и душевное»⁴¹⁵. Рунич «не ожидал встретить такого сопротивления»⁴¹⁶. Поэтому, когда член конференции профессор Ф.Ф. Шармуа потребовал «суда компетентных лиц» и отказался отвечать на его вопросы, ибо они не предписаны Голицыным, Рунич воспринял это как оскорбление. Он был возмущен: его президентские права, как и законность собрания и распоряжения министра, не признавались. Рунич поставил на голосование вопрос о «приличии» поступка Шармуа. Конференция единогласно признала его поступок «неприличным», и профессор был вынужден попросить прощение у членов собрания. Рунич согласился простить оскорбление «как христианин». 7 ноября, когда к повторному протесту Шармуа против действий Рунича добавился протест профессора И.В. Деманжа, были собраны мнения и по этому вопросу. Поступок Шармуа был признан «недозволенным и нетерпимым по закону», два члена конференции считали, что решать должен Голицын и «высшее начальство», а девять – что судить Шармуа надо «по закону»⁴¹⁷. Вопрос об его увольнении из университета по собственному желанию был поставлен Зябловским 18 ноября 1821 г. Половина присутствовавших на собрании ответили «да», другие считали, что этот вопрос должно решать «высшее начальство». Не случайно поступок Шармуа рассматривался на протяжении всего суда над профессорами. Это был вопрос о правомерности действий Рунича и его прав в университете. Ему было необходимо заручиться поддержкой собрания университета для проведения дальнейших преобразований.

Рунич считал, что с ним были согласны все профессора, кроме Шармуа и Деманжа, которые оказывали «упорное сопротивление»⁴¹⁸. На самом деле, заседания конференции выявили группу профессоров, которых попечитель назвал

⁴¹⁴ Там же. С. 205.

⁴¹⁵ Рождественский С.В. Указ. соч. С. LV.

⁴¹⁶ Исторические бумаги К.И. Арсеньева. С. 132, 141, 147.

⁴¹⁷ СПб. Университет. С. 212 – 215.

⁴¹⁸ Записка отставного действительного статского советника. С. 64.

«противной партией»⁴¹⁹. Они старались остановить расследование и воспрепятствовать мерам правительства по «обузданию вольнодумства», защищали обвиненных профессоров и «системы их учения». Это были профессора Балугьянский, Грефе, Соловьев, Чижов, Плисов, Шармуа. Рунич считал, что они и дальше будут противодействовать мерам правительства. Показательно уменьшение количества членов конференции по сравнению с первым заседанием. Если на первом заседании не присутствовали Бутырский и Панснер, то на втором не было еще двух человек – оскорбленного Шармуа и «расстроенного до потери памяти» Соловьева; на третьем к ним добавились Деманж, выступивший в поддержку Шармуа, Ржевский и Радлов.

После заседания 3 ноября Кавелин по собственной инициативе подкорректировал записи и заставил Плисова переписать их на отдельный лист, делая «какие-то непонятные намеки и увещевания в выражениях аллегорических и мистических»⁴²⁰. Но когда Плисов рассказал об этом Балугьянскому, то подлог открылся. 9 ноября 1821 г. Кавелин «исступленно кричал» на Плисова, заставлял каяться, так как Балугьянский обвинил его в подлоге ответа Галича⁴²¹. 9 и 10 ноября Балугьянский, Грефе, Соловьев, Чижов и Плисов прислали свои мнения относительно их подозрений о законности делопроизводства, обнаруженные Плисовым.

Вообще все это «странное явление» (суд), по словам М.Г. Плисова, «походило на театральное»: Рунич то ругался, называя тетради «гадкими, мерзкими», «смердящими», то «смеялся» и «ликовал», то «увещевал» и наставлял нерадивых профессоров⁴²². Кавелин во всем ему вторил и выступал инициатором даже более «смелых» поступков, таких как подделка журналов заседания и привлечение жандармов с «голыми палашами». Рунич, Кавелин и Зябловский не давали несогласным с ними сказать ни слова, «оскорбительно выражались», требовали только однозначных ответов – да или нет – на вопросы, смысл которых, по мнению профессоров собрания, понять было трудно, обвиняли их в заговоре.

Вследствие донесения попечителя Главное правление училищ 24 ноября 1821 г. постановило: изъять из обращения печатные курсы всех четырех обвиняемых профессоров и предать Раупаха, Германа и Арсеньева «суду компетентных лиц». Министр народного просвещения и духовных дел, представляя «дело» о профессорах в Комитете министров, прокомментировал: «Существо дела есть великой важности не только в отношении к учебной части, но и для всего государства вообще»⁴²³. Германа и Раупаха он предлагал выслать из России, Галича оставить при университете, но в другой должности, Арсеньеву запретить преподавать в учебных заведениях какого бы то ни было ведомства, предоставив другой род службы, а Рунича утвердить попечителем и наградить за открытие «опасной и глубоко внедрившейся в Петербургском университете системы учения». Учение четырех обвиняемых профессоров Комитет на осно-

⁴¹⁹ Краткая записка. С. 61.

⁴²⁰ Историческая записка. С. 316, 323 – 324.

⁴²¹ Мнение экстраординарного профессора М. Плисова // ЧОИДР. 1866. Кн. 3. С. 110.

⁴²² Историческая записка. С. 323.

⁴²³ СПб. университет. С. 233.

вании выписок из их лекций единогласно признал вредным, но относительно самих профессоров мнения разделились. Одна половина считала, что Германа, Раупаха и Арсеньева надо «удалить» из университета и запретить им преподавать, другая полагала, что их нужно только «удалить» из университета. Было решено создать Особую комиссию при Министерстве просвещения для поиска виновных, разрешивших печатать «вредные» книги и преподавать «вредные» учения⁴²⁴. Особая комиссия была избрана, но так и не собралась. Относительно Рунича было решено, что он лишь выполнял свои обязанности, открыв в университете «вредное учение». При новом императоре Николае I в феврале 1827 г. последовало Высочайшее повеление «считать дело оконченным».

Суд прошел несколько инстанций: общее собрание университета, Главное правление училищ, министра народного просвещения и Комитет министров, но дело решено так и не было. К.Ф. Герман, А.И. Галич и К.И. Арсеньев были отстранены от преподавания, но числились в университете и получали жалование и «плату за наем квартиры» до 1824 г.⁴²⁵. В таком же положении оказался и профессор философии П.Д. Лодий, доктор изящных искусств, прав и теологии, который во время рассмотрения материалов, «заподозренных в неблагонадежности профессоров», в 1821 г. был обвинен в распространении учения, «опасного для общественного благосостояния». А.И. Галич был оставлен в университете и стал основоположником русской философской лексики.

Обвиненные в «вольномудстве» профессора продолжили свою деятельность в других сферах. К.Ф. Герман опубликовал множество трудов в сборниках Императорской Академии наук, редактировал издававшийся ею «Статистический журнал» и стал ординарным академиком. Э.В.С. Раупах стал управляющим Королевского театра в Берлине и прославился своими многочисленными драматическими произведениями. К.И. Арсеньев внес выдающийся вклад в развитие российской официальной статистики, стал ординарным академиком, редактором в Комиссии составления законов и преподавателем истории и статистики наследника престола.

М.Г. Плисова, известного, согласно Руничу, «по беспокойному своему нраву и противной непокорности и духу неуважения к начальству»⁴²⁶, после суда, состоявшегося 20 марта 1822 г., от преподавания естественного права отстранили, так как было признано, что преподавал он на «ложных началах и умозрительных, противоречащих истинам Христианства»⁴²⁷. К этому умозаключению попечитель пришел, побывав на частных испытаниях учеников седьмого класса гимназии Санкт-Петербургской губернии. Ему не понравилось, что Плисов «делал дерзкие возражения и замечания» и отказывался принимать

⁴²⁴ Мнение кн. Куракина по делу о профессорах, в комитете гг. министров по Высочайшему повелению рассматриваемому (14 февраля 1822 г.) // Сухомлинов М.И. Указ соч. С. 391 – 394.

⁴²⁵ СПб. университет. С. 365.

⁴²⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 276. Л. 4.

⁴²⁷ Записка о частном испытании в Санкт-Петербургской гимназии ученикам VII класса, произведенном в среду 7 декабря 1821 года по предмету естественного права // Сухомлинов М.И. Указ. соч. С. 337 – 345.

экзамен, когда Рунич вмешивался в его ход. Он предложил уволить Плисова, обнаружив в поступках профессора «образ мыслей, доказывающий его неблагонадежность к преподаванию наук политических»⁴²⁸. Голицын и Главное правление училищ уволить Плисова разрешили. После увольнения он с 10 августа 1823 г. продолжил службу в Министерстве финансов.

Рунич по предложению И.С. Лавалея хотел прекратить в учебных заведениях преподавание политической экономии. Но 18 февраля 1822 г. было прекращено только преподавание естественного права в гимназии⁴²⁹. Опустевшие кафедры отстраненных профессоров присоединили помощники Рунича и, по предложению попечителя, получили за это вознаграждение – жалование за преподавание на двух кафедрах (две тысячи рублей в год)⁴³⁰. Профессор Е.Ф. Зябловский совмещал кафедры географии и статистики (вместо К.Ф. Германа), профессор А.А. Дегуров – истории и французской словесности (вместо Э.В.С. Раупаха), профессор Я.В. Толмачев – философии и российской словесности (вместо А.И. Галича).

Суд оказал большое влияние на дальнейшее развитие университета. Несколько профессоров, оскорбленные полным отсутствием уважения к заслуженным деятелям науки, ушли в отставку. Так, в марте 1822 г. Л.И. Панснер и К.Ф. Радлов были уволены из университета по собственному желанию. Г.П. Павский, доктор богословия, перестал читать свои лекции. Ординарные профессора восточной филологии Ж.-Ф. Деманж и Ф.Б. Шармуа уволились из университета и с 1822 г. перешли на службу в Азиатский департамент Министерства иностранных дел.

В результате всего этого произошло заметное падение научного уровня университетской профессуры. Сократилось количество иностранных профессоров: в 1819 г. из 8 профессоров было 11 иностранцев, в 1822 г. из 19 профессоров иностранцев осталось только 5⁴³¹. Не все иностранные профессора успели подготовить себе смену, а среди отечественных профессоров было много выходцев из духовенства, и их образовательный уровень был не очень высок. Политическую экономию и науку о финансах читал Н.И. Бутырский, воспитанник Педагогического института, адъюнкт-профессор эстетики. По словам современников, он не был специалистом в сфере экономики: «хороший профессор по

⁴²⁸ СПб. университет. С. 222.

⁴²⁹ Сборник распоряжений по министерству народного просвещения (1803 – 1864). СПб. 1867. С. 470 – 471.

⁴³⁰ Рунич Д.П. Представление Д. Рунича министру духовных дел и народного просвещения от 1 декабря 1822 г. об утверждении экстраординарного профессора В. Шнейдера и о вознаграждении некоторых профессоров за преподавание по двум кафедрам // СПб. университет. С. 249 – 252; Статья журнала Главного правления училищ 14 декабря 1822 г. «об утверждении и награждении чиновников конференции Санкт-Петербургского Университета» // Там же. С. 253 – 256; Всеподданнейший доклад министра духовных дел и народного просвещения от 26 февраля 1823 г. о производстве «некоторым профессорам здешнего университета жалования по кафедрам, занимаемым ими сверх собственных их после удаления от преподавания профессоров» // Там же. С. 256 – 257.

⁴³¹ Петров Ф.А. Указ. соч. С. 130 – 131.

словесности, но политическую экономию плохо читает»⁴³². Для преподавания русских законов и судопроизводства был приглашен секретарь комиссии составления законов С.Г. Боголюбов, который, не имея практики и необходимого образования, излагал предмет, по отзывам студентов, «вяло и бессистемно». Римское право читал бывший учитель Московского благородного пансиона В.В. Шнейдер, который был в большей степени филолог, нежели юрист⁴³³.

Новые профессора выбирались из людей, известных не научными трудами, а «нравственными качествами и христианским примерным расположением»⁴³⁴. Единственной целью многих из них было улучшение своего материального положения. Так, студент Виленского университета О.И. Сенковский при приглашении на кафедру восточных языков заявил, что он «никак не согласится вступить в университет за обыкновенное весьма малое жалование ординарного профессора»⁴³⁵. Он поставил условие: предоставить ему жалование и квартирные деньги, которые получали Ж.-Ф. Деманж и Ф.Б. Шармуа вместе и «сохранить за ним жалование по Константинопольской миссии». Это условие было выполнено.

Продолжились интриги, проявившиеся во время суда над профессорами. Иллюстрацией этого может служить дело экстраординарного профессора Т.О. Рогова, представлявшее «клубок жалоб» профессоров друг на друга. Рогов пожаловался на совет университета, который «обходил» его при выборах ординарных профессоров. Он попросил министра назначить его на кафедру всеобщей и русской истории, которую занимал профессор А.А. Дегуров. Дегуров подал на это решение жалобу Руничу. Попечитель счел, что просьба «заслуживает полного уважения». После этого Зябловский, председатель совета, утвердившего прошение Рогова, написал две записки, «считая для себя необходимостью оправдаться в справедливости решения совета» и жалуюсь на Дегурова, так как «решение совета законно»⁴³⁶. В итоге министр постановил, что профессор Зябловский не должен оправдываться, так как не обвинялся начальством.

Уровень преподавания с 1822 по 1832 гг. был, по словам современников, на «незавидной высоте»: «рутинное, пошрое, устарелое преподавание по самым жалким курсам»⁴³⁷. Среди оставшихся и вновь прибывших профессоров насчитывалось всего 5 – 6 человек, способных собственными трудами развивать преподаваемые ими предметы. Запуганные «судом» над профессорами преподаватели придерживались строго заданной программы и красноречиво излагали материал, полученный от наставников. Студенты наизусть заучивали учебники, даже изложение учебника своими словами считалось «дурной склонностью к вредному свободомыслию»⁴³⁸. Чтение книг, кроме разрешенных учебников, запрещалось. Оставшиеся и новые профессора, приглашенные на кафедры не имевшие авторитета и ученой известности, не могли поднять понизившийся

⁴³² Косачевская Е.М. Указ. соч. С. 148.

⁴³³ Григорьев В.В. Указ. соч. С. 39.

⁴³⁴ СПб. университет. С. 249 – 250.

⁴³⁵ Там же. С. 264 – 266.

⁴³⁶ Там же. С. 274 – 285.

⁴³⁷ Косачевская Е.М. Указ. соч. С. 149.

⁴³⁸ Григорьев В.В. Указ. соч. С. 67 – 68.

уровень университета. Последствиями суда 1821 г. стали застой в умственной и научной деятельности, лицемерие и раболепство, упадок нравственности.

Действия Рунича вызвали неоднозначную реакцию общества.

М.Л. Магницкий считал, что «начало обличения здешнего университета состояло в замене лиц, потерявших доверенность, другими, кои в полной мере ее заслужили, и которых правила были достоверно министру известны»⁴³⁹.

Будущий министр народного просвещения А.С. Шишков называл дело о профессорах примером влияния «вредных» книг и слабой цензуры, поэтому в качестве надежного средства указывал ни слабую, ни строгую» цензуру, «разумеющую силу языка».

С.С. Уваров просил дать обвиняемым возможность оправдаться, создать особый комитет из людей «знающих, независимых и к делу неприкосновенных»⁴⁴⁰.

М.А. Балугьянский также требовал дать обвиняемым профессорам возможность оправдаться, так как у них были отняты все законные средства к оправданию.

В стремлении достичь осуждения обвиненных профессоров любым способом Рунич пренебрег правилами приличия и установленными законом нормами. Его действия потрясли столичное общество, суд над профессорами называли «жестоким моментом русской истории», когда почтенное звание профессора в коллегиальном составе совета было унижено и втоптанно в грязь⁴⁴¹.

«Дело» профессоров Петербургского университета получило большой общественный резонанс: профессоров почитали как «мучеников за науку и за правду», и симпатии общества были на их стороне⁴⁴². «Разгром» Рунича препятствовал образованию традиции и преемственности в преподавании университета. Он нарушил принципы университетского самоуправления, директор и ректор находились под начальством попечителя, который был председателем университетского правления и отдавал приказания⁴⁴³.

В результате суда Рунич приобрел репутацию «мракобеса» и «гасителя просвещения». Общественность приписывала ему личные выгоды, интриги и намерение выслужиться. По словам самого попечителя учебного округа, это были «ложь и клевета»⁴⁴⁴. Он оправдывался тем, что не предлагал никаких «реформ» и «новизн», а только оставался при своих понятиях, действовал бескорыстно, выполняя предписания начальства. Впоследствии во всех неудачах в преобразовании университета обвинили его одного. Министр и члены Главного правления училищ были отстранены от ответственности, а Рунич один, по его словам, был «предан последнему бедствию, как подкупленный, презренный доносчик и клеветник»⁴⁴⁵.

⁴³⁹ Сухомлинов М.И. Указ. соч. С. 373 – 377.

⁴⁴⁰ Там же. С. 385 – 386.

⁴⁴¹ Скабичевский А.М. Очерки Русской цензуры (1700 – 1863). СПб. 1892. С. 142.

⁴⁴² Косачевская Е.М. Указ. соч. С. 144.

⁴⁴³ Петров Ф.А. Указ. соч. С. 141.

⁴⁴⁴ Записка отставного действительного статского советника. С. 64.

⁴⁴⁵ Там же. С. 65.

Общественное возмущение было направлено конкретно против него: «Меня везде описывают самыми черными красками и все личные оскорбления, нападения <...> обращены на меня»⁴⁴⁶. Но следует подчеркнуть, что он действовал согласно приказам министра духовных дел и народного просвещения А.Н. Голицына, утвержденным Александром I, и вместе со своими единомышленниками: ректором университета Е.Ф. Зябловским и директором университета Д.А. Кавелиным⁴⁴⁷. Главное правление одобряло его действия и тактику, а 12 ноября 1821 г. Руничу было поручено осуществлять надзор над изданиями и работой редактора Журнала департамента народного просвещения⁴⁴⁸. Все поступки попечителя диктовались правительственной политикой, которая влияла и на изменение точки зрения правления Петербургского университета, и на действия Рунича в 1821 г. Торжественный акт 1823 г. оправдывал его мероприятия, называя их «неусыпным попечением» правительства о распространении в России истинного просвещения и нравственности⁴⁴⁹.

Историческая записка П. Плетнева 1844 г. характеризовала их как «странное зрелище» и «недоразумение» между начальством университета и его профессорами, которое закончилось увольнением профессоров, содействовавших распространению полезного знания⁴⁵⁰. В 1869 г. на пятидесятилетнем юбилее Петербургского университета было заявлено, что вследствие доноса Рунича на лучших профессоров университета снизился уровень образования и университет «нескоро оправился от первого удара»⁴⁵¹. В царствование Николая I из формулярных списков обвиненных профессоров были исключены сведения о «нахождении под следствием» и о «прохождении суда»⁴⁵² в 1821 г.: 1828 г. у К.И. Арсеньева и К.Ф. Германа, а в 1836 г. – у А.И. Галича.

§ 3. Преобразование Петербургского университета

После суда Рунич намеревался преобразовать Петербургский университет. По его словам, он представлял собой «здание, без плана и прочного основания», которому «без сомнения» надлежало развалиться⁴⁵³. По мнению Рунича, университеты не выполняли той «благотворной цели», ради которой они были основаны: не давали необходимых знаний и нравственного воспитания, а также не выработали «положительных» правил для испытания и производства в

⁴⁴⁶ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 43. Л. 96-98 об.

⁴⁴⁷ Там же. Л. 4; РГБ ОР. Ф. 548. К. 1. Д. 7. Л. 1; РГАЛИ. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 1. Л. 2; Ф. 40. Оп. 1. Д. 5. 2 л.; РГБ ОР. Ф. 548. К. 1. Д. 6 – 10.

⁴⁴⁸ РГИА. Ф. 734. Оп. 1. Д. 729. Л. 247 – 247 об.

⁴⁴⁹ Торжественный акт Императорского Санкт-Петербургского университета, воследовавший 28 февраля 1823 г., по случаю окончания первого университетского курса // Северный архив. 1823. Ч. 5. № 5. С. 457 – 560.

⁴⁵⁰ Первое двадцатипятилетие Императорского Санкт-Петербургского университета. С. 1 – 127.

⁴⁵¹ Пятидесятилетний юбилей Императорского Санкт-Петербургского университета // Всемирная иллюстрация. 1869. Т. 1. № 9. С. 134 – 139.

⁴⁵² СПб. университет. С. 240.

⁴⁵³ Там же. С. 286.

ученые степени⁴⁵⁴. Рунич поставил перед собой три задачи: во-первых, удаление иностранных преподавателей и профессоров, приносивших «разрушительные» просветительские идеи, противоречащие «духу христианства», во-вторых, обучение русских учителей, воспитателей и профессоров, в-третьих, религиозно-нравственное образование молодежи.

Усиление подготовки русских учителей и воспитателей он считал необходимым потому, что иностранные преподаватели, которых Рунич называл «иноземными пришельцами без сведений», плохо говорили по-русски и не имели должного представления о классическом образовании. Он видел причину неудачи университетов в том, что слишком мало внимания в них уделялось нравственному образованию. Кроме того, ни в одном университетском уставе не было точно определено, что «именно должен знать студент университетский и до какой степени простираются должны его знания»⁴⁵⁵.

Рунич планировал провести «разбор» студентов по способностям и «нравственности», изменить систему комплектования университета учащимися, составить новый устав, переместить университет в другое здание, перестроить старое или же купить новое. Он намеревался уничтожить «бесполезный» Учительский институт, его воспитанников превратить в казенных учеников Петербургской гимназии и уничтожить «совершенно бесполезный» экономический комитет Петербургской гимназии и училищ и все расходы передать в ведение правления университета⁴⁵⁶. 12 марта 1822 г. по докладу Голицына Александр I приказал приостановить на время прием семинаристов и провести разбор студентов, а остальные пункты программы доработать.

Необходимость «разбора» всех казеннокоштных студентов Рунич мотивировал «поверхностными знаниями» и «дурной нравственностью» студентов⁴⁵⁷. Причины этого, по его словам, заключались, во-первых, в «худом надзоре»: не было никакого присмотра ни за нравственностью, ни за учением студентов. Второй причиной была «неограниченная свобода»⁴⁵⁸ – нерегулярное посещение занятий студентами и преподавателями.

18 марта 1822 г. с одобрения императора он провел в Петербургском университете «разбор» всех казеннокоштных студентов по способностям и «нравственности». О познаниях студентов делала заключение конференция университета на основе экзамена – «годового испытания», проходившего с 9 января по 9 февраля 1822 г. О «благонадежности студентов к учительскому званию по нравственным качествам» судил директор университета Д.А. Кавелин, а «нравственные свойства» оценивал инспектор казенных студентов А.Е. Ганенфельд.

По итогам разбора студенты были разделены на пять разрядов: по первому «надежные» студенты продолжали обучение в университете, по второму студенты отличных знаний, но «плохой нравственности», были оставлены для усовершенствования знаний по восточным языкам, по третьему три человека

⁴⁵⁴ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 3. Д. 76. 38 лл.

⁴⁵⁵ Там же. Д. 51. Л. 6.

⁴⁵⁶ Там же. Д. 50. 20 лл.; Д. 49. 18 лл.

⁴⁵⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 276. Л. 1 – 2 об.

⁴⁵⁸ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 3. Д. 85. 3 лл.

становились гувернерами Благородного пансиона, по четвертому 24 студента лишались права быть учителями и направлялись на гражданскую службу, по пятому пять человек были признаны «неблагонадежными» по познаниям и нравственности и исключались из университета⁴⁵⁹. В результате «разбора» из 59 студентов Петербургского университета было исключено 29, общая их численность сократилась к 1824 г. до 52 человек, но с 1825 г. стала расти (90 студентов), достигнув к 1827 г. 137 человек⁴⁶⁰. Таким образом, первоначально действия Рунича привели к уменьшению количества студентов, но он считал это необходимой мерой для «истребления» последствий, которые могли оставить «разрушительные теории» в умах студентов. После выпускных экзаменов попечитель донес министру о положительных результатах произведенного им «разбора», коими считались «превосходные успехи» и «добрая нравственность»⁴⁶¹.

После «разбора» студентов в 1822 г. Рунич решил изменить систему комплектования университета учащимися. Основное ядро университета до этого составляли воспитанники духовных семинарий. Они, по мнению Рунича, приносили с собой «развратные склонности, грубые нравы и навыки» и создавали почву для «нечестия и политического разврата»⁴⁶². Он рассчитывал приостановить на время прием в университет семинаристов и набирать в университет воспитанников Дома воспитания бедных детей, уменьшить количество студентов и из 100 оставить только 40, а через год набрать всего 30 человек. Студенты университета в зависимости от способностей должны были выпускаться учителями гимназий или уездных училищ или оставаться в университете для дальнейшего усовершенствования.

Одновременно Рунич разрабатывал меры по улучшению образования в Санкт-Петербургской Губернской гимназии для обучения русских наставников и воспитателей⁴⁶³. Он планировал переименовать ее в Санкт-Петербургскую Университетскую гимназию и передать в непосредственное ведение университета. Ее целью должна была стать подготовка к поступлению в университет и обучение учителей низших учебных заведений. Рунич сожалел, что ранее после ее окончания выдавался гимназический аттестат, присваивался 14-й класс, и юноши в основном поступали на гражданскую службу⁴⁶⁴. Попечитель планировал, что курс в гимназии должен продлиться три года, при этом к 30 казенным воспитанникам необходимо добавить еще 30 из Императорского человеколюбивого общества, а ученики из Дома воспитания бедных станут казенными и будут готовиться для поступления казенными студентами в университет или на должность учителей низших учебных заведений. Для детей неимущих родителей, которые не могут позволить себе оплатить содержание детей, образование в гимназии, по замыслу Рунича, должно было оплачиваться наравне с казенно-

⁴⁵⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 276. Л. 33 – 40.

⁴⁶⁰ СПб. университет. С. 312 – 326.

⁴⁶¹ Там же. С. 350 – 351.

⁴⁶² ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 3. Д. 51. Л. 6.

⁴⁶³ Там же. Д. 156. 14 лл.

⁴⁶⁴ Там же. Д. 88. 4 лл.; Д. 52. 23 лл.

коштными гимназистами⁴⁶⁵. Также он собирался установить «общие формы связи» университета с Благородным пансионом, губернскими гимназиями и Высшим училищем.

Рунич считал все это совершенно необходимым, так как, по его словам, он принял все учебные заведения округа «в столь худом во всех частях положении», что если не принять меры, то «собственное падение скоро обнаружилось бы»⁴⁶⁶. В данных трех заведениях нравственная и полицейская части управлялись директорами этих учебных заведений, которые были подотчетны попечителю учебного округа, а учебная и хозяйственная части передавались в ведение совета университета и его правления. Остальные преобразования в них должны были проходить фактически по одной и той же схеме: увольнение «неблагонадежных» преподавателей и замена их «исправнейшими и надежнейшими», «разбор» учащихся и перестройка помещений⁴⁶⁷. Подобные преобразования Рунич провел в Благородном пансионе при поддержке его директора Д.А. Кавелина.

Сначала с одобрения министерства духовных дел и народного просвещения были объединены правления пансиона и университета⁴⁶⁸. Кавелин предлагал ужесточить принятые меры, ссылаясь на «Инструкцию ректору и директору Казанского университета», то есть полностью подчинить правление пансиона университету и ограничить его полномочия. В 1823 г. Рунич представил на рассмотрение Голицыну ряд мер по сокращению расходов в пансионе. Он предложил закрыть «излишние классы», уволить часть преподавателей и воспитателей, произведя разбор учителей и оставив по два учителя на каждый предмет, а также четырех надзирателей⁴⁶⁹. Кроме того, следовало уменьшить количество занимаемых комнат, так как воспитанников стало в два раза меньше, а родители должны были выплатить задолженность за обучение. Затем Рунич рассчитывал преобразовать правление пансиона «по типу хозяйственных комитетов Петербургской гимназии и высшего училища»⁴⁷⁰. Голицын согласился с этими мерами, но, беспокоясь о качестве обучения в пансионе, предписал не сокращать количество предметов и не допустить падения успеваемости и уровня образования воспитанников. От 118 учившихся в 1820 г. к 1825 г. осталось 63 пансионера⁴⁷¹.

В 1823 г. Рунич начал строительство нового здания для университета. Он считал необходимым соединить Благородный пансион и университет в одном помещении.

Первая смета расходов была представлена исправляющим должность ректора университета Е.Ф. Зябловским. Она составила 74.956 рублей. Вторая

⁴⁶⁵ Там же. Д. 94. 70 лл.

⁴⁶⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 288. Л. 2 об.

⁴⁶⁷ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 3. Д. 77. 44 лл.; Д. 72. 52 лл.

⁴⁶⁸ РГБ. ОР. Ф. 548. К. 1. Д. 9. Л. 1.

⁴⁶⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 288. Л. 1 – 5.

⁴⁷⁰ Донесение Д. Рунича министру духовных дел и народного просвещения от 3 октября об упадке Благородного пансиона и о необходимых мероприятиях для поддержания его существования // СПб. университет. С. 354 – 359.

⁴⁷¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 288. Л. 71 – 77.

была написана Руничем, который уменьшил расходы до 69.343 рублей⁴⁷². Инициатива временного перевода университета в здание пансиона принадлежала Кавелину, который неоднократно доносил о недостатках его расположения⁴⁷³. Рунич добавил к этой причине еще две: плохой вследствие большого количества в здании Двенадцати коллегий выходов контроль над посещаемостью лекций и неудобство размещения корпуса на Васильевском острове, который в плохую погоду был практически недоступен. Он планировал реконструировать здание университета, пристроить к нему жилые корпуса для ректора и студентов, возвести новые здания для Петербургской гимназии и Благородного пансиона⁴⁷⁴.

Первое предложение о постройке нового здания для университета было отклонено Александром I еще 12 марта 1822 г. В 1823 г. Рунич доложил о «невозможности университетского помещения»⁴⁷⁵ и необходимости его расширения и покупки смежного с университетом дома. Он предоставил проект, на который было необходимо потратить большую сумму денег – 1.300.000 рублей⁴⁷⁶. Чтобы получить от министра финансов такую сумму, Рунич разработал ряд финансовых комбинаций, получивших одобрение императора 21 мая 1823 г.⁴⁷⁷ Нужные суммы на строительство поступали из университета в Строительный комитет под председательством Рунича, который состоял из двух членов – Крапцова и Ганенфельда⁴⁷⁸. Осенью 1823 г. Петербургский университет был переведен с Васильевского острова в другой конец города на Ивановскую улицу в дом, принадлежащий Благородному пансиону. Временное помещение было старым, тесным и непригодным к потребностям высшего учебного заведения, поэтому требовало больших перестроек. Для заседаний совета и правления университета сняли квартиру на Фонтанке. В здании XII коллегий была помещена канцелярия университета и часть профессоров. Другая их часть расположилась на Шестой линии Васильевского острова.

В 1824 г. Рунич решил сократить расходы по университету, уволив от службы М.А. Балугьянского, К.Ф. Германа, А.И. Галича, К.И. Арсеньева и прекратив выплачивать жалование П.Д. Лодию, получавшему его по двум кафедрам – философии и уголовного права⁴⁷⁹. Все они получали денежное содержание до решения их дела, находившегося в Комитете министров. Это, по выражению Рунича, была «передержка сверх определенного по штату», поэтому он предлагал уволить Балугьянского, Германа и Арсеньева, к тому же Балугьянский и Арсеньев сами подавали заявления об отставке. Галича, по замыслу попечителя, надо было уволить по его просьбе от должности и оставить в универ-

⁴⁷² Примерное исчисление расходов по Благородному пансиону Императорского Санкт-Петербургского университета до преобразования и перевода онога в новое здание // СПб. университет. С. 359 – 361.

⁴⁷³ РГБ. ОР. Ф. 548. К. 1. Д. 8. Л. 1.

⁴⁷⁴ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 3. Д. 55. 16 лл.

⁴⁷⁵ Там же. Д. 53. 22 лл.

⁴⁷⁶ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 467. Л. 421 об.

⁴⁷⁷ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 3. Д. 54. 17 лл.

⁴⁷⁸ Там же. Д. 74. 91 лл.; Д. 70. 56 лл.

⁴⁷⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 312. Л. 1 – 7.

ситете «для занятия какой-либо другой должности»⁴⁸⁰. Получаемые ими оклады могли быть назначены тем профессорам, которые займут их места⁴⁸¹. Александр I по представлению Голицына разрешил уволить Балугьянского, Германа и Арсеньева «по их прошению», но Герману при этом велено было продолжать выплачивать прежнее жалование из сумм государственного казначейства; Лодию стали платить жалование только по кафедре уголовного права, а Галича уволили от занимаемой должности, но оставили при университете на другом посту⁴⁸².

Таким образом, после суда Рунич не только провел в Петербургском университете различные преобразования, но и поставил все учебные заведения округа в зависимость от него. Благородный Пансион, Высшее Училище и Гимназия были поручены «отдельному управлению директоров, по нравственной и полицейской частям под непосредственной зависимостью попечителя; по учебной от совета университета, а по хозяйственной и счетной от правления онога»⁴⁸³. Успех предложений Рунича в высших сферах, одобрение Александром I программы его преобразований были свидетельством прочности его положения, соответствия его реформ общей политике правительства, хотя он все время оставался «исправляющим должность попечителя». 3 февраля 1824 г. Рунич был награжден орденом св. Владимира второй степени с большим крестом «за долговременную службу и похвальные труды»⁴⁸⁴.

Первым сигналом поворота в оценке его деятельности можно назвать высочайшее повеление от 4 января 1824 г. ввести в Петербургском университете устав Московского университета на то время, пока не будет утвержден «особый устав»⁴⁸⁵. Этот устав не отменил «Инструкции ректору и директору Казанского университета», но дал большую самостоятельность Совету и Правлению университета и упорядочил управление им. Подобные изменения шли вразрез с планами Рунича. Поэтому он препятствовал практическому введению Московского устава, и только по требованию нового министра народного просвещения А.С. Шишкова 14 августа 1825 г. были проведены выборы ректора, деканов и синдика.

При Шишкове произошел поворот в развитии народного просвещения. Президент Российской академии, основатель и идейный руководитель Беседы любителей русского слова считал, что цель обучения – «просвещение разума и образование сердца»⁴⁸⁶, но главное – это «ясное и точное» изложение наук, особенно статистики, геометрии, права и Катехизиса⁴⁸⁷. В его представлениях православие как идеология противопоставлялось модным в то время экуменическим утопиям и масонству, и на первое место выступали вопросы о

⁴⁸⁰ Там же. Л. 23 – 24.

⁴⁸¹ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 3. Д. 65. 4 лл.

⁴⁸² РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 312. Л. 30 – 32.

⁴⁸³ Там же. Д. 288. Л. 100-102 об.

⁴⁸⁴ РГАЛИ. Ф. 1863. Оп. 1. Д. 53. Л. 7 об., 8.

⁴⁸⁵ СПб. университет. С. 372 - 377.

⁴⁸⁶ Там же. С. 377 - 378.

⁴⁸⁷ Прокофьев А.В. Морализирующий традиционализм адмирала Шишкова (страница из российской истории идей начала XIX века) // Вопросы философии. 1999. № 4. С. 107-119.

национальном образовании, «подлинно» самодержавной власти и самобытной национальной культуре⁴⁸⁸. Шишков планировал коренную реформу учебной системы на «национальных принципах» и православных ценностях, поэтому действия масона Рунича его не устраивали. При нем был замечен ряд недостатков в организации преподавания и воспитания сначала в Благородном пансионе, а потом были пересмотрены все преобразования Рунича за время попечительства. Министр потребовал от него отчет о состоянии Петербургского университета, Благородного пансиона и училищ округа со времени вступления его в должность попечителя и о мерах, принятых для улучшения их положения.

31 января 1826 г. Рунич подал отчет о своей деятельности, в котором писал, что «не щадил ни трудов, ни усердия, чтобы поставить как университет, так и прочие учебные заведения столицы в такое положение, в котором они бы приносили действительную пользу». При этом Петербургский университет, «который до того носил только имя оно, в течение сих лет [1821 – 1824 гг. – Е.А.] получил приличное ему устройство»⁴⁸⁹.

Но директор департамента Министерства народного просвещения Д.И. Языков и директор канцелярии министерства П.А. Ширинский-Шихматов этот отчет раскритиковали. Они не видели никаких позитивных изменений за все время управления Руничем учебным округом и считали «разбор» студентов «необоснованным». Впоследствии Шишков сделал доклад Николаю I об общем смягчении участи пострадавших в 1822 г. и назвал этот «разбор» «слишком поспешным и недостаточно основательным»⁴⁹⁰.

Бывшие студенты подали министру прошения о возвращении чинов. Сначала Рунич выступил против, но потом, вследствие высокого положения их покровителей, был вынужден согласиться с ними. При Шишкове почти все требования после необходимой проверки были удовлетворены, в частности – по решению Комитета министров возвращены чины 9-го класса. Министр считал необоснованным утверждение Рунича о том, что «познания большей части студентов столь ограничены и ничтожны, что самое малое только число из них может быть употреблено в учебных заведениях с пользою»⁴⁹¹.

В целом результаты введения новой системы комплектования университета учащимися и итоги реформирования Благородного пансиона были признаны неудовлетворительными. Шишков 3 апреля 1826 г. приказал передать отчет Рунича на рассмотрение в хозяйственный комитет Главного правления училищ «для соображения по части строительной», так как вскоре были обнаружены ошибки в отчетности попечителя при постройке зданий университета⁴⁹². По словам министра, отчеты строительного комитета были запутаны, в них имелись «неполнота, сбивчивость, противоречивость и несообразности». Хозяйственный комитет по-

⁴⁸⁸ См.: Минаков А.Ю. Указ. соч. С. 272.

⁴⁸⁹ СПб. университет. С. 381.

⁴⁹⁰ Мнение товарища министра народного просвещения от 2 октября 1827 г. по прошению некоторых студентов Санкт-Петербургского университета о возвращении им прав, коих они лишены были в 1822 г. // Там же. С. 336 – 337.

⁴⁹¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 276. Л. 141 об.

⁴⁹² ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 4. Д. 23. 147 лл.; Д. 24. 67 лл.; Д. 25. 4 лл.

становил наложить запрет на имение Рунича и двух членов строительного комитета Крапцова и Ганенфельда; архитекторам следовало составить отчеты, планы и сметы зданий, Строительному комитету – дать отчет о каждой постройке.

Результаты расследования говорили сами за себя: была построена лишь одна треть зданий, дома уездных и губернских училищ разрушались, так как сумма, предназначенная на их ремонт, пошла на перестройку университета. Из-за удаленности друг от друга профессоров и ректора, оставшихся на Васильевском острове, а также классов университета, которые были перемещены из Коллегий в дом напротив Семеновских казарм, произошло «расстройство учебной части».

Правление университета выступило против действий Рунича. Это означало, что он лишился уважения своих подчиненных. Правление высказало протест против «незаконных действий исполняющего должность попечителя», которые привели к расстройству хозяйственной части университета и дефициту экономических сумм в 1826 г.⁴⁹³ Рунич в течение трех лет незаконно требовал от правления отпускать прибавку на канцелярию университета и попечителя, разрешенную Голицыным в 1822 г., из остаточной суммы канцелярии, так как в начале 1823 г. она вошла в 1300000 рублей, предназначенных для строительства. Он противоправно расходовал экономические суммы университета, выплачивая жалование и размещая в университетском здании людей, не принадлежавших к университету⁴⁹⁴.

Попечитель в «беспорядках и расстройстве в здешнем университете» обвинял ректора, Совет, правление университета и Училищный комитет, которые действовали «самовольно и необузданно», придерживаясь «открытой системы противодействия начальству»⁴⁹⁵. По его словам, они своими «происками и составлением бумаг совершенно противозаконных, а часто даже нелепых» пытались очернить Рунича: уклонялись от доставления еженедельных донесений о состоянии университета и ежемесячных табелей о ходе учения в нем⁴⁹⁶. Поэтому он считал, что ректор, совет, правление университета и училищный комитет, прикрываясь «мнимым только исполнением устава Московского университета», действовали наперекор начальству, нарушали высочайше утвержденные постановления, перетолковывали и искажали их содержание и смысл, «тем производили в умах запутанность, беспорядки и упущения», которые хотели ему приписать⁴⁹⁷.

25 июня 1826 г. Рунич был уволен от должностей попечителя Петербургского учебного округа и члена Главного правления училищ по обвинению в растрате казенных денег, допущенную при строительстве нового здания для университета.

Напомним, что все мероприятия Рунича диктовались правительственной политикой и были одобрены Главным правлением училищ, благодаря чему он сумел усилить собственные полномочия, объединив правление университета и округа под председательством Кавелина и применив «Инструкцию ректору и директору Казанского Университета». В этот период внимание правительства

⁴⁹³ Там же. Д. 23. 147 лл.; Д. 24. 67 лл.

⁴⁹⁴ Там же. Д. 26. Л. 1.

⁴⁹⁵ Там же. Оп. 1. Д. 43. Л. 15 – 15 об.

⁴⁹⁶ Там же. Оп. 3. Д. 43. 145 лл.

⁴⁹⁷ Там же. Д. 75. 14 лл.

было обращено на проблемы обучения и воспитания, в первую очередь, религиозные. Система народного образования, созданная либералами-реформаторами в первой половине царствования Александра I, правительственный либерализм и «слепое доверие» к просветительским идеям XVIII в. стали восприниматься как источник политических потрясений и религиозных смут. Особое значение приобрел мистицизм, произошло усиление влияния религии на все стороны культурного процесса. В процессе формирования новой идеологии в области просвещения на первый план вышли сторонники религиозного консерватизма⁴⁹⁸. М.Л. Магницкий и Д.П. Рунич явились проводниками новой политики в сфере университетского образования.

Следует отметить, что «преобразования» Рунича по своим исходным мотивам существенно отличались от действий в Казанском университете Магницкого. Последний, как представитель православно-самодержавного консерватизма, считал православие залогом самобытности России, ее главной духовной ценностью и основой государственной идеологии, выступая против экуменических течений и масонства. Магницкий задался целью пересоздать русские университеты и всю систему общественного воспитания в России в консервативном духе на основе, прежде всего, православия⁴⁹⁹. Руководствуясь своими националистическими симпатиями и антипатиями, он преследовал в университете так называемую «немецкую партию» и осуществил чистку профессуры (уволнил 11 профессоров из 25). Полагая, что в основе обучения наукам «должен быть один дух Святого Евангелия», Магницкий придавал ярко выраженную религиозную направленность преподаванию всех дисциплин, соответственно изменив учебные планы, и ввел по образцу монастырских уставов строжайший внутренний режим⁵⁰⁰. Рунич же пытался реализовать свою масонскую педагогическую утопию. Этот тезис мы и раскроем ниже.

§ 4. Педагогическая утопия Д.П. Рунича

Свои взгляды на процесс обучения Рунич изложил в статьях «Об образовании юношества», «О народном обучении в России», в планах военно-учебного заведения и института для образования благородного юношества⁵⁰¹. Ими он руководствовался в своей деятельности в начале 20-х гг. XIX в., пытаясь реализовать масонскую педагогическую утопию, заключающуюся в религиозно-«моральном» воспитании с упором на христианство и масонство, и двухступенчатой системе национального образования.

⁴⁹⁸ Гросул В.Я., Итенберг Г.С., Твардовская В.А. Шацилло К.Ф., Эймонтова Р.Г. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М. 2000. С. 79.

⁴⁹⁹ См.: Минаков А.Ю. М.Л. Магницкий: к вопросу о биографии и мировоззрении предтечи русских консерваторов XIX века // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее. Воронеж. 2001. Вып. 1. С. 58 – 91.

⁵⁰⁰ Его же. М.Л. Магницкий и его роль в борьбе «православной оппозиции» с Библиейским обществом // Церковь и ее деятели в истории России. Воронеж. 2001. Вып. 2. С. 140 – 144.

⁵⁰¹ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 103. 49 лл.; РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 6. 40 лл.; ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 3. Д. 93 4 лл.; Оп. 1. Д. 95. 28 лл..

Рунич исходил из того, что светское, или его словами «публичное», образование «не связывало ни семейств, ни общества» и «приводило к неверию и вольнодумству». Выход из сложившейся ситуации он видел в воспитании религиозности и нравственности, которое должно предшествовать обучению наукам. Рунич рассуждал: религия помогает людям сохранить человеческое лицо и цивилизацию, ибо ум и воля, освобожденные от догматов церкви, приводят только к революциям и развращению нравов. Только религиозный человек, по его убеждению, может быть «нравственным», «законопослушным» и «добродетельным»⁵⁰². Напротив, невнимание к воспитанию нравственности приводит к свободе выбора, вольнодумству и неверию. Поэтому истинно полезное образование, считал Рунич, сосредоточилось в духовных академиях и семинариях: «В одних православных академиях и училищах, блюдящий ум обуздан догматом и преданием»⁵⁰³.

Светское образование, по его словам, превратилось в источник ересей и вольнодумства из-за того, что потеряло национальный православный дух. Рунич отмечал, что при Екатерине II и Павле I преподаватели в светских учебных заведениях и гувернеры в домах дворян и высшего боярского сословия были выходцами из Франции, Германии или Швейцарии. Дети в результате вырастали в большей степени «французами», нежели русскими. Французские и швейцарские гувернеры, по его мнению, превращались в друзей дома и держали себя так, «словно они находились среди дикарей»⁵⁰⁴, которые должны почитать за счастье, что они живут у них и могут их научить, как стать людьми. Эти господа, возмущался Рунич, насмехались над русскими обычаями, религией, над «варварством» России, внушали эти чувства своим воспитанникам и учили их считать, что все русское стоит гораздо ниже французского. Постепенно французские книги стали заглушать русскую словесность и вместе со светским иностранным образованием привели к нивелированию русской культуры, развращению нравов и развитию европейского вольнодумства в России. Рунич отмечал, что распространению вольнодумства в царствование Екатерины II препятствовало образование известным масоном Н.И. Новиковым и профессором Московского университета И.Г. Шварцем в 1781 г. «Дружеское общество». Его целью было распространение культуры в народе, а в состав этого общества, по сведениям Рунича, вошли «многие известнейшие лица высшего круга дворянского и купеческого сословия»⁵⁰⁵. Издаваемые им в переводах духовно-нравственные книги способствовали утверждению религиозно-нравственных понятий в русском обществе.

⁵⁰² Рунич Д.П. Из записок Д.П. Рунича // РО. 1890. № 9. С. 220.

⁵⁰³ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 6. Л. 30 об.

⁵⁰⁴ Рунич Д.П. Из записок Д.П. Рунича // РС. 1901. № 1. С. 52.

⁵⁰⁵ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 6. Л. 38 об. Общество руководило изданием мистических и масонских книг, готовило читателей к восприятию мистических произведений посредством чтения лекций: в Москве – И.Г. Шварц, в Орле З.Я. Карнеев. Указ 1876 г. запретил печатать в светских типографиях книги «до святости касающиеся», указ 1787 г. о запрете распространения ранее изданных книг приостановил деятельность типографии общества. См.: Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. СПб. 1999. С. 175 – 177.

При Александре I, писал Рунич, «народное обучение явилось под личной просвещения». Было основано несколько новых университетов, главный недостаток которых заключался в том, что все они были «списаны» с немецких университетов. Преподавательский состав состоял в основном из иностранцев, через которых в Россию «потекли струи европейского просвещения и вольнодумства»: «самые уродливые системы философствования и естественного права; эстетика, политическая экономия, история древняя и новая, наука финансов»⁵⁰⁶. Созданное Александром I Министерство духовных дел и народного просвещения, соединившее образование и религию, Рунич называл мерой «весьма мудрой», но не до конца продуманной. Министерство объединило управление православных, «раскольнических» и «иноземных» церквей, что считалось «чудовищностью», оскорбительной для достоинства господствующей церкви и духовенства. Во главе него стоял А.Н. Голицын, который был полон самых лучших намерений, но он, по мнению Рунича, не был искренним в своих убеждениях. Духовенство и преподавательский состав почувствовали его настроение, усвоили внешние формы благочестия, но по-прежнему в учебных заведениях «царила распущенность нравов»⁵⁰⁷.

Таким образом, Рунич делал вывод, что в России общественное воспитание и образование строились на принципах, чуждых нравам, форме правления и религии страны. В русских университетах, лицеях, высших заведениях и частных домах преподавались «пагубные теории» современной философии, которые отвергали нравственные принципы, Божественное право и «монархический принцип». Он полагал, что нельзя экспериментировать на людях: «Люди не спаржа, а народное просвещение не теплица, но оно бывает опасной миной, которая может взорвать на воздух целое здание»⁵⁰⁸. Коренные свойства русского народа – покорность религии, самодержавию и закону, поэтому воспитание и образование должны быть «отеческими и чисто евангельскими»⁵⁰⁹ и строиться «на чистых началах веры и самодержавия»⁵¹⁰. По его мнению, «религия должна была освящать и направлять образование»⁵¹¹: только Евангелие и христианская вера (православие) могли привести Россию к просвещению, а не европейские университеты и протестантизм, которые превратились в источник вольнодумства и развращения нравов. Поэтому в России нельзя отделять религию и народное образование: как только в дела церкви вмешивается философия или политика, доказывал Рунич, она теряет всю власть над душой; как только образование отделяется от веры, оно оказывается пагубным для нравов и для общества. Более того, народное воспитание и образование должны быть одной из главных обязанностей правителей, так как только они могут направлять человеческие разум и волю в правильном направлении.

⁵⁰⁶ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 6. Л. 28.

⁵⁰⁷ СПб. университет. С. 394.

⁵⁰⁸ Рунич Д.П. Из записок Д.П. Рунича // РС. 1901. № 3. С. 626.

⁵⁰⁹ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 7. Л. 5 об.

⁵¹⁰ Там же. Д. 6. Л. 17 об.– 18.

⁵¹¹ Рунич Д.П. Из записок Д.П. Рунича // РС. 1901. № 3. С. 628.

Он считал, что существует три начала: воля, разум и телесные побуждения, которые по-разному развиты в людях⁵¹². Телесные побуждения сближают человека с животными. Воля определяет характер и действия человека, от воли зависит, будет человек злым или добрым, что может измениться в течение жизни. Разум позволяет человеку постигнуть свою сверхъестественную сущность – познать Божественное и вечное бытие своего существа. Эти природные свойства, по мнению Рунича, неизменны, их невозможно исправить «наружными мерами», они не формируются в человеке самостоятельно, их развитию способствуют образование, науки, чтение и опыт жизни. Свобода разума и воли приводят к вольнодумству и революциям: «ум и воля, освобожденные от безусловного повиновения догматам и действий по оному, горячи и принимают и распространяют новизну, воцаряющую независимость; чему все революции и религиозные и гражданские освободители и памятники!»⁵¹³. Поэтому главное в формировании человека, по его словам, воспитание и обучение, их основа – вера и убеждение.

Убеждение помогает стать человеку тем, кем он хочет, и принять те решения, которые он сам изберет. Рунич полагал, что только пример и убеждение могут действовать на волю и разум человека, так как человеческие законы действуют только на тела. Он объяснял это наличием в человеческой природе многих звериных свойств. В то же время человек одарен волей, которая не повинует инстинкту, поэтому если бы он не встречал среди людей способных подавить в себе звериные чувства, то жил бы подобно тигру или шакалу⁵¹⁴. По мысли Рунича, вера необходима человеку для того, чтобы познать что-нибудь, во все ему не известное, или чему надо учиться. Если человек верит в Бога, в то, что невидимо и непостижимо, то он может поверить и в другие, пока неизвестные истины. Кроме того, вера невозможна без убеждения: «Вера без убеждения есть леность ума; такая вера никакой деятельности и силы произвести не может»⁵¹⁵. Вера всемогуща только в том случае, если основана на уверенности в действительности чего-либо.

Воспитание, утверждал Рунич, должно начинаться в семье, поскольку «воспитание и примеры родителей действуют живее»⁵¹⁶. Оно должно быть, во-первых, «моральным», дабы обуздать два коренных свойства, на основе которых действует человек, – волю и разум; во-вторых, – религиозным. Именно в семье ребенок должен познакомиться с «непостижимыми уму человеческими понятиями»: о конечности материальной жизни, вечности жизни после смерти и необходимости противодействия Дьяволу, похоти плоти, порокам и страстям материального мира, чтобы обрести место на небе, в вечной жизни. Религиозное семейное и «моральное» воспитание направляют волю и разум ребенка и развивают его душевные качества. Рунич был уверен, что при первоначальном обучении детей прежде всего надо преподавать Закон Божий, сосредоточенный

⁵¹² РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 8. Л. 12.

⁵¹³ Там же. Д. 6. Л. 31.

⁵¹⁴ Рунич Д.П. Из записок Д.П. Рунича // РС. 1901. № 2. С. 331.

⁵¹⁵ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 8. Л. 13.

⁵¹⁶ Рунич Д.П. Источники масонства или Свободного Каменщичества // Титов А. Автобиографические записки Д.П. Рунича. Ярославль. 1909. С. 10.

в Катехизисах всех христианских исповеданий. Это своеобразный свод правил, «кратко и положительно изложенных»⁵¹⁷, которые надо просто заучить, так как они еще не доступны для детского понимания.

В юношеские годы, продолжал Рунич, чтобы познать духовный мир и духовную жизнь, человеку будет необходимо изучить Откровение и понять внутренний смысл церковных обрядов. В этом ему должно помочь масонство, которое дает понимание обрядов и публичных богослужений и ведет к истинному пониманию христианства и «соединению с Богом». Более того, воспитание в масонской ложе должно создать определенный «моральный характер» юноши, который заключается в том, «чтобы они [люди – Е.А.] признали себя ниже наставника, и тогда наставление произведет действие»⁵¹⁸. Главное в масонстве, по словам Рунича, авторитет наставника, безусловная вера в его правоту и беспрекословное подчинение ему, причем наличие наставника – необходимое условие, ибо «уму и воле нужно руководство и наставление». Поэтому именно масонство поможет в воспитании юношества: укротит волю и ум и будет препятствовать развитию воображения и страстей, а покорная вера и смиренный ум приближают человека к пониманию Божественных тайн и Откровения; желания и страсти, наоборот, влекут к материальному и временному. В этот период, считал Рунич, важно изучить Откровение и апостольские послания, содержащие портреты «естественного и сверхъестественного» человека. В то же время, человеческая философия и история, основанные на понятиях и образе жизни язычников, вредят постижению Божьих истин.

Рунич называл масонство «школой общественного благосостояния»⁵¹⁹ и утверждал, что если воспитание будет руководствоваться правилами масонства как настоящей школы добродетели и нравственности, то поколение, выросшее под его эгидой, будет высоконравственным, добродетельным и послушным голосу совести.

Рунич не одобрял существовавшую в начале XIX в. систему образования. Он находил домашнее обучение, когда детей от 10 до 17 лет учили латинскому, немецкому, французскому языкам, закону Божьему по краткому Катехизису, мифологии, древней и русской истории, географии, неэффективным. Полученные знания, утверждал Рунич, быстро забывались. Кроме того, дети неважно говорили и с трудом писали по-русски, плохо зная русскую грамоту. По его мнению, бесполезно заставлять детей учить большое количество предметов, так как все, что заучено в школе, через 10 лет забывается: «энциклопедическая начинка голов в нынешних университетах, специальных школах и гимназиях, ведет к одной только запутанности мышления и гомеопатическому ведению предметов, исчисляемых в программах!»⁵²⁰. Поэтому первое обучение, до двадцатилетнего возраста, по убеждению Рунича, может быть «одним только приготовлением к изучению», временем, в которое делается запас материалов к дальнейшему строению.

⁵¹⁷ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 8. Л. 10.

⁵¹⁸ Рунич Д.П. Источники масонства. С. 14.

⁵¹⁹ Его же. Из записок Д.П. Рунича // РС. 1901. № 4. С. 161.

⁵²⁰ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 6. Л. 34 об.

Первоначальное образование, по его замыслу, должно состоять из изучения древних языков, арифметики и начал геометрии. Он думал, что в юности люди способны овладеть только иностранными языками, позднее, когда произойдет совершенствование мышления, разум победит воображение и чувства, они смогут изучать науки. Эта первая ступень образования готовила к поступлению в университет, главной целью которого должно быть развитие любознательности и стремления учащегося к самообучению и самосовершенствованию: «обучение и образование должно иметь целью ее [способности мыслить. – Е.А.] развитие или пособлять ей развиться до возможности»⁵²¹. Он объяснял это следующим образом: профессора прекрасно знают свой предмет только потому, что, окончив классический курс в университете, они ежедневно, в продолжение многих лет, беспрестанно читают лекции и книги, следят за наукой, то есть самостоятельно совершенствуют свои знания.

В университете в полной мере должно было развиваться мышление учащихся, когда они были способны обсуждать философию, историю и другие «положительные» науки. Рунич считал науки нужными и полезными, поскольку «Без них ум человеческий развиваться не может!»⁵²², но не все научные дисциплины он признавал «положительными», т.е. полезными для изучения и развития. Естественные науки, такие как математика, физика, механика, астрономия, химия, медицина, география, геогнозия, статистика, по его мнению, приносят пользу и необходимы для народного просвещения. «Бредни философии и новой науки: политической экономии» напротив, по словам Рунича, «запутывают рассудки и поражают в обществах больших и малых пагубные перевороты!»⁵²³. Он был противником философии, которую называл «антихристианством», так как она стремилась все проверить, доказать, объяснить, но «евангелие не теория, не система – а жизнь!»⁵²⁴. В целом Рунич не отвергал «теории прав, политические и исторические системы», но считал, что они «могут подлежать исследованию в глубокой учености и многолетней опытности; но отнюдь не должны входить в университетские и школьные преподавания». Он объяснял это тем, что источник ереси и вольнодумства – преподавание и толкование: «Так толкуются вольнодумцами и история, и римское право, и эстетика, и политическая экономия, и все науки, как скоро уму дается свобода мечтать»⁵²⁵.

Люди, по словам Рунича, могут исказить смысл любой науки. Поэтому преподавание истории – «пропаганда вольнодумства и неверия», так как исторические события каждый историк описывает по-своему, руководствуясь своими выгодами и интересами своего общества.

Звание наставника Рунич считал самым важным званием в обществе, поскольку наставник направляет развитие человеческих способностей. Поэтому для него было очень важно, чтобы преподавали благонадежные люди в соответствии с определенной системой обучения.

⁵²¹ Там же. Л. 35 об.

⁵²² Там же. Л. 39 об.

⁵²³ Там же. Д. 7. Л. 11 об.

⁵²⁴ Рунич Д.П. Источники масонства. С. 10.

⁵²⁵ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 6. Л. 30 об.

Рунич предлагал собственное учение, которое должно было быть положено в основу воспитания и образования молодежи: только «правильно организованное образование» могло воспитать «совершенных» людей и, таким образом, новое поколение было бы избавлено от «испорченности» старого. Цель таких воспитания и образования – формирование истинного христианина (обладающего силой духа – верой, стремлением к спасению и возрождению, а не просто соблюдающего церковные обряды) и развитие «сверхъестественного человека»⁵²⁶ (располагающего совокупностью знаний при «определенной зрелости ума» и способного познать «вечность»). По мнению Рунича, такое благотворное обучение, во-первых, должно было базироваться на религии, под которой он понимал своеобразный симбиоз масонства («внутренней церкви») и христианства («наружной религии» – православной церкви).

Приоритетом системы образования должно было стать воспитание религиозности и нравственности, и только на втором месте стояла передача знаний. Только человек с развитым религиозным чувством мог быть «нравственным», «законопослушным» и «добродетельным»⁵²⁷.

Кроме того, Рунич считал, что воспитание и образование должны быть национальными. Поэтому благом для русского православного общества было ограничение «чужеземного» (можно даже сказать, антинационального) влияния и распространения европейских просветительских идей, противоречащих духу христианства. Поэтому нужно было изолировать юношество от веяний из европейских стран, прежде всего идущих из гуманитарных наук, и удалить преподавателей-иностранцев, которые «насмехались» над русскими обычаями, религией и внушали эти чувства своим воспитанникам. Следует подчеркнуть, что он был против не конкретных преподавателей, а против самого принципа устройства учебной программы на основаниях, не имеющих отношения к России.

В конечном итоге, согласно Руничу, воспитание должно быть религиозным и «моральным» и состоять из детского воспитания в семье и юношеского в масонской ложе. Цель первого – познакомить с основными христианскими понятиями и «обуздать» два коренных человеческих свойства, волю и разум, второго – помочь в создании определенного «морального характера» человека и истинного понимания христианства.

Образование, по замыслу Рунича, следовало разбить на две ступени. На первой ступени (от 10 до 17 лет) должны были изучаться арифметика, начала геометрии и древние языки. Она готовила к поступлению в университет, где в полной мере развивалось мышление учащихся, способных обсуждать философию, историю и другие «положительные» науки.

Воспитанник Н.И. Новикова и И.В. Лопухина, принадлежавших к либеральному крылу русских розенкрейцеров, масон ложи «Умирающий сфинкс» А.Ф. Лабзина, которому были присущи некоторые элементы консервативного мировоззрения, Рунич в своих взглядах на образование соединил представления масонов-дибералов и консерваторов, придав им националистический оттенок.

Все действия Рунича в Петербургском университете были направлены на осуществление его собственной «утопии». Суд над профессорами ему был необходим как показательная мера против «зла», которое он видел в распространении европейских просветительских идей, противоречащих «духу христианства», в преподавании рационалистической философии, «теории прав, политических и исторических систем», требующих для понимания «многолетней опытности» и «глубокой учености», и в преподавателях-иностранцах, распространявших эти идеи и науки. «Разбор» казеннокоштных студентов университета по способностям и «нравственности» он мотивировал «поверхностными знаниями» и «дурной нравственностью» студентов, чтобы обратить внимание на нравственное образование будущих преподавателей. Для улучшения подготовки русских наставников и воспитателей была изменена система комплектования учащимися университета и разрабатывались меры усовершенствования обучения в Санкт-Петербургской Губернской гимназии, готовившей к поступлению в университет и учителей низших учебных заведений.

В целом педагогические воззрения Рунича были тесно связаны с его религиозными, историческими и общественными взглядами, которые он изложил уже после отстранения от службы. В какой-то мере он предвосхитил уваровскую триаду, представив свой масонско-националистический вариант консервативной формулы государственного и общественно-политического устройства России: «вера», «единодержавие» и «национальный дух». В таком ключе воспринималась им и школа, которая должна была воспитывать, прежде всего, нравственность и религиозность с помощью масонства («внутренней церкви») и христианства («наружной религии» – православной церкви) и только потом давать «полезные» знания. Школа, по мнению Рунича, должна быть национальной, в ней могут преподавать только русские учителя и только предметы, не противоречащие «духу христианства» и «монархическому принципу».

⁵²⁶ Там же. Д. 8. Л. 11.

⁵²⁷ Рунич Д.П. Из записок Д.П. Рунича // Русское Обозрение. 1890. № 9. С. 220.

Рунич изложил свои взгляды уже после отстранения от службы, но его мировоззрение сформировалось в первой четверти XIX в., т.е. в царствование Александра I. В его представлениях о религии, государстве, обществе и истории отразились основные тенденции развития масонства, явления неоднородного и весьма противоречивого, приобретшего в этот период консервативную окраску. Часть масонов Александровской эпохи, принявших наследие екатерининского масонства, в первой четверти XIX в. эволюционировала от умеренного консерватизма А.Ф. Лабзина до «ультраконсерватизма» О.А. Поздеева и П.И. Голенищева-Кутузова⁵²⁸. Во взглядах Рунича соединились представления масонов и находившихся вне масонства консерваторов. При этом его воззрения приобрели националистический оттенок.

Он выступал за сохранение и защиту ценностей, традиций, общественных отношений и был против конституции, представительного правления и демократии. Рунич называл демократию нелепым порядком вещей, когда народ – единственный источник верховной власти, отвергает Божественное право и утверждает, что монарх должен царствовать, а не управлять. Он считал, что конституция, представительное правление и демократия не могут быть допущены в чисто монархической стране (России): «Русский народ еще не вышел из детства. С ним еще нельзя говорить о свободе»⁵²⁹.

Самодержавную монархию Рунич признавал идеальной системой государственного устройства и трактовал ее как единовластие Богом избранного главы государства, законное преемственное престолонаследие и законодательство, данное Богом и сосредоточенное в руках правителя. В то же время он высказывался против самовластия и своеволия правителей: самодержавие не должно превращаться в самовластие, которое, по его словам, присваивает людям права, не принадлежащие им по природе, путает правительственный ход дел, изменяя коренные государственные уставы. Более того, следуя идее сильной государственной власти, Рунич полагал, что сама власть должна быть твердой. Сохранение общественной иерархии и подчинение установленному Божественным провидением порядку вещей, по его мнению, есть дело самое нормальное и правильное, ибо нельзя нарушать «естественное разделение в обществе».

Рунич был против народных восстаний и политических переворотов, так как они противоречат Божественной воле, идут наперекор ей. По его словам, революция – это последствие деморализации и разврата целого народа; причинами революции он считал неверие, вольнодумство и падение нравов. Выход из

⁵²⁸ Минаков А.Ю. К постановке вопроса о типологии раннего русского консерватизма // КЛИО. 2003. № 3. С. 26 – 31; Его же. Опыт типологии течений в русском консерватизме первой четверти XIX в. // Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления. Воронеж. 2004. С. 267 – 280.

⁵²⁹ Рунич Д.П. Из записок Д.П. Рунича // РС. 1901. № 3. С. 626.

тупика общественного развития Рунич видел в реформах, которые воспринимал как вынужденное средство для сохранения спокойствия и порядка.

Национальный вопрос он рассматривал на основе идеи самостоятельности исторического пути России, который отличался от европейского. Рунич объяснял это наличием у каждого народа «национального духа» или национальности, которые зависят от климата и от воспитания. По его мнению, коренными свойствами русского народа являются покорность религии, самодержавию и закону, а также «патриархальный дух»⁵³⁰, заключающийся в беспрекословном повиновении власти и в семейном укладе. В то же время масонское учение, в силу космополитического характера братства, отрицало национализм и признавало войну последним средством разрешения конфликтов. Рунич также считал, что война суть бедствие, однако каждое государство обладает правом на суверенитет и свободу выбора национального пути развития и может защищать эти права военным путем⁵³¹.

Рунич полагал, что церковь должна являться опорой власти, единой, авторитетной и национальной (для России – это церковь православная), а духовенство – быть образцовым и уважаемым. Главная функция обрядовой церкви, которую он согласно масонской традиции называл «наружной религией» – поддержание в массах народа «безусловной покорности воле невидимого Божества и внутреннему гласу совести»⁵³², общественных связей и порядка. В остальном Рунич придерживался масонской идеи «внутренней церкви», когда самое главное для истинного христианина есть сила духа – вера, стремление к спасению и возрождению. Всему этому учили в масонских ложах, «открытых приуготовительных училищах для всех христиан»⁵³³. Таким образом, церковь выступала для Рунича симбиозом «наружной религии» (опоры государственной власти) и «внутренней церкви» (масонского ордена – истинной церкви).

Необходимо отметить, что все мировоззрение Рунича было подчинено его религиозным взглядам, в основе которых лежала теория «Божественного права» и «истинного христианства». Сам он причислял себя к «православному масонству»⁵³⁴ и верил, что вместе с масонством православная церковь приведет Россию к истинному христианству и возрождению.

§ 1. Литературная деятельность Д.П. Рунича после отставки от государственной службы

25 июня 1826 г. Рунич был уволен от должностей попечителя Петербургского учебного округа и члена Главного правления училищ по обвинению в растрате казенных денег. Интересно, что подобное обвинение в 1824 г. было предъявлено и младшему брату Д.П. Рунича – коллежскому советнику Арка-

⁵³⁰ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 7. Л. 3.

⁵³¹ Рунич Д.П. Из записок Д.П. Рунича // РС. 1901. № 1. С. 76.

⁵³² РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 7. Л. 8.

⁵³³ Там же. Л. 38 об.

⁵³⁴ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 71. Л. 12.

дию Павловичу Руничу, одному из подсудимых по делу А.Л. Витберга «о растратах и передаче во вред казны»⁵³⁵. Причиной судебного разбирательства над Витбергом был его конфликт с членами строительной комиссии, отвечавшей за строительство храма Христа Спасителя в Москве по его проекту. Советником этой комиссии с 16 октября 1821 г. был А.П. Рунич, который, по выражению Витберга, выступал его «открытым противником», и «тайно действовал» против него в «числе прочих подкупленных»⁵³⁶. А.П. Рунич четыре года содержался в тюрьме, в 1828 г. на его имение, как и на имения других членов комиссии, был наложен секвестр. В 1835 г., он был признан виновным.

С постройкой храма Христа Спасителя была связана и судьба фамильного имения Руничей. Витбергу было поручено подыскать вблизи Москвы и по другим губерниям имения, чтобы, купив их по низким ценам, поставлять из них на нужды строящегося храма материалы и рабочих. В комиссию предложил свое имение и тайный советник П.С. Рунич. По рескрипту 29 октября 1821 г. имение покупалось «в уважение бедственного состояния тайной советницы Варвары Рунич, обремененной многодетным семейством». В.И. Рунич отправляла прошение на имя А.Н. Голицына, несколько раз обращался к нему Витберг, дело тянулось долго, так как крестьяне не хотели идти в ведомство Комиссии; кроме того, средств на покупку не хватало. В результате Рунич была освобождена от прежних обязательств, и покупка имения стала «собственной милостью Государя»⁵³⁷. В 1825 г. Голицын помог ей с получением пенсии, так как 24 февраля 1825 г. умер ее муж П.С. Рунич, оставив жену с двумя незамужними дочерьми «без всякого имущества»⁵³⁸. С помощью Голицына В.И. Рунич вопреки Положению Комитета министров от 1 августа 1816 г. выделили пенсию в три тысячи рублей в год. Такого рода выплаты выделялись «вдовам, чьи мужья умерли на службе»⁵³⁹.

Однако «благодетельное расположение» Голицына к семейству Рунич проявлялось и раньше. Так, в 1823 г. Д.П. Рунич, потративший 70-тысячный капитал своей жены на обзаведение хозяйством и воспитание детей, обращался к нему за помощью, описывая «расстройство лица и семейства»⁵⁴⁰.

После увольнения от службы Рунич находился в «самом стесненном положении».

4 сентября 1825 г. он получил отказ императора на просьбу о продлении «пожалованного в аренду имения»⁵⁴¹. В течение 10 лет продолжался суд в Сенате, в итоге, писал Рунич, «я как действительный преступник подведен под милостивый манифест... – а сверх того подвержен взысканию до 90 тысяч руб-

⁵³⁵ Витберг А.А. Записки академика Витберга // Русская старина (Далее: РС). 1872. № 2. С. 268 – 271.

⁵³⁶ Корнилова А.В. Д.Я. Чарушин – питомец А.Л. Витберга // Панорама искусств. Вып. 9. М. 1986. С. 74 – 98.

⁵³⁷ РГИА. Ф. 797. Оп. 2 Д. 9756. Л. 12 – 13.

⁵³⁸ Там же. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 418. Л. 424 – 425; ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 4. Д. 6. 1825. 6 лл.

⁵³⁹ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 416. Л. 807 – 808.

⁵⁴⁰ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 2. Д. 542. Л. 24 – 29.

⁵⁴¹ РГАЛИ. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

лей с воспрещением вступать в службу и участвовать в дворянских выборах...»⁵⁴². На его собственность был наложен запрет.

По манифесту 16 апреля 1841 г. с Рунича были сложены казенные взыскания по Департаменту народного просвещения в силу его «несостоятельности». По словам Рунича, его положение в Санкт-Петербурге было «несравнительно стесненнее тюремного заключения». «Домашние» стали его врагами «под тяжким крестом семейного раздора». Его жене Е.И. Рунич отдельно от мужа с 1838 г. выдавалось ежегодное пособие (пенсия) 2000 рублей особой канцелярией кабинета Е.И.В. Денежными выдачами, которые производились «из единого монаршего милосердия» лицам, не имеющим никакого права на пособие от правительства, заведовал А.Н. Голицын⁵⁴³. К нему же, «единственному благодетелю», в 1841 г. обратился Д.П. Рунич с просьбой о пожаловании ему ежегодного пособия «отдельно от всего семейства»⁵⁴⁴, чтобы на остаток дней отправиться на лечение в Вену. Бывшему попечителю было пожаловано «негласным образом» лично (отдельно от пособий жены) по 1000 рублей в год, денег на отъезд за границу – «на дорогу и подъем», он не получил. Поэтому Рунич остался в Петербурге и продолжил заниматься литературной деятельностью.

Одной из основных тем его творчества была религия. В 1830 г. в Париже на французском языке была опубликована «Хронологическая история Нового Завета» Рунича, изданная в Петербурге через семь лет. В этой книге, основанной на тексте Евангелия, в хронологическом порядке рассматривались жизнь и учение Иисуса Христа. Газета «Северная пчела» характеризовала ее как «усладительную и спасительную духовную трапезу»⁵⁴⁵.

Данную тему Рунич продолжил в произведении 1833 г. «Взгляд на состояние мира при рождении Иисуса Христа»⁵⁴⁶. Главными предметами сочинения, по его словам, были не только состояние мира при рождении Спасителя, но и основание всех христианских вероисповеданий, а также полное содержание Евангелия. Рунич дал обзор повествования в четырех Евангелиях и Деяниях апостольских, изложенных в историко-хронологическом порядке. Также он поместил в своем произведении списки ересей, властителей и писателей, церковных и светских, до и после рождения Христа.

В 1836 г. в статье «Нечто о вероисповеданиях»⁵⁴⁷ Рунич описал историю возникновения религий, согласно которой до рождения Иисуса существовало два вероисповедания – иудейское и языческое, а после его рождения имеется пять христианских (иерусалимская апостольская, греческая восточная, западная римская церкви, протестантизм и кальвинизм) и три нехристианских конфессии (иудаизм, язычество и ислам). Истинное христианское верование, по его словам, возникнет на основе всех восьми религий, разделяющих народы.

⁵⁴² ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 2. Д. 542. Л. 163 об.

⁵⁴³ РГИА. Ф. 472. Оп. 33. Д.37. Л. 11 – 13 об.; ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 4. Д. 8. 9лл.

⁵⁴⁴ РГИА. Ф. 468. Оп. 39. Д. 289. Л. 1.

⁵⁴⁵ РГБ. ОР. Ф. Полт. К. 45. Д. 26. Л. 4, 6.

⁵⁴⁶ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 48. 147 лл.

⁵⁴⁷ Там же. Д. 69. Л. 15 – 16 об.

В начале 40-х гг. Рунич занимался переводом книги Фомы Кемпийского «О подражании Иисусу Христу»⁵⁴⁸, которую называл «драгоценнейшим истолкованием божественных евангельских истин». Он считал, что «верующая душа и старина, и юноши, и матери и дочери, к какому бы они сословию ни принадлежали, поймут легко все, что хотел сказать автор; и почувствует, что слова его полны жизни, силы и истины!».

Сочинение «Misterium Magnum или Таинство Таинств» 1842 г.⁵⁴⁹ было посвящено «сотворению трех миров», существующих, по мысли автора, один в другом. Так, «видимый хаос», устроенный творцом земли, находится в середине (это временная жизнь человека на земле), вокруг него «ад – чистилище – мытарства» и над всем возвышается «божественная неделимая вечность – рай – царство небесное». В продолжение темы в 1853 г. он составил сборник под общим названием «Богословские вопросы», состоящий из трех статей: «О чистилище и мытарствах после смерти»⁵⁵⁰, «Misterium Magnum» и «Ряд вопросов богословского и философского характера». Одно из ключевых понятий сборника – представление о чистилище как «неограниченном за гробом». По мнению Рунича, человек в течение жизни проходит нравственное очищение, поэтому чистилище начинается не после смерти человека, а с его рождения и продолжается всю временную и вечную жизнь. Таким образом, в процессе земного существования люди должны подготовиться к возрождению в вечности. «Ход искупления во времени»⁵⁵¹, законченный в 1854 г., утверждал мысль о том, что к возрождению и спасению может привести человека только «живая вера» в Бога. Обрести ее помогают масонское учение («внутренняя» церковь) и обрядная религия.

В 1855 г. Рунич создал три произведения, посвященные Апокалипсису.

В одном из них, «О последних 45 годах XIXго столетия: от 1855 до 1900го года. Вступление»⁵⁵², он писал, что этот период не будет уже во власти философии и политики, которые «ошибались и потемняли» здравый смысл людей и их правителей. На смену им придут «законы вечные, правды и любви Божьей!».

В статье «1836 год в 1855 году. Часть I»⁵⁵³, написанной по поводу сочинения одного из его любимых писателей И.Г. Юнга-Штиллинга «Победная повесть», Рунич соглашался с автором, что человечество готовится к завершению своей истории. Признаками конца света он считал «упадок духа в людях и твердости, уныние, страх, печаль, новые болезни, равнодушие ко всему, кроме настоящего дня». Однако Рунич был против конкретных расчетов автора, который указывал на 1836 г. «как на начало событий апокалипсических откровений», и в отличие от Штиллинга истинным христианством называл православие, а не протестантизм.

Путь к спасению человечества во время второго пришествия Иисуса Христа Рунич видел в масонстве, историю возникновения и развития которого из-

ложил в третьей работе – «Источники масонства или свободного каменщичество»⁵⁵⁴. Автор был уверен, что лишь он один может «предать нынешнему русскому поколению правду о масонстве и начале его в России», так как у него сохранились «подлинные акты, и рукописи, и печатные книги, которые служат истинными источниками истории масонства и самого масонства»⁵⁵⁵. В своем изложении Рунич опирался на масонскую легенду, не подтвержденную историческими фактами. Получившая впоследствии название «Записка Д.П. Рунича о масонстве», она была впервые опубликована в журнале «Литературный вестник» в 1904 г., потом А.А. Титовым в «Автобиографических записках» Д.П. Рунича в 1909 г.⁵⁵⁶

В течение 1856 – 1858 г. Рунич стал автором целого сборника, состоящего из нескольких сочинений⁵⁵⁷. В одном из них, в статье «О восточном и западном исчислении времени по календарям»⁵⁵⁸, он охарактеризовал расхождение в летосчислении как следствие действия «неверия вольнодумства и свободомыслия». Они, по его словам, запутали истину по рождестве Христовом и после его вознесения: «Где есть разница, там уже есть сомнение: где сомнение – там несогласие: несогласие сие поддерживают и невежество, и гордость, и страсти!». В работе «Видимый мир»⁵⁵⁹ Рунич описывал временное бытие человека, который даже со скипетром в руках как ничтожный водяной пузырь «надувается ветром, чтобы лопнуть». В «Обзоре земного шара и человечества во второй половине XIX столетия»⁵⁶⁰ автор предсказывал, что «вторая половина XIX в. пополнит безумия человечества...», и борьба между «первыми державами» – Францией, Англией, Россией и Турцией, будет продолжаться до пришествия Иисуса Христа. «Взгляд на быт всего как есть»⁵⁶¹ был посвящен характеристике философских и религиозных понятий: «Бог», «архангельский мир», «Сатана», «духовность», «материальность», «Откровение». Сочинение «1858 год по рождестве Христовом»⁵⁶² содержало автобиографические сведения.

В том же 1858 г. были написаны статьи «О том, что было до сотворения земли»⁵⁶³ и «Что может произойти на земле в последнее время»⁵⁶⁴, в которых утверждалась мысль о том, что все создал Бог и грядет второе пришествие Иисуса Христа.

Кроме того, Рунич оставил большое количество черновых набросков и бумаг, посвященных масонству. Среди них были записи молитв и обрядов, выписки и переводы книг масонского содержания, несколько масонских схем,

⁵⁵⁴ ИРЛИ. РО Ф. 263. Оп. 1. Д. 69. Л. 2 – 11.

⁵⁵⁵ Титов А. Автобиографические записки Д.П. Рунича. Ярославль. 1909. С. 8.

⁵⁵⁶ Записка Д.П. Рунича о масонстве // Литературный вестник. 1904. Т. 8. С. 106 – 119; Титов А. Указ. соч. С. 8 – 14.

⁵⁵⁷ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 120. 24 л.

⁵⁵⁸ Там же. Л. 92 – 93.

⁵⁵⁹ Там же. Л. 1 – 7 об.

⁵⁶⁰ Там же. Л. 8 – 14.

⁵⁶¹ Там же. Л. 14 об. – 16 об.

⁵⁶² Там же. 17 об. – 21.

⁵⁶³ Там же. Л. 21 об. – 22 об.

⁵⁶⁴ Там же. Л. 23 – 24.

⁵⁴⁸ РГИА. Ф. 797. Оп. 12. Д. 29810. 3 лл.

⁵⁴⁹ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 69. Л. 126 – 134 об.

⁵⁵⁰ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 8. 17 лл.

⁵⁵¹ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 69. Л. 23.

⁵⁵² Там же. Д. 120. Л. 83 – 89.

⁵⁵³ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 9. 44 лл.

знаков и рисунков⁵⁶⁵ – как, например, документ, озаглавленный «Мир как он есть после падения ангелов и Адама; и искупления Г.Н. Иисуса Христа Сыном Божьим»⁵⁶⁶. Он представляет собой схему в виде круга, в центре которого находится земля, вокруг нее располагается ад, проникнув через который с помощью масонства можно попасть в рай к светящемуся треугольнику, то есть Богу.

Также Рунич интересовался связанными с алхимией, магией и каббалой исследованиями розенкрейцеров о процессе человеческого познания. Большое влияние на масонов оказала числовая мистика древних (числами его жрецы описывали тайные смыслы), содержащаяся в астральных религиях Вавилона и в учении пифагорейцев, у которых число олицетворяло принцип расчлененности и нерасчлененности вещей⁵⁶⁷. Рунич верил в магию чисел. Он написал несколько сочинений, посвященных числам и фигурам, влиянию музыки и магии⁵⁶⁸.

В записке «План военно-учебного заведения для образования благородного юношества»⁵⁶⁹ Рунич сформулировал масонское представление об основах обучения: цель его – «образование нравственное и умственное благородного юношества», черты устройства – дисциплина и чиноположение. Курс занятий должен был продолжаться 9 лет: первые три года должны были изучаться языки и словесность, вторые три года – философские науки, а последние три года – «великие» и математические науки. Потенциальных воспитанников Рунич собирался готовить к занятию высших военных чинов в артиллерии, пехоте и инженерных войсках.

Теме образования и воспитания в целом Рунич посвятил достаточно большое количество различных произведений.

В 1833 г. он напечатал составленную им для собственных детей книгу «Руководство как стоять при отправлении Божественной литургии и молиться во время оной», одобренную духовной цензурой⁵⁷⁰. Она предназначалась для детей, обучавшихся в военных училищах, поэтому 100 экземпляров своей книги он подарил школам гвардейских кантонистов⁵⁷¹.

В 1834 г. Рунич начал работу «О образовании юношества в умственном и нравственном отношениях»⁵⁷². В 1835 – 1836 гг. была закончена его основная часть, «Об образовании юношества»⁵⁷³, с пометкой «Часть II». В 1838 г. он написал Введение⁵⁷⁴. В этом сочинении Рунич обрисовал самые «вредные» склонности учеников, коими считал леность, упрямство и неповиновение,

⁵⁶⁵ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 69. Л. 21 – 22, 40 – 43 об., 44 – 51, 79 – 84 об.

⁵⁶⁶ Там же. Л. 62.

⁵⁶⁷ Соловьев О.Ф. Масонство. Словарь справочник. М. 2001. С. 11 – 16.

⁵⁶⁸ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 85. 8 лл.; Д. 47. Рунич Д.П. 58 лл.; Д. 106. 12 лл.; Д. 69. Л. 66.

⁵⁶⁹ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 3. Д. 93. 4 лл.

⁵⁷⁰ Там же. Оп. 1. Д. 120. Л. 97.

⁵⁷¹ Кантонисты в России с 1805 по 1856 г. – малолетние и несовершеннолетние сыновья нижних воинских чинов, которые образовывали особое состояние или сословие лиц, принадлежавших со дня рождения к военному ведомству и, в силу своего происхождения, обязанных военной службой.

⁵⁷² ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 102. 4 лл.

⁵⁷³ Там же. Д. 103. 49 лл.

⁵⁷⁴ Там же. Д. 105. 13 лл.

скрытность и обман, дерзость и рассеянность. Он разобрал основные причины появления подобных пороков и дал советы, как бороться с ними, например: если вы хотите, чтобы ваш ребенок вас слушался, то как можно меньше ему запрещайте, «больше позволяйте, чтобы в определенном случае запретить»⁵⁷⁵. Рунич также разработал «правильный полный курс учения», который состоял из трех лет «приготовления» к гимназическому курсу, то есть изучения начал языков, «счисления и энциклопедии познаний человеческих», трех лет гимназии – «приготовления» к наукам, и трех лет окончательного курса в университете – изучения наук.

В статье 1852 г. «О народном обучении в России до кончины императрицы Екатерины II (1796, 6 ноября), в царствование императора Павла I и со времени учреждения министерств в царствование Александра I»⁵⁷⁶ он представил свое видение исторического процесса и системы образования в России. В ней отражается влияние масонских убеждений автора на характер задач воспитания и образования. Рунич делал упор на нравственное самосовершенствование человека. Он считал, что необходимо, прежде всего, стать личностью, чтобы впоследствии получить «положительные» знания и научиться их применять.

В 1854 г. Рунич закончил работу «Что такое народное просвещение в христианских государствах»⁵⁷⁷. Он исходил из того, что «министерство народного просвещения в христианской стране не может иметь предметом ничего другого, кроме нравственного образования, которое совершает христианство». Поэтому Рунич называл средневековые университеты, состоявшие из четырех отделений (богословское, философское, юридическое и медицинское) образцом «полного состава сведений человеческих», считая необходимым добавить к ним пятое отделение – словесности.

Значительное внимание Рунич в своих сочинениях уделил российской истории. Рассматривая ее с позиций масона, он подробно останавливался на царствованиях Петра I, который, по масонской легенде, был первым русским представителем Ордена свободных каменщиков, Петра III, начавшего поддерживать своих «братьев», Екатерины II, оказывавшей покровительство идеологам французского просвещения и преследовавшей масонов, Павла I, в котором свободные каменщики видели истинного государя, и Александра I, в чье царствование произошло возрождение Ордена в России. Он осуждал прозападную политику этих императоров Всероссийских, политику, разрушавшую русский «национальный дух».

В представлении Рунича об идеальном древнем быте России явственно прослеживается консервативная точка зрения. Так, он выступал за установленное Богом самодержавие, за беспрекословное следование установленным в прошлом нравственным нормам и традициям, за семью как главную опору общества, за социальную иерархию, за безусловное подчинение и служение обществу.

⁵⁷⁵ Там же. Д. 103. Л. 10.

⁵⁷⁶ РНБ. РО. Ф. 656. Д. 6. 40 лл.

⁵⁷⁷ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 120. Л. 102-105.

Историческую тему Рунич открыл своими «Записками» на французском языке, завершёнными в 1850 г. В них речь шла о политических событиях времен Петра I, Екатерины II, Павла I и Александра I, о служебных перемещениях и взглядах Рунича. Также он составил автобиографические записки на французском языке «*Memories de M-r de S-te Croix. 1778 – 1843.*», в которых по непонятным причинам скрылся под псевдонимом M-r de S-te Croix⁵⁷⁸. Они были разбиты на части и находились в разных руках, поэтому их перевод напечатан в двух редакциях в «Русской Старине» и в «Русском Обозрении»⁵⁷⁹. Сначала в «Русской старине» был опубликован отрывок, описывающий время правления Петра I и Екатерины II⁵⁸⁰, чуть позже записки Рунича, предоставленные А.А. Титовым, были напечатаны полностью в «Русском Обозрении»⁵⁸¹. В следующем году «Русская Старина» опубликовала вторую редакцию записок, переведенных В.В. Тимошук⁵⁸². Многие страницы были утрачены.

Эта редакция отличается тем, что в ней дан другой вариант перевода с французского, видоизменена разбивка на главы и напечатан ранее не опубликованный эпилог. Этот эпилог, по мнению редакции «Русского Обозрения», не представлял исторического интереса и содержал взгляды Рунича на события его времени и общий ход истории. В целом, в «Записках» автор дал субъективную характеристику общеизвестных фактов и лиц, с которыми была связана его собственная деятельность, во многом его сведения не точны, так как он писал, в основном, по слухам. Лишь поверхностно Рунич рассказал о своих служебных перемещениях.

В 1854 г. он написал статью «Россия от 1633 до 1854 г. Взгляд на древний и новый ее быт», в которой представил свою оригинальную точку зрения на исторические события и правителей России этого времени. Автор осуждал Петра I, заставившего русский народ забыть «первоначальные нравы и привычки предков»⁵⁸³; его преемники – Екатерина II и Александр I, по мнению Рунича, продолжали политику Петра. При этом он восхищался Павлом I, чье правление, по

⁵⁷⁸ По сведениям 1901-1902 гг. рукопись сохранилась в фонде Императорской Публичной Библиотеки не в полном виде: из 14 тетрадей не хватало тетрадей № 6, 7 и 12. См.: Отчет Императорской Публичной Библиотеки за 1900-1901 гг. СПб. 1905. С. 193.

⁵⁷⁹ «Русская Старина» – исторический журнал, выходил в Петербурге в 1870 – 1918 гг., основатель – М.И. Семевский, редакторы: В.А. Семевский, М.И. Семевский, Н.К. Шильдер, А.С. Лапинский, С.П. Зыков и др.; публиковал документальные материалы, автобиографии, записки, письма, «жизнеописание» сановников, духовных лиц. «Русское Обозрение» – общественно-политический и литературно-художественный журнал консервативного направления, выходил в Москве в 1890 – 1898, 1901, 1903 гг.; редакторы: Д.Н. Цертелев, А.А. Александров (он же издатель), А.Ф. Филиппов; основан на средства старообрядца Д.И. Морозова, испытал значительное влияние со стороны К.П. Победоносцева.

⁵⁸⁰ Рунич Д.П. Сто лет тому назад // РС. 1896. № 11. С. 281 – 319.

⁵⁸¹ Его же. Записки Д.П. Рунича // Русское Обозрение (Далее: РО). 1890. № 8. С. 188 – 253; № 9. С. 186 – 256; № 10. С. 794 – 809.

⁵⁸² Его же. Из записок Д.П. Рунича // РС. 1901. № 1. С. 47 – 77; № 2. С. 325 – 357; № 3. С. 597 – 633; № 4. С. 153 – 168; № 5. С. 373 – 394.

⁵⁸³ Его же. Россия от 1833 до 1854 г. Взгляд на новый и старый ее быт (из бумаг Д.П. Рунича) с предисловием А. Титова. Ярославль. 1909. С. 3.

его словам, было спасительным для России. Эта статья, интересная для изучения исторических взглядов Рунича, впервые была опубликована в 1909 г. А.А. Титовым.

7 октября 1855 г. Рунич закончил статью «Министерства в России»⁵⁸⁴, в которой дал неоднозначную оценку преобразованиям Александра I. Он признавал, что с его воцарением произошло возрождение страны, но ни одно из преобразований Александра I, по мнению Рунича, не упрочилось. Последний объяснял этот факт слишком быстрыми темпами реформирования, называя развитие министерств главной ошибкой императора. Он опасался, что укрепление министерств приведет к развитию бюрократии, которая ограничит власть царя.

В 1856 г. Рунич продолжил историческую тематику в работе «Нечто о царствованиях: Екатерины II, Павла I, Александра I и Николая I с 1762 до 1856 года»⁵⁸⁵. Он отрицательно оценивал новое общество, созданное при Екатерине II, из лиц, «возвышенных из ничтожества» и родственников фаворитов. Павла I Рунич характеризовал как человека «ума высокого, великодушного, щедрого, деятельного и правосудного государя...». Царствование Александра I, по его мнению, было смешным подражанием европейской политике, а правление Николая I – «самое смешанное, запутанное, как говорится, безалаберное».

Помимо трех основных тем, Рунич затрагивал в своих работах и другие вопросы, например, в 1838 г. он написал «Записку о воздушных шарах, предназначенных для военных целей»⁵⁸⁶. В ней высказывалась заинтересованность в укреплении российской армии и предлагалось использовать воздушные шары для ведения разведки.

15 февраля 1839 г., возвратившись с похорон М.М. Сперанского, Рунич набросал «Мысли», в которых посмертно превозносил заслуги этого реформатора и чиновника, о котором он нелестно отзывался при жизни. Рунич утверждал, что возвышение Сперанского «не есть дело ни счастья, ни случая, а естественное явление следствий силы ума великого, характера твердого, способностей необыкновенных»⁵⁸⁷. Эта статья не появилась в печати, но вызвала переписку с редакторами «Северной пчелы» и «Отечественных записок» Н.И. Гречем и А.А. Краевским⁵⁸⁸.

Писал Рунич и на экономические темы.

В 1842 г. он составил «Проект положения об уничтожении крепостного права и всех видов крепостного владения»⁵⁸⁹. Признавая крепостное право «рабством», Рунич справедливо считал, что «уничтожение крепостного права в

⁵⁸⁴ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 7. 19 лл.

⁵⁸⁵ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 28. блл.

⁵⁸⁶ Отчет Императорской Публичной Библиотеки за 1900 – 1901 гг. СПб. 1905. С. 194.

⁵⁸⁷ Мысли Д.П. Рунича при погребении гр. Сперанского // РС. 1893. № 11. С. 321.

⁵⁸⁸ «Северная пчела» – политическая и литературная газета, выходила в Петербурге в 1825 – 1864 гг., популяризировала формулу «православие, самодержавие и народность». Редакторы с 1831 г. Ф.В. Булгарин и Н.И. Греч (до 1860 г.). «Отечественные записки» – учено-литературный журнал, выходил в Петербурге в 1839 – 1884 гг., с 1839 г. издавался и редактировался А.А. Краевским; журнал носил энциклопедический характер.

⁵⁸⁹ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 120. Л. 1 – 25.

России есть самый труднейший перелом, какой только законодательство встретить может». Он был осведомлен о «главнейших препятствиях к коренному уничтожению рабства или крепостного права», его проект отмены крепостного права предполагал безземельное освобождение крестьян.

В работе «О торговле, откупах и паровом, водяном и сухопутном сообщениях»⁵⁹⁰ Рунич положительно оценивал торговлю и обмен: польза от «обмена – торговли» – обмен излишками, обогащение производителей и масс. Он выступал за развитие отечественной промышленности, торговли и сферы обслуживания и в то же время был против торговли предметами роскоши, называя ее излишеством, и откупов, которые считал «самым зловреднейшим изобретением».

Оставил Рунич и несколько литературно-художественных произведений: басни, комедии и рассказы⁵⁹¹. Все они носили назидательный характер, например, комедия в пяти действиях «Нотариус, или по вывескам людей судить не должно»⁵⁹², в заглавии которой уже звучит нравоучительная нотка. Среди его литературных творений были не только прозаические, но и стихотворные произведения, например, стихотворение «В сиротстве нашем, в страдании»⁵⁹³ или акrostихи, составленные из цитат из Священного Писания⁵⁹⁴.

В конце жизни Д.П. Рунич составил для своих сыновей заметки, повествующие о происхождении Руничей и ближайших родственниках его самого. Перед смертью он просил Д.Н. Родионова, племянника М.Н. Мусина-Пушкина, попечителя Петербургского учебного округа⁵⁹⁵, помочь разобрать бумаги своего архива, но тот к работе так и не приступил.

Некогда состоятельный и влиятельный, последние годы своей жизни Рунич доживал в Санкт-Петербурге в Бассейном переулке в низеньком одноэтажном полуразвалившемся домике, «покинутый своими близкими»⁵⁹⁶. Убранство его комнаты составляли несколько белых стульев, простой стол, мягкое кресло, несколько сосновых ящиков с бумагами, «остатками от его долголетней жизни»⁵⁹⁷, и изображение Христа в терновом венце над кроватью.

Умер Дмитрий Павлович 1 июня 1860 г. Его похоронили на Волковском кладбище⁵⁹⁸. Свои рукописи и письма он завещал отдать в Публичную библиотеку: «В бумагах моих находятся подлинные драгоценные остатки, в рукописях – исторические ... и общественные события»⁵⁹⁹.

⁵⁹⁰ Там же Д. 111. 31 лл.

⁵⁹¹ Там же. Д. 115. 7 лл.; Д. 117. 2 лл.; Д. 118. 24 лл.

⁵⁹² Там же. Д. 116. 48 лл.

⁵⁹³ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 3. 1 л.

⁵⁹⁴ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 69. Л. 107 – 151 об.

⁵⁹⁵ Родионов Д.Н. Д.П. Рунич (материалы для его биографии). Воспоминание Д.Н. Родионова // РС. 1898. № 8. С. 389 – 391.

⁵⁹⁶ Титов А. Указ. соч. С. 5.

⁵⁹⁷ Родионов Д.Н. Указ. соч. С. 389 – 391.

⁵⁹⁸ РГБ. ОР. Ф. 751. К. 2. Д. 52. Л. 5.

⁵⁹⁹ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 71. Л. 12.

§ 2. Религиозные представления Д.П. Рунича

Рунич считал, что в природе человека заложено стремление к религии, так как «человек частичка, отделение существа Божья не может и не хочет оставаться во время жизни материальной и временной под материальными законами»⁶⁰⁰. Мировоззрение людей, по его мнению, всегда было религиозным, поэтому он понимал историю человечества как историю борьбы Иисуса Христа с отцом и начальником тьмы, вечным противником его на земле – дьяволом.

Несмотря на то, что человечество постоянно идет «наперекор плану Спасителя», Рунич был уверен: только религия может помочь людям сохранить цивилизацию. Он объяснял это тем, что ум и воля, освобожденные от догматов церкви, приводят только к революциям и падению государств: «без истинного духа и направления христианского никакое государство, никакое общество, семейство и отдельно человек, и всякое человеческое учреждение, стоять не могут!»⁶⁰¹. Только Библия, по словам Рунича, содержит истинную историю человечества и указание на путь к спасению. Отсюда он делал вывод, что принципы общества должны быть основаны на религии, единственным законом для народов должно быть Божественное Право, единственной религией – христианство. Поскольку «Один Бог», то должна существовать «одна вера и одна церковь»⁶⁰², в противном случае свобода ума и воли, в том числе свобода вероисповедания, приведут к неверию, вольнодумству и распутству.

В основе религиозных взглядов Рунича лежала теория «Божественного права», согласно которой миром управляет Божественное же Провидение. Все великие перевороты, совершающиеся в государствах, намечены в его общих планах. Война, голод и чума – «бичи»⁶⁰³, которые посылаются Провидением в наказание народам. Рунич считал, что все события совершаются по воле Бога, «человеческие предприятия»⁶⁰⁴, не согласованные с его тайными целями, заканчиваются бессмысленным поражением. Поэтому важно познать Бога, который является основным понятием в этой теории. Вечность – его основной атрибут, природа же человека, в отличие от Бога, двояка – и временна, и вечна, и материальна, и духовна. Тело человека имеет начало и конец, но его душа бессмертна. Временная материальная жизнь, по мнению Рунича, суть дорога человека к вечной жизни: «Чистилище начинается с рождением человека и продолжается во всю временную и вечную жизнь, за гробом...»⁶⁰⁵.

Бог и «чистилище», а также выбор – это основные понятия теории Божественного права. Бог управляет человечеством, ему противодействует дьявол. Их цель – человек с его двоякой природой. Материальное тело, склонное к потаканию животным инстинктам и страстям, приближает его к дьяволу. Душа человека вечна. В течение временной материальной жизни, которую Рунич

⁶⁰⁰ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 9. Л. 37 об.

⁶⁰¹ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 6. Л. 27.

⁶⁰² ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 69. Л. 16 – 16 об.

⁶⁰³ Рунич Д.П. Из записок Д.П. Рунича // РС. 1901. № 3. С. 607.

⁶⁰⁴ Там же. № 2. С. 342.

⁶⁰⁵ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 8. Л. 4 об.

называл «чистилищем», он делает свой выбор, присоединиться к Богу или к дьяволу, попасть в рай или в ад. Путь к дьяволу проще и «приятнее», но последствия этого пути – вечные страдания. Вечность на небе с Богом – вечное блаженство, но путь к нему труден, поэтому задача человека – сделать правильный выбор, познать Бога, принять Его величие и свою греховность и повиноваться Его воле. Рунич считал, что поскольку человек обладает чувствами, душой, разумом и совестью, то он может сделать самостоятельный выбор. У Бога на земле есть много средств, чтобы образумить человека: болезни, нищета, унижение и презрение, лишение прав и свободы – одним словом, «все, что называют несчастьем»⁶⁰⁶. Но беды не всегда ведут к исправлению человека, наоборот, нередко они доводят до отчаяния и самоубийства. Только религия, по мнению Рунича, может вразумить человека, так как без нее нет ни подлинной совести, ни настоящего разума, а без них живет человек по-скотски.

Главное в религии – это «вера во Единого Бога, вечность и спасение человечества воплощенным от святейшей Девы Марии Сыном Божиим Иисусом Христом, во время земной жизни Своей соединившим землю с небом крещением и причащением, просветившим человечество Евангелием и спасшим его своим страданием, смертью на кресте и воскресением»⁶⁰⁷. Рунич понимал «веру» как действие Святого Духа в человеческой душе, благодаря которому люди принимают Иисуса Христа и надеются на его милость во временной и вечной жизни. Верить для него так же естественно, как жить, дышать и двигаться: «Дышу и живу! Дышу и действую! Не имею нужды в проверках и доказательствах, что я жив»⁶⁰⁸. «Вера», утверждал Рунич, есть самая сущность христианства, религия – только внешнее его выражение. «Первая скрыта, вторая явна»⁶⁰⁹. Он образно объяснял, что «вера» подобна зрению: «ум человека способен верить тому, что он видит»⁶¹⁰. «Веру» в невидимое и непостижимое невозможно передать, как один человек не может передать другому свою жизнь, здоровье или любовь. Чтобы обрести ее, необходимо читать «Божественное откровение Духа Божия», сосредоточенное в книгах Ветхого и Нового Завета, изучать догматы веры, философию, богослужение и обряды, не доверять себе и смириться перед Богом.

Смысл жизни человека, по убеждению Рунича, возродиться и стать достойным сыном Божиим, чтобы после смерти попасть в рай и до второго пришествия Иисуса Христа ждать «вечного соединения с Богом», источником вечной жизни. Только «вера» может спасти и возродить человечество: «надобно, чтобы вера во Христа и Евангелие, были жизнью живого человека, как движение всякого живого тела!»⁶¹¹.

Крещение, замечал Рунич, не возрождает людей, так как это только «наружный обряд». Первый шаг к возрождению, по его мнению, это обращение к

⁶⁰⁶ Там же. Д. 8. Л. 5.

⁶⁰⁷ Рунич Д.П. Россия от 1633 до 1854 года. С. 3.

⁶⁰⁸ Рунич Д.П. Источники масонства или Свободного Каменщичества // Титов А. Указ. соч. С. 10.

⁶⁰⁹ Рунич Д.П. Из записок Д.П. Рунича // РС. 1901. № 5. С. 379.

⁶¹⁰ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 8. Л. 14 об.

⁶¹¹ Там же. Д. 9. Л. 15.

Богу, чтение Библии, которая укажет путь к прощению и спасению. Второй – раскаяние, покаяние и отвращение к греху. Только тогда, писал Рунич, когда человек возненавидит грех и самого себя, ощутив собственное ничтожество, вера в Иисуса Христа освятит натуру и произойдет возрождение: любовь к миру, себе и греху сменится любовью к Богу, Его Слову и Его заповедям. Поэтому спасение и возрождение человека зависят только от его воли и желания, так как Бог насильно помочь не может: «Иисус Христос сказал: «Мало спасающихся, поелику спасение их не от всемогущества Божьего и от любви Его зависит, а от них самих»⁶¹².

В этой связи Рунич отмечал бессилие «наружной религии» или обрядовой церкви: «Наружное богослужение то же, что склянка самого целительного лекарства у постели больного; не раскупоренная; на которую он смотрит, но в себя не принимает и остается больным!»⁶¹³. Соблюдение обрядов, по его убеждению, не приводит к вере, «будто доказательство веры в Евангелие – установленные богослужения...»⁶¹⁴. Оно не ведет к спасению и возрождению, как посещение аптек без употребления лекарств не приводит к излечению от болезни и восстановлению сил. Наружное богослужение, доказывал Рунич, может только зародить в людях мысль об их звериной натуре и собственной греховности. После осознания своей греховности человек становится ближе к перерождению и возрождению, но это невозможно без «веры», поэтому ведет к заблуждениям и невежеству. Следовательно, делал вывод Рунич, обрядное богослужение не дает возможности людям познать истинную христианскую жизнь: «К исповеди, тайнам приводят привычка или принуждение, или неизвестность и страх»; «Евангелие управляет жизнью, пост ослабляет плоть и страсти, и человек неприметно превращается из своевольного вольнодумца в счастливого и на земле верующего»⁶¹⁵.

Главная функция «наружной религии» или обрядовой церкви для Рунича – поддержание в массах народа «безусловной покорности воле невидимого Божества и внутреннему гласу совести»⁶¹⁶, общественных связей и порядка.

Он считал, что правительства поддерживали только публичное богослужение в качестве «вспомогательной опоры своей власти»⁶¹⁷, а «истинное христианство» авторитет в народных массах утратило. «Истинное христианство», которое, по мнению Рунича, знал Богом избранный израильский народ, заключается в «вере». Он доказывал, что такое христианство не знало публичных богослужений: «400 лет спустя начали устанавливаться и в Иерусалиме и Риме публичные молитвы, богослужение и обряды»⁶¹⁸. Таким образом, Рунич, как мы уже писали, отстаивал масонскую идею «внутренней церкви», когда самое главное для истинного христианина – сила духа, вера, стремление к спасению и возрождению, а не просто соблюдение обрядов, ибо богослужение и обряды – «это одни только иероглифы сил, а не сама сила, как электричество, магнетизм и поток воды! Без

⁶¹² Там же.

⁶¹³ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 9. Л. 15 об.

⁶¹⁴ Рунич Д.П. Россия от 1633 до 1854 года. С. 17 – 18.

⁶¹⁵ Его же. Источники масонства. С. 11.

⁶¹⁶ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 7. Л. 8.

⁶¹⁷ Там же. Д. 9. Л. 29 об.

⁶¹⁸ Рунич Д.П. Источники масонства. С. 9.

электричества, магнетизма и воды никакой снаряд не действует»⁶¹⁹.

Представление о «внутренней церкви» лежало в основе идеологии розенкрейцеров: орден – истинная или «внутренняя церковь»⁶²⁰. Только в обществе розенкрейцеров, рыцарей розового и золотого креста, по мнению Рунича, сохранились Божественные откровения, знания человеческой природы и тайны науки. А поскольку в обрядовой церкви уже нет таинства, отнятого у нее высшей магической властью и силой, то лишь орден мог подготовить новое человечество, достойное второго пришествия Христа.

Рунич объяснял этот тезис на личном опыте. Несмотря на огромное количество прочитанных богословских и «безбожных» книг на латинском, славянском, французском, немецком, английском и итальянском языках, истину для него открыло «масонство и занятие науками естественными»⁶²¹. «Масонство есть Откровение Премудрости Божественной, хранилище всех ведений и сил естественных и Божественных, сущность и жизнь, в которой нет ни тени, ни применений, приложений, жизнь из Бога, истинное христианство, помазание Святого Духа»⁶²². Рунич доказывал, что масонство действительно вело «мирян» к «истинной церкви». Орден розенкрейцеров сохранил во всей неприкосновенности, чистоте и полноте Божественные откровения потому, что появился после разделения христианских церквей и был независим от гражданских и духовных властей. Масонские ложи были, по словам Рунича, «народными школами»⁶²³, «открытыми приуготовительными училищами для всех христиан»⁶²⁴, в которых они направлялись к «истинному христианству» и нравственности, познавали смысл наружного богослужения и обрядов. В то же время «миряне» соблюдали обряды и посещали публичные богослужения, соответствовавшие их вероисповеданиям.

Он сокрушался, что человечество издавна занято «предметами видимыми и преходящими»: «Одни деньги и доводы располагают делами человеческим! О Боге и вечности не думают!»⁶²⁵. Но временные заботы и наслаждения превратили человека в животное, уничтожили все общественные связи (дружбу, родство, добродетель) и истинный дух христианства, делая из религии «дырчатый сосуд, которым не возможно почерпнуть воды»⁶²⁶. «Ныне наружные религии или вероисповедания не веры – а условия, на которые общества соглашаются; а правительства поддерживают; сами же следуют им, как их понимают и как хотят!»⁶²⁷. Тем не менее, замечал Рунич, люди верят в вечную жизнь, но совершенно не заботятся о духовных и вечных началах: «неужели все родится для того только, чтобы умереть и сгнить!»⁶²⁸.

⁶¹⁹ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 9. Л. 7.

⁶²⁰ Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. СПб. 1999. С. 210 – 216.

⁶²¹ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 7. Л. 6 об.

⁶²² ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 69. 1836 – 1857. Л. 116 – 117 об.

⁶²³ Рунич Д.П. Источники масонства. С. 8 – 9.

⁶²⁴ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 9. Л. 38 об.

⁶²⁵ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 71. Л. 18.

⁶²⁶ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 9. Л. 25.

⁶²⁷ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 28. Л. 4.

⁶²⁸ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 71. Л. 1 об.

Место человека в вечности, по его словам, определяется его выбором: «Тогда он непринужденно принимает в себя или Дух Божий, или Дух Дьявола, который и управляет его понятиями, чувствами и поступками во всей его земной, временной жизни и определяет участь его в вечности, обрекая его на вечное блаженство или вечное мучение!»⁶²⁹. Он был уверен, что только вера сможет помочь людям сделать правильный выбор: «Свет управляется властью и разумом того, кто повелел постоянно всходить и заходить солнцу, а морю, дойти до известной черты и остановиться! Этого не изменит богоотступная система философии и политики! Неверие есть слепота от рождения, которая столетнему старику во всю жизнь не дает понятия о свете красках»⁶³⁰.

Рунич, которому, по его словам, родители внушили «правила и пример христианской жизни»⁶³¹, высоко ценил семью, ее авторитет и силу воздействия на человека. Он считал, что именно в семье должно начинаться религиозное воспитание: «Как ни спасительно законоучение, но воспитание и примеры родителей действуют живее, и впечатления глубже врезаются в чувства»⁶³². Именно в семье ребенок должен познакомиться с «непостижимыми уму человеческими понятиями»: материальная, временная жизнь конечна, после смерти начинается вечная, невидимая жизнь. Рунич считал, что человек обязан с рождения впитать эти понятия, так как они нужны, чтобы противодействовать духу злобы – Дьяволу, похоти, плоти, порокам и страстям материального мира и впоследствии обрести место на небе в вечной жизни. Это необходимо, чтобы «дух Дьявола, плоти и мира» не мог впоследствии влиять на развитие в нем «ума и страстей». Семейное религиозное воспитание должно, по словам Рунича, быть «моральным». Он был убежден, что человека нельзя исправить силой, «тюрьма даже самая смертная казнь, удерживают только волю от необузданности», образование придает лишь внешний глянец, но не изменяет «духовное, умственное начало»⁶³³. Только воспитание, общественный, семейный быт и религия направляют волю и развивают душевные качества.

Как мы уже писали, согласно Руничу воспитание человека в юношеские годы следует продолжить в масонской ложе, которая ведет его к христианской жизни и готовит к вечной жизни. В то же время, необходимо посещать «открытую» церковь и участвовать в церковных обрядах, так как все это приглашает к молитве и посту, укрепляет веру и наставляет на «истинный путь». Масонство, по словам бывшего попечителя учебного округа, «ведет человека и к религии, соединению с Богом, а религию утверждает православная церковь и учением, и богослужением, и таинствами»⁶³⁴. Следовательно, только масонство и «наружная религия» могут подготовить людей к истинной христианской жизни.

В целом Рунич выступал за единую церковь, основанную ее главой Иисусом Христом. Он был против разделения христианских деноминаций, так как де-

⁶²⁹ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 8. Л. 3.

⁶³⁰ Там же. Д. 7. Л. 6.

⁶³¹ Титов А. Указ. соч. С. 6.

⁶³² Рунич Д.П. Источники масонства. С. 10.

⁶³³ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 6. Л. 16 об.

⁶³⁴ Рунич Д.П. Источники масонства. С. 11.

ление – это искажение смысла: «Истина, как единица, должна быть одна и та же во всем мире. Допустив сие деление превращаешь совершенно сие натуру в свинство!»⁶³⁵. Единство, по его мнению, было выражено Никейским символом, который должен быть неприкосновенен. Этот символ провозгласил единую, святую, соборную и апостольскую церковь вселенскую и универсальную для всего человечества; по-гречески такая церковь именуется католической. Однако различные толкования у христианских народов уже в первые века этой единой церкви привели к появлению еретиков: ариан, несториан и других, а впоследствии – к искажению смысла и разделению церквей. Поэтому Рунич с уважением отзывался о евреях, языческих народах и мусульманах: их источники верования и учения – Ветхий Завет, Талмуд, Зенд-Авеста и Коран, остались неприкосновенными.

Разделение церквей, по словам Рунича, произошло потому, что «всегда искажается небесная истина, когда она соединяется с временными видами и расчетами человеческими»⁶³⁶. Если временное смешивается с вечным, то последнее искажается, теряет свою ценность и становится ненавистным и предметом непримиримой вражды между людьми. Так, Рим, пытаясь установить якобы «христианское временное единодержавие»⁶³⁷, а на самом деле, завоевать Восток, организовал крестовые походы. В результате греческое (православное), «апостолами установленное верование»⁶³⁸ было запрещено и стало распространяться обрядное римское (католическое) богослужение. Разделение церквей привело к вечному раздору между христианскими народами, войнам и страданиям. «Истинный дух христианства», писал Рунич, продолжал падать, «философизм» язычества перешел в христианскую религию, которая превратилась в наружное богослужение, церковь стала подчиняться гражданской власти. В конечном итоге всего этого «XVIII столетие наводнило Европу неверием, и все действия человеческие направлены к приобретению временных выгод и философической независимости ума и воли»⁶³⁹.

По мнению Рунича, родоначальником европейского антихристианства был Магомет, которого он называл первым Антихристом, выдававшим себя за посланника Бога. Рунич считал, что его учение, «магометанство»⁶⁴⁰, было смесью христианства, язычества и нелепых, грубых сказок. Оно насаждалось путем завоеваний во все стороны от пустынь Аравии, чтобы воспрепятствовать распространению христианства. В этих представлениях бывшего попечителя трудно не увидеть противоречия с его вполне уважительным отношением к мусульманам.

Иудеи, в отличие от последних, обладали познанием «истинного Бога», «Божественного откровения, сохранявшегося от начала мира неприкосновенным в законе их предков»⁶⁴¹. Эти «чистые божественные откровения» через сына Божьего Иисуса Христа и его апостолов перешли в христианство, которое

Рунич считал «самой истинной верой». Оно открыло «непреодолимый блеск божественных истин» человеческим сердцам, который «возобладал над страстями и предрассудками, нарушил препоны, противопоставляемые ему народами и царствами, возбудил общественные и частные добродетели, и распространил учение и правила возвышеннейшие, служил во все времена к усовершенствованию природы человеческой и к водворению блаженства среди обществ»⁶⁴².

Рунич был уверен, что несмотря на возникшие на Востоке невежество и ереси в догматах, а также в богослужении, настоящий «дух христианства» там «в самом невежестве народа, более замечателен в общественном образе жизни, чем в Европейских христианских государствах». Более того, по его убеждению, Россия – единственная носительница истинного христианства, от которой зависит возрождение человечества: «борьба Европы и Азии с Россией продолжится до конца нынешнего столетия... Искра производит губительный пожар, которого не зальет море...»⁶⁴³. Рунич признавал православную веру «самой истинной» из христианских религий, негативно отзываясь о других христианских вероисповеданиях.

Он отрицательно оценивал католическую религию, считая Пап «мнимыми преемниками Спасителя мира», которые с помощью запугивания невежественных народов (проклятие Пап и их булл) помогали Риму удерживать владычество на земле и над наружной церковью. Рунич писал: «Соединение в лице Пап власти Божественной и власти временной царской есть выдумка ума и гордыни человеческих...»⁶⁴⁴, так как они, как и епископы, всего лишь пастыри и наставники христианских обществ или церквей. Единственная заслуга римского католического богословия – то, что оно «не смешало законов вечности с законами времени и вечного»⁶⁴⁵. Однако католичество приняло в число догматов своих верований «существование после смерти человека, неограниченное за гробом чистилища», которое восточная церковь отвергала.

Протестантизм Рунич называл началом неверия и вольнодумства в Европе. Он видел его единственную цель в обретении «совершенной свободы ума и самой дикой независимости человека от всякой власти ему подобного...»⁶⁴⁶. Кроме того, Рунич указывал на то, что в протестантизме нет подвига аскетизма: его последователи не считают необходимым посвящать себя уединению, посту, страданиям, гонению, презрению и нищете, чтобы после своей смерти заслужить себе место в царстве небесном. В отличие от них, «христиане с первых веков посвящают себя уединению, посту, страданиям, нищете; отказываются от богатства и знатности, предпочитают им гонение и презрение, одним словом, охотно переносят величайшие лишения и мучения, чтоб наследовать после смерти своей царство небесное!»⁶⁴⁷.

Англиканское вероисповедание, по мнению Рунича, заменило евангельскую любовь к ближнему «чванной филантропией», которая больше похожа на

⁶³⁵ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 6. Л. 32.

⁶³⁶ Рунич Д.П. Россия от 1633 до 1854 года. С. 28.

⁶³⁷ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 9. Л. 5 об.

⁶³⁸ Там же. Л. 5.

⁶³⁹ Рунич Д.П. Россия от 1633 до 1854 года. С. 29.

⁶⁴⁰ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 9. Л. 12 об.

⁶⁴¹ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 48. Л. 34.

⁶⁴² Там же. Л. 4.

⁶⁴³ Рунич Д.П. Россия от 1633 до 1854 года. С. 29.

⁶⁴⁴ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 9. Л. 14.

⁶⁴⁵ Там же. Д. 8. Л. 1.

⁶⁴⁶ Там же. Д. 9. Л. 32.

⁶⁴⁷ Там же. Л. 33.

торговлю и промышленность, так как основана на денежных сборах на приюты, школы и больницы. Она держится только тщеславием, гордостью и подражанием другим, потому что в газетах печатают отчеты и имена вносящих деньги. Рунич называл филантропию «мнимой человечностью благородного сердца»⁶⁴⁸, игрой гордости, тогда как истинное человеколюбие, по его мнению, не нуждается ни в золоте, ни в серебре, оно протягивает правую руку так, чтобы об этом не знала левая рука. Более того, замена истинного христианского духа филантропией ведет к потере самобытности.

Рунич верил, что к наступлению нового, XX века будет восстановлено единство христианства. Он объяснял это началом «антихристианской апокалиптической войны» и подготовкой человечества «к перевороту и изменению», то есть ко второму пришествию Иисуса Христа. Скорее всего, здесь под словом «война» Рунич конкретных боевых действий в виду не имел и среди признаков конца света называл обесценивание религиозных понятий, уважение только материальных ценностей и развращение нравов. «Художества и искусства сделались средствами к добыванию пропитания и обогащения! Одним словом, только и уважается – что иметь материальную ценность. Пища, питье и развлечение выводят деньги из кармана богатых и переводят в кошель работающих! Брачное состояние более тяготит недостаточные семейства, чем доставляет им покой и отраду! Ни самое огромное состояние не выдерживает вымышляемых роскошью прихотей!»⁶⁴⁹.

Восстановление единства было для Рунича целью христианства и всех христианских религий. Оно должно было реализоваться после «падения» Османской империи, колыбели антихристианства, католичества, протестантизма, англиканской церкви, армянского богословия и прочих «старых и новых отделений богословских и обрядных несогласий», которые препятствуют единству христианства⁶⁵⁰.

Рунич доказывал, что православная религия, которую, по его словам, католическая и протестантская Европа считали ересью, была «единственным цементом, связующим общественное здание и придававшим монархической власти ту сверхъестественную силу, которая помогала бороться с завоевателями»⁶⁵¹. Христианство в конце концов довело бы Россию до «естественной нравственной зрелости», но Петр I, «обольщенный Европой»⁶⁵², уничтожил патриаршество, а вместе с ним и единство, необходимое в христианских обществах. Он учредил Синод, «протестантскую выдумку», и подчинил его своей власти. Более того, специфическая «веротерпимость» Петра, по мысли Рунича, ослабила в высших слоях общества приверженность христианскому учению, что при его преемниках стало заметно и в народе. При Екатерине II в высших слоях общества начали распространяться неверие и вольнодумство, в низших – невежество. Введение протестантской английской филантропии Александром I, считал Рунич, окончательно укрепило равнодушие к Евангелию.

⁶⁴⁸ Рунич Д.П. Из записок Д.П. Рунича // РС. 1901. № 3. С. 611.

⁶⁴⁹ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 9. Л. 28 – 28 об.

⁶⁵⁰ Там же. Л. 16.

⁶⁵¹ Рунич Д.П. Из записок Д.П. Рунича // РС. 1901. № 2. С. 336.

⁶⁵² РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 7. Л. 10.

Религия в России, по его словам, никогда не подчинялась светской власти, между тем церковь была помещена в список гражданских учреждений и подчинялась верховной власти, подвергалась преобразованиям в своем управлении, обрядах и даже догматах наравне с гражданскими учреждениями. Со времен Петра I религию никогда не считали «душой социального тела»⁶⁵³, на нее всегда смотрели как на предмет преподавания, божественного, но подлежащего изменениям времени, нравов, взглядов и духа правительства. Синод действовал от имени монарха и выносил беспелляционные приговоры, которым должна была подчиняться церковь.

Рунич негативно относился к русскому белому духовенству, которое в любом народе занимает место апостолов. Невежество и распущенность нравов духовенства привели к пренебрежительному отношению к нему высших сословий, религиозному невежеству народа и возникновению многочисленных сект и ересей. Причину этого Рунич видел в том, что до царствования Екатерины II в белое духовенство принимали лиц всех сословий, кроме крепостных, не имевших соответствующих познаний по истории церкви и догматам православной веры. Семинарии были для многих недоступны и учили там в основном латинскому языку и схоластическому богословию. При Екатерине II правительство наконец-то обратило внимание на образование духовенства, которое Рунич считал необходимым для благосостояния государства. Из духовных академий и семинарий, по его мнению, более полезных по сравнению со светскими школами, духовенство выходило образованным и благовоспитанным, но не стало носителем «евангельского духа»⁶⁵⁴. Его главное орудие – слово и проповедь, то есть публичное богослужение и обряды, поддерживающие в массах народа «покорность религии, самодержавию и закону»⁶⁵⁵, коренные свойства русского народа.

Рунич верил, что вместе с масонством (масонским орденом – «истинной церковью») православная церковь приведет Россию к «истинному христианству» и возрождению: «Отечество мое, Россия под скипетром Богом управляемого монарха, не причтется к тем зданиям и городам, о которых говорит царь и пророк, направляемый не духом мира, а духом святым», что «если не Господь создаст дом, напрасно будут трудиться строящие! Если не Господь сохранит город, напрасно будут укреплять его и караулить!!!»⁶⁵⁶. По его словам, «человечество, во всех частях света, так физически и морально сгнило», что единственной целью православного самодержца должно было «руководствовать девственный народ русский так, чтобы удерживать в предметах истинного евангельского православия» и «заграждать в Отечество наше путь европейскому духу»⁶⁵⁷.

⁶⁵³ Рунич Д.П. Из записок Д.П. Рунича // РС. 1901. № 2. С. 338.

⁶⁵⁴ Его же. Источники масонства. С. 14.

⁶⁵⁵ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 6. Л. 17 об. – 18.

⁶⁵⁶ Там же. Л. 27.

⁶⁵⁷ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 7. Л. 11 – 11 об.

§ 3. Исторические взгляды Д.П. Рунича

Рунич воспринимал историю как историю человечества в целом, полагая, что ее нельзя делить на истории отдельных народов. Он объяснял это однообразием человеческой природы, тем, что в человеке идет постоянная борьба Иисуса Христа и дьявола⁶⁵⁸. Историю России, «государства, огромнейшего на земле»⁶⁵⁹, Рунич считал гораздо любопытнее и увлекательнее истории греческой и римской, отличавшихся, по его словам, баснословностью. Интересна она в силу того, что у России, как и любого народа, есть свое предназначение, которое predetermined и неизменно: Россия, «единственная носительница истинного христианства»⁶⁶⁰, по замыслу Вседержителя, должна преобразить Европу, гордящуюся своим просвещением, и возродить человечество. Рунич придерживался идеи самостоятельности исторического пути России, несходного с европейским: «русские не определены Провидением, правящим судьбами человечества, последовать европейцам и переделаться в французов или англичан»⁶⁶¹. Он делал акцент на «национальном духе», «коренном родовом чувстве» русских, отличном от всех других народов, который остался особенным, как ни старались его изуродовать: «Плод земной, где бы он ни родился, не изменяет своей природы; и ананас, и апельсин сохраняют один вид, запах и вкус внутренней их природы»⁶⁶².

История России для Рунича начиналась с введением на Руси христианства. И это не случайно, так как именно тогда появился тот уклад жизни, «древний быт России», которым он восхищался, когда «было все как надо в порядках и обычаях»⁶⁶³. Россия была, по его словам, «более азиатским, чем европейским государством»⁶⁶⁴: она не знала европейского образования, нравов и обычаев европейских государств. Страна стояла на более низкой ступени развития религии, философии и образования по сравнению с Европой, но вместе с тем, замечал Рунич, в ней было меньше стремления к независимости и удовлетворению плотских страстей и прихотей, господствовавших в европейских обществах. В отличие от Европы, она сохранила отеческие предания и семейные традиции, соблюдала уставы церкви и видела в лице своих правителей Божьих помазанников, самодержавных отцов Отечества. И хотя Россия развивалась медленнее других европейских стран, она шла своим путем, который основывался на религии, самодержавии и следовании традициям.

Идеальный русский быт Рунич называл «невинным и чистым»⁶⁶⁵, а русское политическое сознание, с его точки зрения, всегда было окрашено в религиозные тона; «Русский видел в своем самодержавном владыке представителя Божьего на

земле»⁶⁶⁶. Власть монарху давалась от Бога и передавалась в царском роду по наследству. Законы, которые были сосредоточены в руках царя, также давались от Бога. Монарх, как единственный источник верховной власти, был гарантом стабильного существования общества: «В правлении самодержавном, отеческом, все части ведомы владыке: без него ничего не имеет силы закона»⁶⁶⁷.

Семья воспринималась как главная опора общества, прочность семейных уз, семейного быта, поддержание традиционных семейных устоев были залогом устойчивости государства. Отцы были самодержцами для детей и жен, они заключали браки и требовали беспрекословного повиновения. Высоко ценилась нравственность, воспитываемая в семье: невеста выходила замуж непорочной, если невеста теряла непорочность до брака, то вся семья наказывалась презрением. «Грехопадение»⁶⁶⁸, под которым Рунич понимал прелюбодеяние, считалось величайшим преступлением, посягающим на семейное счастье и благо общества.

Каждое сословие выполняло свое социальное предназначение, покоряясь установленному от Бога порядку вещей: «Крепостные люди и наемные работники служили своим господам верою, как говорили, и правдою, и были довольны своим содержанием. Воины не щадили жизни, мастеровые добросовестно отправляли свои мастерства»⁶⁶⁹.

Таким образом, главными ценностями российского общества Рунич считал Богом установленное самодержавие, беспрекословное следование установленным в прошлом нравственным нормам и традициям, семью как главную опору общества, сословную иерархию, безусловное подчинение и служение обществу. Он восхищался стремлением людей «быть добродетельными хотя для вида; известная стыдливость сдерживала в должных границах разнузданность и даже разврат»⁶⁷⁰.

С убийством царевича Дмитрия в 1591 г., по мнению Рунича, закончился не только род Рюриковичей, но и древний быт России. Избрание нового царя Михаила Федоровича Романова положило начало новому быту, который продолжался до Петра I. Этот порядок заключался в «строгом соблюдении обрядов общежития»⁶⁷¹: сохранялись социальная иерархия и неравенство, но уже появились иностранные нововведения в московских знатных домах. Рунич называл Московское государство «чистой Россией», царствование Романовых – «семейным», «отеческим», «народным», а не «подражательным»⁶⁷². Россия не перенимала европейских обычаев, придерживалась христианского исповедания и патриаршества и шла своим путем, предначертанным ей божественным Провидением. Если бы так продолжалось и далее, писал Рунич, то «Россия созрела бы к перемене, которой подлежали все народы»⁶⁷³. Поэтому он осуждал Петра I, ко-

⁶⁵⁸ Там же. Д. 9. Л. 3.

⁶⁵⁹ Рунич Д.П. Россия от 1633 до 1854 года. С. 23.

⁶⁶⁰ Там же. С. 29.

⁶⁶¹ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 7. Л. 13.

⁶⁶² Там же.

⁶⁶³ Рунич Д.П. Россия от 1633 до 1854 г. С. 3.

⁶⁶⁴ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 6. Л. 2 об.

⁶⁶⁵ Рунич Д.П. Россия от 1633 до 1854 года. С. 3.

⁶⁶⁶ Там же.

⁶⁶⁷ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 7. Л. 3.

⁶⁶⁸ Рунич Д.П. Из записок Д.П. Рунича // РС. 1901. № 1. С. 51.

⁶⁶⁹ Его же. Россия от 1633 до 1854 года. С. 3.

⁶⁷⁰ Его же. Из записок Д.П. Рунича // РС. 1901. № 1. С. 50.

⁶⁷¹ Его же. Россия от 1633 до 1854 года. С. 3.

⁶⁷² РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 7. Л. 10 об., 8 об.

⁶⁷³ Там же. 10 об.

торый «переродил [русских – Е.А.] в народ совсем новый и заставил забыть и первобытные нравы, и привычки предков»⁶⁷⁴. Рунич верил в масонское предание о Петре I⁶⁷⁵, но обвинял его в разрушении русской национальности: тот отменил патриаршество, проявлял «религиозный индифферентизм»⁶⁷⁶, предпочитая протестантизм православию, ввел одежду и образ жизни Западной Европы в Москве и Петербурге.

Петр I, по мнению Рунича, положил начало традиции обновления обычаев и нравов русского народа: «Каждые полвека Россия от Петра I представляла нравственное и политическое изумительное перерождение»⁶⁷⁷. Каждые 30 лет менялись привычки, а каждые полвека изменялось все: вероисповедание, обряды богослужения, государственные постановления, обычаи, предпочтения, воспитание и этикет.

По словам Рунича, подражать проще, чем переродиться, и то, что прививается силой, действует недолго. Поэтому дворяне и купцы переходили к обычаям иностранцев неохотно, а в народном быту иностранные обычаи вызывали отвращение и ненависть. Привычки менялись из поколения в поколение, но дух народа оставался неизменным: «Вера и суеверие, чистое и бескорыстное усердие к церкви и вместе с тем глубокое невежество не могли искоренить в русском народе коренных свойств: честности, мужества и великодушия. Оставляя обычаи предков, они не изменяли веры и любви к отечеству»⁶⁷⁸.

Величайшая, по мнению Рунича, ошибка Петра I, которая довела Россию до «расстройства»⁶⁷⁹, заключалась в том, что он не думал о развитии внутренних, естественных ресурсов и моральных сил России, а увлекся подражанием чужим краям. Преемники его до Александра I также думали только о том, как европеизировать Россию – страну, богатую всяческими ресурсами: плодородной почвой, полезными ископаемыми (металлами), запасами от остающихся излишков (хлебом, льном, шерстью, салом, кожей); реки ее – неистощимые источники изобилия⁶⁸⁰. Он был уверен, что Петру I не следовало торопиться, так как россияне были молоды в европеизме, нельзя было некритически заимствовать опыт развития других стран, вводить нормы и институты, укоренившиеся в иных общественных условиях.

И хотя Рунич не одобрял преобразования Петра I, он писал, что его смерть имела для России такие же последствия, как и убийство царевича Дмитрия: «скипетр перешел в руки женские», у императриц не было «русского духа, желания и силы удержать ее [Россию – Е.А.] в первобытном естественном природном быту»⁶⁸¹. По представлениям Рунича, Анна и Елизавета, оставшиеся

без прямых наследников, и Екатерина II, немка из «ничтожного немецкого княжества»⁶⁸², продолжали политику Петра I. Событий в промежутке между правлениями Петра I и Петра III он касается вскользь, поскольку масонство в это время было развито слабо и распространялось в основном среди приезжавших в Россию иностранцев – французов, немцев, англичан⁶⁸³.

Подробнее Рунич останавливается на правлении Петра III, который был масоном и начал поддерживать своих «братьев»: подарил дом Петербургской ложе «Постоянства», собирал около себя масонов в Ораниенбауме. В целом, по его словам, от царствования Петра III не осталось ничего, кроме прусского обмундирования, так как нет достаточных исторических сведений о его правлении, но, по слухам, он «хотел вводить многое полезное»⁶⁸⁴.

Рунич полагал, что Петр III был равнодушен к Екатерине II, воспитанной в духе протестантизма и выданной за него замуж по расчету. Он привязался к ее фрейлине, Е.Р. Воронцовой, которая разделяла его склонность к «горячим напиткам»⁶⁸⁵, живя в загородном дворце Ропше. Тем не менее, Рунич осуждал заговор против Петра III, в результате которого Екатерина II взошла на престол, обойдя сына Петра III Павла. Он считал, что «цари даются от Бога», поэтому нельзя менять порядок престолонаследия.

Незаконное насильственное вступление на престол Екатерины II было причиной «невероятных бедствий»⁶⁸⁶ для России. Она не стала «родной» народу, вследствие чего не могла дать ему «истинное благосостояние», которое масоны связывали с «благодетельным государем», цесаревичем Павлом Петровичем. Екатерина II являлась полной его противоположностью. Она была известна «вольностью нравов»: меняла фаворитов, раздавала им деньги, земли и драгоценности, не обращая внимания на молву; во время ее царствования широко стало практиковаться взяточничество⁶⁸⁷. Екатерина вела шумную и блестящую внешнюю политику (масоны осуждали войну), «покрыла царство громкой славой»⁶⁸⁸ и превратилась в «повелительницу всей земли» после завоевания Крыма. Она оказывала покровительство идеологам французского просвещения (Вольтеру и К.А. Гельвецию), которые довели дело до французской революции. Екатерина II подражала Европе: Ф.Ц. Лагарп стал воспитателем Александра I, французские и австрийские послы – ее ближайшими собеседниками. Но она, по мнению Рунича, слишком увлеклась беседами с европейскими философами, «пренебрегла религией и общественной нравственностью»⁶⁸⁹.

Единственной заслугой Екатерины II он считал открытие народных училищ, так как до этого народное просвещение заключалось в изучении грамоты по цер-

⁶⁷⁴ Рунич Д.П. Россия от 1633 до 1854 года. С. 1

⁶⁷⁵ Согласно этому преданию, Петр I был посвящен в масоны в одной из лож Амстердама в 1697 г. Возвратившись в Россию, Петр организовал ложу в Москве. Мастером ее стал Леферт, оратором – гр. Брюс, 1-м Блюстителем – Гордон, 2-й Блюстителем – Петр I.

⁶⁷⁶ Рунич Д.П. Россия от 1633 до 1854 года. С. 3.

⁶⁷⁷ Его же. Источники масонства. С. 12.

⁶⁷⁸ Его же. Сто лет тому назад // РС. 1896. № 11. С. 283.

⁶⁷⁹ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 7. Л. 14 об.

⁶⁸⁰ Там же. Л. 14.

⁶⁸¹ Рунич Д.П. Россия от 1633 до 1854 года. С. 3.

⁶⁸² Там же. С. 13.

⁶⁸³ Вернадский Г.В. Указ соч. С. 36 – 42.

⁶⁸⁴ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 7. Л. 12.

⁶⁸⁵ Рунич Д.П. Россия от 1633 до 1854 года. С. 5.

⁶⁸⁶ Там же. С. 23.

⁶⁸⁷ Там же. С. 13.

⁶⁸⁸ Там же. С. 6.

⁶⁸⁹ Рунич Д.П. Из записок Д.П. Рунича // РС. 1901. № 1. С. 56.

ковным книгам⁶⁹⁰. Более того, по мнению Рунича, ее царствование было временно необходимо, чтобы «предохранить Россию до совершеннолетия наследника, от единства с Европой, уже возмущенной неверием и антихристианством и в потомстве наследника утвердить благосостояние России, когда европейские народы обратятся к язычеству»⁶⁹¹. В остальном, считал Рунич, она не преуспела.

При Екатерине II исчезло все коренное русское, что привело к волнениям в стране. Причиной этого он называл расколы и старообрядчество, которые появились при царе Алексее Михайловиче из-за того, что патриарх Никон вызвал из Царьграда двух греков, братьев Лихудов, для исправления греческих текстов⁶⁹². Старообрядцы, ненавидевшие нововведения Петра I и ратовавшие за старый быт, были главной пружиной бунта Пугачева. Оплотом старого быта для Рунича был Московский Кремль, стоявший «на высокой дикой горе, подшву которой омывала Москва-река»⁶⁹³. Это была неприступная крепость со своим обособленным от всего мира образом жизни, со своей самобытной культурой, в которой главное место занимала вера в Бога. Высший круг общества составляли старинные боярские роды и отставные генералы – «потемневшие светила творения Екатерины», отстраненные от общения с народом. Новое для Рунича – это просвещение, иностранные развлечения и стирание границ между сословиями, то есть разрушение самобытной русской культуры: Московский университет, Благородный пансион, Главное народное училище, частные школы, музыка, оркестры и театры, состоящие из крепостных и иностранцев.

Петербург, который основал Петр I, дабы оттуда, как «солнце», освещающее и согревающее земной шар с недостижимой высоты, проводить реформы, Руничу не нравился. Замысел новой столицы был, по его мнению, «вполне естественный и неоспоримый», так как в Москве, окруженный «невежественными и суеверными элементами»⁶⁹⁴, которые он хотел просветить, Петр подвергался опасности неповиновения своим мерам. Рунич признавал, что город на Неве, быстро развивавшийся с самого основания, стал великолепнейшей столицей Европы, но в нем не было древних храмов, как в Вене или в Париже. Петропавловский собор нельзя считать городской церковью, Казанский собор, построенный согласно замыслу Павла I по образцу собора св. Петра в Риме, «далеко не так величествен, как должен бы быть»⁶⁹⁵. К тому же Петербург был европейской столицей, а Москва – исконно русским городом и оплотом московских розенкрейцеров.

Екатерину II Рунич осуждал за то, что она преследовала русского просветителя и видного масона ордена розенкрейцеров Н.И. Новикова, которому он был обязан своими знаниями и взглядами. Рунич писал: «По доносу генерал-губернатора князя Прозоровского Екатерине II и дом общества, и все при нем заведения: аптека, типография и библиотека, разграблены и разорены; сам же

Новиков заперт в Шлиссельбургскую крепость, откуда освобожден был в конце 1796 г., при вступлении на престол Императора Павла I»⁶⁹⁶. Именно в Павле, воспитаннике старого масона Н.И. Панина, близком друге известных масонов А.Б. Куракина, С.И. Плещеева и Н.В. Репнина, «братья» видели истинного государя, который займется «исправлением нравов» общества и будет подавать своим поведением пример всем подданным. Более того, цесаревич был образцом человека, высокого развития филантропических стремлений⁶⁹⁷, вел безукоризненную личную жизнь (Рунич опровергал слухи о связи Павла I с фрейлиной Е.И. Нелидовой, называя его «хорошим мужем»⁶⁹⁸).

Отставной попечитель полагал, что царствование Павла I было спасительным для России: «Вступив на престол, он хотел искоренить все злоупотребления. Он был строг, но справедлив, требователен, но всегда щедр и великодушен»⁶⁹⁹. «Павел был большого ума и воли, по времени своему просвещенный и образованный, но непреклонный государь»⁷⁰⁰. Он восстановил в государстве порядок, определил правила престолонаследия, столь необходимые для спокойствия империи, и пресек взяточничество чиновников и военных, «самое пагубное зло»⁷⁰¹ при Екатерине II. По словам Рунича, он продолжал эру Петра I, но поддерживал русское и вводил только «иностранное полезное»⁷⁰²; его нововведения были необходимы и неизбежны. Павел стремился восстановить русские порядки в стране: «думал переделать Россию в русскую»⁷⁰³. Рунич делал акцент на том, что он сделал первый шаг со времен Петра I для укрепления единства православной церкви и положения духовенства. Павел прекратил притеснения старообрядцев и раскольников и пресек старообрядческие предрассудки, так как хорошо знал историю своей страны⁷⁰⁴ (их участие в бунте Пугачева). Он первым из русских монархов стал давать духовенству ордена, наперсные кресты, митры и бархатные камилавки в знак отличия.

После воцарения Павла масоны заняли ведущие посты в государстве: «Вступление свое на престол он ознаменовал тем, что щедро награждал преданных ему слуг»⁷⁰⁵; ожидалось, что император разрешит возобновить ранее прерванные

⁶⁹⁶ Рунич Д.П. Источники масонства. С. 9.

⁶⁹⁷ Денежные ссуды и прирезка земли для крестьян в Гатчине, устройство полиции и пожарной части, против ростовщичества, госпиталь, фельдшер, бесплатная школа. См.: Вернадский Г.В. Указ. соч. С. 284 – 318.

⁶⁹⁸ Рунич писал, что «дружба императрицы Марии Федоровны к г-же Нелидовой, продолжавшаяся до кончины императрицы, и документы, найденные после смерти Нелидовой, не оставляют ни малейшего сомнения в том, что ее отношения к императору были основаны единственно на взаимном уважении и дружбе». Рунич Д.П. Из записок Д.П. Рунича // РС. 1901. № 2. С. 334.

⁶⁹⁹ Там же. С. 345.

⁷⁰⁰ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 120. Л. 101.

⁷⁰¹ Рунич Д.П. Россия от 1633 до 1854 г. С. 13.

⁷⁰² Его же. Из записок Д.П. Рунича // РС. 1901. № 1. С. 61.

⁷⁰³ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 7. Л. 3.

⁷⁰⁴ Рунич Д.П. Из записок Д.П. Рунича // РС. 1901. № 1. С. 69.

⁷⁰⁵ Его же. Россия от 1633 до 1854 года. С.16. А.Б. Куракин был назначен генерал-прокурором, Н.В. Репнин – фельдмаршалом и орденским канцлером, И.С. Плещеев – гене-

⁶⁹⁰ Его же. Сто лет тому назад. С. 283.

⁶⁹¹ Его же. Россия от 1633 до 1854 г. С. 14.

⁶⁹² Там же. С. 5.

⁶⁹³ Там же. С.12.

⁶⁹⁴ Рунич Д.П. Из записок Д.П. Рунича // РС. 1901. № 2. С. 352.

⁶⁹⁵ Там же. С. 334.

масонские работы. Масоны уделяли большое внимание развитию внешней политики, но не военным, а дипломатическим путем, препятствуя развязыванию войн и останавливая революции. Поэтому царствование Павла I, которое, по его мнению, впервые обратило на себя внимание Европы, Рунич превозносит не случайно. Сына Екатерины Великой он сравнивал с Наполеоном, утверждая, что им руководили «непреодолимые силы, которые человеческими силами остановить было невозможно»⁷⁰⁶. Он полагал, что Павел знал всю европейскую политику и у него был план, заключающийся в том, чтобы помочь Австрии, Италии, Голландии и Швейцарии и остановить «бешеную революцию»⁷⁰⁷ во Франции.

Павел, по словам Рунича, мог бы стать одним из величайших монархов и заставил бы забыть правление Петра I, так как «имел сердце самое мягкое, ум проницательный и всеобъемлющий, учение и сведения самые основательные, в обращении был ласков и доступен»⁷⁰⁸. С другой стороны, до самой смерти Екатерины II он был уверен, что страна его ненавидит, поданные не хотят, чтобы он стал монархом и замышляют его убить. Поэтому, замечал Рунич, вступив на трон и желая упрочить свою власть, Павел был одновременно чрезмерно щедр и жесток, «расточал благодеяния и внушал страх», стал подозрительным и недоверчивым. Современники считали его «нравственно больным»⁷⁰⁹, строгая дисциплина и мелочная требовательность императора относительно военной службы и гражданских властей раздражали людей.

Павел не оправдал надежд масонов. В 1797 г. он издал указ, предписывающий применить закон 1794 г. (о запрете масонских лож) «со всевозможной строгостью» и постепенно стал удалять от себя всех масонских друзей: они получали командировки за границу или вне Петербурга и уже не пользовались прежним влиянием⁷¹⁰. Окончательное охлаждение между масонами и Павлом наступило после принятия им звания гроссмейстера Мальтийского ордена, который в то время находился в состоянии соперничества со значительной частью масонства, хотя и принадлежал к нему⁷¹¹. Рунич утверждал, что убийство Павла было организовано Англией: «Она увидела, что может сделать Россия, а согласие ее с главою Франции угрожало владениям ее в Индии и морскому преобладанию»⁷¹². Граф Пален стоял во главе «партии недовольных»⁷¹³, которую финансировали из-за границы⁷¹⁴. Ру-

рал-адъютантом, И.В. Лопухин – действительным статским советником при особе императора. Он также получил исключительное право пользоваться архивами Тайной канцелярии.

⁷⁰⁶ Там же. С. 19.

⁷⁰⁷ Там же. С. 18.

⁷⁰⁸ Там же. С. 16.

⁷⁰⁹ Рунич Д.П. Из записок Д.П. Рунича // РС. 1901. № 1. С. 62.

⁷¹⁰ См.: Брачев В.С. Масоны и власть в России. М. 2003. С. 225.

⁷¹¹ Рунич считал, что причиной уничтожения древнего ордена, приверженцы которого «выказывали постоянно самые благородные, бескорыстные, истинно рыцарские чувства», было неприятие новых идей и владение островом Мальта, которым мечтала завладеть Англия. Рунич Д.П. Из записок Д.П. Рунича // РС. 1901. № 2. С. 326.

⁷¹² Рунич Д.П. Россия от 1633 до 1854 года. С. 19.

⁷¹³ Его же. Из записок Д.П. Рунича // РС. 1901. № 2. С. 343.

⁷¹⁴ Вероятно, так Рунич пытался обелить масонов, хотя известно, что в масонских кругах вызревал план заговора с целью покушения на жизнь Павла и замены его сыном Алек-

нич резко осуждал заговорщиков: «нет ничего бедственнее для государства заговора против Государя и произвольная перемена его», так как монарх дается от Бога и нельзя нарушать Божественную волю: «люди планов Божьих не изменят»⁷¹⁵.

С воцарением Александра I, по словам Рунича, началась новая эра, «век Александра»⁷¹⁶, так как совершившееся возрождение страны не имело ничего общего с прошлым. Александр мечтал дать стране конституцию, «это была его излюбленная мечта», выношенная под влиянием его учителя Ф.Ц. Лагарпа. Рунич не одобрял выбор Екатерины II, считая, что Лагарп был «чужд России», придерживался несвойственных для страны философских взглядов и политических принципов и недоброжелательно относился к ее политическому строю и религии, которую католическая и протестантская Европа считали ересью.

Воспитателя Александра Н.И. Салтыкова Рунич называл «хитрым и ловким царедворцем», который не получил необходимого воспитания, чтобы руководить умом и сердцем будущего императора, более того – он ставил свои личные интересы выше общественных. После коронации Александр, по словам Рунича, «был окружен врагами своего отца и теми лицами, которые возложили венец на его голову»⁷¹⁷. Окружение молодого императора было сплошь масонским; с помощью М.М. Сперанского, В.П. Кочубея и других Александр готовил введение в России конституции⁷¹⁸. Главным ее зачинщиком Рунич считал Сперанского, который «как человек весьма ловкий и тактичный»⁷¹⁹ был мастером своего дела. По мнению Рунича, Россия не была готова к принятию конституции, которая могла стать «падением царства царствующего рода Романовых, и русского царства, перегерманизованного Петром I и обусурманенного Екатериной II»⁷²⁰. В связи с этим против Сперанского зрел заговор во главе с вдовствующей императрицей и великой княгиней Екатериной Павловной. Его второстепенными участниками Рунич называл графа Армфельда, графа Ф.В. Ростопчина и А.Д. Балашова.

Он считал министерства и Госсювет («Камеру депутатов»⁷²¹) несвойственными для России формами управления, учреждение госсювета – мерой бесполезной, которая только ослабила силу Сената. Он думал, что Александр проводил реформы под влиянием английской филантропии, которую назвал

сандром, так как уже в 1798 г. император воспринимался масонами не как друг и покровитель, а как враг, препятствующий достижению целей. См.: Брачев В.С. Указ. соч. С. 226 – 227.

⁷¹⁵ Рунич Д.П. Россия от 1633 до 1854 г. С. 17.

⁷¹⁶ Его же. Из записок Д.П. Рунича // РС. 1901. № 2. С. 345.

⁷¹⁷ Там же. С. 348.

⁷¹⁸ Все члены «дружеского» кружка были высокопоставленными функционерами масонского ордена: А. Чарторыжский (член Великого Востока Польши, петербургской ложи), П.А. Строганов, (член Великого Востока Франции), В.П. Кочубей (ложе «Минерва»), Н.Н. Новосильцев (ложе «Соединенные Друзья»), А.Д. Балашов (ложи «Соединенные Друзья», «Палестина»), А.Н. Голицын (ложе, руководимая О.А. Поздеевым), М.М. Сперанский. См.: Бакунина Т.А. Знаменитые русские масоны. М. 1991.

⁷¹⁹ Рунич Д.П. Из записок Д.П. Рунича // РС. 1901. № 2. С. 353.

⁷²⁰ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 28. Л. 2 об.

⁷²¹ Рунич Д.П. Россия от 1633 до 1854 г. С. 25.

«пагубной»⁷²², ведущей к потере самобытности. В целом, оценивая первую половину царствования Александра I, Рунич считал основами его правления либерализм, философские идеи и религиозный индифферентизм.

Свободомыслие и распушенность нравов привели к тому, что масонство при Александре было терпимо, так как не входило в разряд обществ, внушавших правительству опасения. В первые годы произошло возрождение, однако появились ложи, во главе которых стояли гроссмейстеры, не знавшие даже катехизиса масонства. На собраниях они пили шампанское и надеялись, что принадлежность к масонскому ордену поможет им продвинуться по службе. Единственным «подходящим к целям масонства» было, по мнению Рунича, маленькое братство А.Ф. Лабзина, который видел в масонстве только первую ступень, необходимую для достижения нравственного совершенства⁷²³. К счастью, отмечал Рунич, никаких серьезных перемен не произошло. В России остался «первобытный быт»⁷²⁴: верхние слои переоделись, в народе, не поддавшемся влиянию «европейского неверия», философии и «вольномудства», остался древний дух и быт России.

Рунич полагал, что Отечественная война 1812 г. открыла глаза императору, одержавшему победу благодаря помощи Спасителя и сделавшему все, чтобы спасти страну, свой престол и народную честь от французского ига – вплоть до сожжения старинной столицы. Он доказывал, что Ф.В. Ростопчин сжег Москву по приказу императора Александра I, чтобы не позволить московской знати, воспитанной на подражании Франции, стать пособниками Наполеона. Россия, по утверждению Рунича, осталась неприкосновенна потому, что Наполеону не удалось лишить ее национального характера. Низшее сословие России всегда ненавидело иностранцев, вследствие различий в религии, нравах, языке и во взглядах. Русский народ, по словам Рунича, в 1812 г. действовал не под влиянием патриотических чувств и не для защиты своих политических прав – он просто защищал свой дом от «хищных зверей, пришедших пожрать его овец и кур, опустошить его поля и житницы»⁷²⁵. Победа была одержана только с помощью Провидения, в честь чего было решено построить храм на Воробьевых горах, и «вся Россия увидела в своем монархе помазанника Божьего»⁷²⁶.

Следующим шагом новой политики второй половины царствования было учреждение Библейского Общества в 1812 г., ставшего своего рода легальной масонской ложей и первым экуменическим обществом в России. По мнению Рунича, Общество «оскорбляло народные нравы и оспаривало прерогативы [православного – Е.А.] духовенства»⁷²⁷, так как православные архиереи уравнивались с представителями других вероисповеданий. Священный Союз он называл «сокровенным замыслом души» Александра I. Это была «божественная поэзия», которую не могли оценить профаны: «Ни один из царей русских до дома

⁷²² Там же. С. 20.

⁷²³ Рунич Д.П. Из записок Д.П. Рунича // РС. 1901. № 4. С. 158.

⁷²⁴ Его же. Россия от 1633 до 1854 г. С. 20.

⁷²⁵ Его же. Из записок Д.П. Рунича // РС. 1901. № 3. С. 612.

⁷²⁶ Там же. № 4. С. 163.

⁷²⁷ Там же. № 5. С. 375.

Романовых и до императора Александра не думал о введении в России действительного христианского быта как у гуситов; ограничивая покровительство поддержанием одного богослужения и обрядов, перенесенных с востока»⁷²⁸. Руководствуясь принципами Священного Союза, Александр I соединил религию и образование в ведомстве одного Министерства духовных дел и народного просвещения под руководством А.Н. Голицына. Рунич называл его учреждение мерой «весьма мудрой»⁷²⁹, но министерство должно было быть исключительно православным, чтобы устранять злоупотребления в администрации церкви и направлять народное образование, наблюдать за неприкосновенностью догмата, чистотою правил православной церкви.

Вторую половину царствования Александра I Рунич оценивал как время упадка духа и размножения «англо-филантропических» заведений. Подражание европейской политике «с религиозными учреждениями православия и английской филантропией»⁷³⁰ он осуждал. Запрещение масонских лож в 1822 г., когда появился указ, предписывающий всем должностным лицам давать подписку о непринадлежности ни к каким тайным обществам Рунич объяснял тем, что масонство потеряло доверие правительства⁷³¹. Он писал: «Под названием масонов тайно держались и антихристианские политические собрания. Какая человеческая добросовестность и правда устоят пред увлечениями и хитростью Дьявола и агентов его из человеков, волков проходящих между ближними своими в овечьих кожах?»⁷³². В конце царствования Александр I, «пресыщенный славой, могуществом, наслаждениями», по мнению Рунича, «впал в томление и скуку» и не хотел больше принимать непосредственного участия во внутреннем управлении. Он передал власть в руки А.А. Аракчеева, который стал посредником между императором и администрацией. Обладая непреклонным, прямым характером, он не участвовал в придворных интригах и был предан Александру. Военные поселения, полагал Рунич, были полезны для «цивилизации»⁷³³ народа и стали школой для комплектования армии.

Отъезд Александра в Таганрог Рунич называл действительным отречением от царствования. Если бы император остался жив, то не вернулся бы на престол: «он почувствовал свое бессилие и не хотел более оставаться игральным духом мира и орудий сего»⁷³⁴. Рунич видел во всех предприятиях Александра ве-

⁷²⁸ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 28. Л. 2.

⁷²⁹ Рунич Д.П. Из записок Д.П. Рунича // РС. 1901. № 5. С. 378.

⁷³⁰ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 28. Л. 3.

⁷³¹ Существуют различные версии о причинах запрета масонства: сходное направление политики европейских дворов против активного участия вольных каменщиков в европейских революциях с целью захвата «всемирного владычества», резкое ослабление в 1820-е гг. позиций вельможной группировки, орудием которой было масонство, действия русской православной церкви. См.: Кондаков Ю.Е. Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция. СПб. 1998. С. 126; Брачев В.С. Указ. соч. С. 271; Соловьев О.Ф. Русское масонство. 1730 – 1917. М. 1993. С. 124; К закрытию масонских лож в России. Сообщ. А.А. Лебедева // РС. 1912. № 3. С. 528.

⁷³² Рунич Д.П. Источники масонства. С. 9.

⁷³³ Его же. Из записок Д.П. Рунича // РС. 1901. № 3. С. 630 – 633.

⁷³⁴ Его же. Россия от 1633 до 1854 г. С. 27.

личие; «щедрый и великодушный от природы, как его отец, он чувствовал и понимал все стремления благородной души»⁷³⁵, но он, как и Павел, был окружен плохими советчиками; воспитание, полученное Александром, по мнению Рунича, не подходило его характеру. Более религиозно-нравственное воспитание помогло бы ему избежать многих ошибок, в том числе и супружеской неверности. Он считал, что ни одно из преобразований 25-летнего царствования Александра I «не упрочилось, то, что было сделано в 1802 г., переделывалось в 1812 г., одна система сменялась другой»⁷³⁶. Император не смог осуществить свои планы, поскольку хотел идти вперед слишком быстрыми шагами, тогда как подобным преобразованиям должно предшествовать «возрождение страны»⁷³⁷. Его, по мнению Рунича, должен был добиться Николай I. Ему предстояло развить природный русский дух, величие, силу и могущество России.

Предпосылкой великого царствования Николая I Рунич считал тот факт, что он все сделал в соответствии с традициями и законами. Николай вступил на престол только после того, как получил вторичное законное отречение Константина, оставшегося в Варшаве начальником польской армии и управлявшего королевством до своей смерти. «Так только уничтожились все запутанности, которые с восшествием Екатерины II на престол грозили России вечным потрясением при всякой перемене царствования, чего уже теперь никак и никогда случиться не может, ибо наследие престола утверждено на прямом, законном основании и обеспечено лицами, имеющими на него неопровержимые права»⁷³⁸. Рунич верил, что именно Николай I отбросит «пагубную подражательность его предшественников»⁷³⁹, которые, начиная с Петра I, не знали духа русского народа и проводили свои преобразования чтобы заставить говорить о себе Европу. Это привело к тому, что люди с удовольствием читали журнальные статьи и фельетоны, пронизанные вольнодумством, посещали театр и слушали «безбожную музыку». Большая часть страны жила настоящей минутой, и исследование какой-либо глубокой мысли и в голову никому не приходило: «Одни торговцы художники, купцы, эконоы и промышленники знакомятся и изучают занимающие их предметы»⁷⁴⁰.

Рунич был озабочен тем, что «народы со времен Петра выпели, как растения в теплицах. Что тянулось по сто лет, то ныне созревает в 25»⁷⁴¹. Подобная быстрота развития народов, по его мнению, опасна тем, что развивающиеся общества не успели укрепить государственную основу, тем, что выйдя за свои естественные границы, они были не в состоянии удерживать новые свои рубежи.

Главным врагом России во внешней политике Рунич считал Англию, «небольшой клочок земли в Европе»⁷⁴², который, увеличивая свое могущество,

преследовал цель стать всемогущим и непобедимым, обогатиться за счет других и владычествовать над миром. Британия хотела обессилить Россию, которая превосходила ее пространством, народонаселением и средствами. По словам Рунича, она поддерживала «безбожное правление» в Турции, чтобы ослабить позиции России на Востоке, не дать ей завладеть Дарданеллами, истребить русский флот и захватить русские владения в Крыму и Бессарабии. В случае необходимости Англия разожгла бы войну и в Европе, где бунтующие народы (венгры, итальянцы, поляки), всегда готовы восстать против поработивших их государств, чтобы приобрести свою национальность и независимость.

Поэтому Николаю было необходимо решить и эту проблему, но, по убеждению Рунича, он был человеком «очень ограниченных способностей, своевольным, упрямым»⁷⁴³, «недальновидным» и «злым гордецом»⁷⁴⁴. Его царствование было «смесью, составлявшейся из теорий Петра I, Екатерины II, Павла I и Александра»⁷⁴⁵ и «кончилось пагубной трехлетней войной с Англией, Францией и Турцией»⁷⁴⁶. Рунич не дождался отмены крепостного права, но считал, что основа общественного благосостояния и могущества России при Александре II будет заключаться в уничтожении крепостного права, провозглашении права народного представительства при сохранении неограниченного самодержавия и полицейского всемогущества государства, «защищаемых церковной анафемой»⁷⁴⁷. Он верил, что Россия, обретя свои величие, силу и могущество, «должна наконец оказаться тем, чем ей быть назначено»⁷⁴⁸.

§ 4. Формула государственного и общественно-политического устройства России Д.П. Рунича: «вера», «единодержавие» и «национальный дух»

Рунич выступал за «божественное установление монархии»⁷⁴⁹. Он считал, что цари назначаются Богом и доказывал это цитатами из Божественных Откровений: «Им [Богом – Е.А.] цари царствуют! И сильные правду пишут»⁷⁵⁰. Только «единодержавие»⁷⁵¹, по его мнению, было залогом стабильного существования общества, при котором монарх – источник верховной власти: «В правлении самодержавном, отеческом, все части ведомы владыке: без него ничего не имеет силы закона»⁷⁵². При этом престол монарха должен быть наследственным. Он объяснял это тем, что царские роды веками привыкли любить свой народ и страну, как детей и семью, а народ – царей, как отцов се-

⁷³⁵ Его же. Из записок Д.П. Рунича // РС. 1901. № 4. С. 164.

⁷³⁶ Там же. С. 157.

⁷³⁷ Рунич Д.П. Из записок Д.П. Рунича // РС. 1901. № 5. С. 391 – 392.

⁷³⁸ Его же. Россия от 1633 до 1854 года. С. 23.

⁷³⁹ Там же. С. 2.

⁷⁴⁰ Рунич Д.П. Источники масонства. С. 14.

⁷⁴¹ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 7. Л. 2 об.

⁷⁴² Там же. Д. 9. Л. 35.

⁷⁴³ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 28. Л. 3 об.

⁷⁴⁴ Там же. Д. 120. Л. 101 об.

⁷⁴⁵ Там же. Д. 71. Л. 21 об.

⁷⁴⁶ Там же. Д. 28. Л. 3.

⁷⁴⁷ Там же. Д. 120. Л. 99.

⁷⁴⁸ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 7. Л. 5.

⁷⁴⁹ Там же. Д. 9. Л. 27.

⁷⁵⁰ Рунич Д.П. Россия от 1633 до 1854 года. С. 22.

⁷⁵¹ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 9. Л. 6 об.

⁷⁵² Там же. Д. 7. Л. 3.

мейства. «Формула: Божьею милостью! – естественный быт человеческого общества: глава – начальник: единовластие – и неизменные основания!», «России по положению ее, по пространству государь всегда будет надобен отец, а не банкир или откупщик»⁷⁵³.

Таким образом, самодержавную монархию Рунич признавал идеальной системой государственного устройства. Ее принципы – единовластие Богом избранного главы государства, законное преемственное престолонаследие и законодательство, данное Богом и сосредоточенное в руках правителя. Его основой должно быть Божественное право, из которого проистекают все другие законы, так как оно делает людей братьями, внушает низшим терпение, а высшим умеренность; это гарантия социальной стабильности. Уничтожение данного закона, по его мнению, грозит социальным взрывом, революцией, причиной которых обычно бывают падение нравов и потеря веры. Внушенная с детства вера делает людей покорными судьбе и существующему порядку вещей, дает религиозную стойкость и надежду на будущее. Рунич был уверен, что истинные принципы общества должны быть основаны на религии: «без истинного духа и направления христианского никакое государство, никакое общество, семейство и отдельно человек и всякое человеческое учреждение, стоять не могут»⁷⁵⁴.

Только религия порождает и поддерживает веру, которая держит народ в повиновении. Власть разумна, доказывал Рунич, но не настолько всесильна, как вера; «мероприятия чисто человеческие не способны держать народы в повиновении»⁷⁵⁵. Чтобы выиграть что-нибудь в своих целях и интересах, человеческая политика идет на злодеяния и неоправданные жертвы. Самовластие, по его словам, присваивает людям права, не принадлежащие им по природе, путает правительственный ход дел, изменяя коренные государственные уставы. Рунич считал, что «никакой сан, никакой титул не дают смертному действительного права дать смертному то, что ему не принадлежит, и отнять у него ему прирожденное»⁷⁵⁶. Он выступал против самовластия и своеволия правителей: самодержавие не должно превращаться в самовластие. В то же время Рунич признавал, что и самодержавие не всегда идеально и применяет те же средства, на которых основываются человеческие поступки: ложь, обман, сети, капканы и засады.

Следуя идее сильной государственной власти, он считал, что человек по своей природе греховен («человек рождается злым»⁷⁵⁷) и не может изменить к лучшему государственное устройство. Сама власть, по его словам, должна быть твердой, так как «ослабление повиновения, противного исполнительности, составляет для государства более опасную чуму, чем болезнь, носящая это название»⁷⁵⁸. Это может привести к возмущениям, неповиновению и смуте.

Он был уверен, что образцом для подражания должны быть строжайшая дисциплина и безоговорочное повиновение, которые были свойственны розен-

⁷⁵³ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 71. Л. 16 об.

⁷⁵⁴ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 6. Л. 27.

⁷⁵⁵ Рунич Д.П. Из записок Д.П. Рунича // РС. 1901. № 5. С. 388.

⁷⁵⁶ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 7. Л. 6 об.

⁷⁵⁷ Рунич Д.П. Из записок Д.П. Рунича // РО. 1890. № 9. С. 233.

⁷⁵⁸ Его же. Из записок Д.П. Рунича // РС. 1901. № 4. С. 165.

крейцерам. Высшие начальники ордена, «маги»⁷⁵⁹, оставались неизвестными даже братьям; стоящие внизу беспрекословно повиновались невидимой для них воле сверху. Масоны утверждали, что никогда и ни при каких обстоятельствах люди на земле не могут сделаться равными, ибо неравенство установлено от Бога; надо быть покорными его воле, с власть имущих больше спросится, и они должны делиться с младшими братьями дарами земли, богатством, силой, властью и дарами духа. Поэтому следование общественной иерархии и подчинение установленному Божественным провидением порядку вещей, по мнению Рунича, самое правильное и естественное. На примере «гражданской истории»⁷⁶⁰ всех народов и самого «избранного народа Израиля» он доказывал, что человеческое стремление к независимости пагубно.

Прочность государственного порядка заключалась для Рунича в неизменности сословной иерархии и выполнении каждым сословием своего социального предназначения: «Все люди рождаются быть полезными членами обществ, к которым принадлежат, а не проводить драгоценную молодость в мечтаниях»⁷⁶¹. Семья была образцом нравственности и воспринималась как главная опора общества и залог стабильности государства, так как в ней воспитывались покорность установленному от Бога порядку вещей и смирение.

Рунич считал, что «естественное разделение в обществе»⁷⁶² установилось издревле, существует по сей день и нарушать его нельзя. Правительство не может смешивать права разных сословий, особые заслуги обществу можно вознаграждать, не играя титулами и не касаясь природных прав. Действовать противоположным образом так же естественно, как наряжать в павлиньи перья ворону или разбивать идола, которому молился за исполнение молитвы. По его мнению, в обществе должно существовать разделение на знатных небогатых представителей древних родов, военных армии и флота, чиновников, духовенство, мелких бедных дворян, купцов, художников, ученых, мастеровых, мелких торговцев, поденщиков, фабричных рабочих и земледельцев. Считая, что все люди – братья, Рунич однозначно высказывался против рабства: «Ни один человек на земле не может быть рабом другого! В Спасителе человек Иисуса Христа – все братья!»⁷⁶³. Он разработал умеренный безземельный проект отмены «противоестественного крепостного права», согласно которому сразу после обнародования манифеста об освобождении крепостные крестьяне становились «обязанными»⁷⁶⁴. Они должны были получить личную свободу, а земли, движимая и недвижимая собственность оставались у дворянства. В течение восьми лет крестьяне должны были находиться в «непосредственной зависимости владельцев», помещик мог распоряжаться ими по своему усмотрению. Через восемь лет обязанных крестьян можно было увольнять в вольные хлебопашцы, а

⁷⁵⁹ Его же. Источники масонства. С. 11.

⁷⁶⁰ Его же. Россия от 1633 до 1854 года. С. 2.

⁷⁶¹ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 6. Л. 40 об.

⁷⁶² Там же. Д. 7. Л. 4.

⁷⁶³ Там же. Л. 4.

⁷⁶⁴ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 120. Л. 21.

дворовых на волю, причем наделение землей должно было проходить путем «полюбовных сделок» с помещиком.

Рунич выступал за сохранение и защиту ценностей, традиций, общественных отношений, придерживаясь концепции преемственности и обновления социальных связей, передающихся от предков к потомкам⁷⁶⁵. Он был против представительного правления, так как «народное право и мнимая республика» не могут положить конец своеволию тиранов. По его мнению, представительное правление и демократия передают власть в руки не народа, а нескольких лиц, которые под именем народа используют власть в своих целях.

Правление аристократии Рунич считал ненавистным для народа: «аристократия как на породе, так и на недостатке или богатстве основанных, равно в отношении к массе народа несправедливы и не естественны – и одной силой физической или моральной поддерживать могут»⁷⁶⁶. Допуская, что представительство в идеале должно быть всенародным, он признавал невозможность его осуществления в государствах, где количество народа простирается до нескольких миллионов и на протяжении нескольких сот верст. Например, по его словам, даже в мирских сходках, которые существовали в России в селах и деревнях, участвовали только старшие и хозяева, и побеждал самый сильный, богатый, умный или хитрый.

Рунич саркастически описал «демократический быт», процитировав русского баснописца И.А. Крылова: «мухи, возвращающиеся на плуге с пашни – мы пахали!»⁷⁶⁷. Он воспринимал демократию как «чудовище»⁷⁶⁸, нелепый порядок вещей, когда народ как единственный источник верховной власти отвергает Божественное право и утверждает, что монарх должен царствовать, а не управлять. «Народы не могут по собственному произволу управлять собою»⁷⁶⁹. «Как в царстве Христовом не может быть временного преемника и викария, так и в народах, народного правления! Это естественное противоречие»⁷⁷⁰. Рунич сравнивал государственное управление с мельницей, доказывая, что несколько потоков воды, направленных на одно колесо, которое приводит в движение весь механизм, спутают ход колеса и затопят мельницу. Он восклицал: «Какой же это мельник, который не потоками управляет, а потоки им! То же оказывается и в народных собраниях, парламентах!»⁷⁷¹. Рунич называл парламент «бестолковым собранием» нескольких сотен голов, английский скипетр в руках английских монархов – «скрипкой Паганини без струн», а конституции – «колпаками вольности» и «театральными кровавыми игрищами»⁷⁷². Он полагал, что конституции должны созреть и появиться на свет своевременно, они «не дают-

⁷⁶⁵ Абелинкас Э. Консерватизм как мировоззрение и политическая идеология. Екатеринбург. 1999. С. 30.

⁷⁶⁶ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 7. Л. 17 об.

⁷⁶⁷ ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 71. Л. 16 об.

⁷⁶⁸ Рунич Д.П. Из записок Д.П. Рунича // РС. 1901. № 3. С. 614.

⁷⁶⁹ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 9. Л. 19.

⁷⁷⁰ Там же. Л. 6 об.

⁷⁷¹ Там же. Л. 7.

⁷⁷² Рунич Д.П. Россия от 1633 до 1854 года. С. 17.

ся и не берутся силою»⁷⁷³. По словам Рунича, Россия еще не созрела для конституции, так как для этого необходима определенная политическая культура. Республиканские права (конституционные права – свобода слова и личная свобода) и республиканский образ правления должны быть только в республике, они не могут быть допущены в чисто монархической стране (России), особенно когда нет конституционных прав.

Введение конституции в России поставило бы страну «верх дном» точно так же, как в семье все стало с ног на голову, если бы командовали и советовали и отец, и мать, и дети, и родственники. Рунич доказывал свою мысль на примере введения министерств при Александре I; с их учреждением, по его словам, «началось полуконституционное управление государством»⁷⁷⁴. В сложившейся ситуации русский министр стал безапелляционным хозяином в своем министерстве, подотчетным только монарху и не подлежащим никакому контролю, ибо для успешного функционирования министерств необходимо общественное право. Оно основывается на свободе прессы, несменяемости должностных лиц, гласности и ответственности министров. Поэтому «самой естественной»⁷⁷⁵ формой правления в монархическом государстве Рунич считал коллегиальную.

Без свободы слова и без личной свободы, по его мнению, конституционная форма правления приносит больше вреда, чем пользы. Рунич полагал, что «Русский народ еще не вышел из детства. С ним еще нельзя говорить о свободе. Быть может, его слишком сильно толкали на путь цивилизации»⁷⁷⁶. Он писал, что русский крестьянин живет только для удовлетворения своих физических потребностей и свободы от насилия, свойственной для «растительной жизни». Он не думает о своих политических правах и может быть только орудием в руках благодетельного гения или смелого и отважного заговорщика. Максимум, что Рунич находил допустимым в России – свобода книгопечатания, чтобы каждый смог сделать свой выбор, что ему читать. Он был твердо уверен: цензура не сможет изменить сложившуюся ситуацию в стране, так как «цензоры не маги»⁷⁷⁷. Только вера, по его мнению, может помочь русским людям сделать правильный выбор, ибо отсутствие веры в Европе привело к вольнодумству и развращению. Но даже защита господствующей веры, церкви и восстановление законности самодержавного правления не могли быть оправданием для бунта.

Рунич выступал против народных восстаний, «покушений народов к освобождению от ига и от тиранства»⁷⁷⁸. По его словам, нет ничего бедственнее для государства, чем заговор против его главы или его народное избрание. В таком случае, объяснял Рунич, выбор нового государя определяется личными интересами и выгодами, но монарх дается от Бога и нельзя нарушать Божественную волю. Он считал, что заговоры устраивают «злые крамольники», ко-

⁷⁷³ Его же. Из записок Д.П. Рунича // РС. 1901. № 2. С. 350.

⁷⁷⁴ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 7. Л. 2.

⁷⁷⁵ Рунич Д.П. Из записок Д.П. Рунича // РС. 1901. № 2. С. 349.

⁷⁷⁶ Там же. № 3. С. 626.

⁷⁷⁷ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 7. Л. 6.

⁷⁷⁸ Рунич Д.П. Россия от 1633 до 1854 года. С. 4.

торые только и ищут случая, чтобы поднять восстание против власти. По его убеждению, Россия не может быть взволнована внутренними смутами и ей нечего опасаться политических переворотов, так как она очень большая по протяженности страна и состоит из слишком разнородных элементов. Невежество большинства ее жителей, варварство полудиких народов, различие вероисповеданий и степени образования не допускают мысли, чтобы в России могла появиться оппозиция, объединенная единством взглядов, целей и образа мысли: «России нечего опасаться, кроме отдельных вспышек, которые можно быстро устранить при помощи картечи»⁷⁷⁹.

Революция, по мысли Рунича, это последствие деморализации и разврата целого народа, причины ее – неверие, вольнодумство и падение нравов. Люди посвящали все свое время увеселениям, зрелищам и «вольнодумным» сочинениям писателей эпохи Просвещения, что привело к падению нравов и распространению неверия и «богоотступничества». «Так называемую французскую революцию подготовили во Франции вековые суеверия и неверие. Слепленние и вольнодумство людей смеживали глаза правителей, когда же злонамеренные крамольники возбуждают страсти и разгорячат воображение невежественных масс народа и черни, – нет ничего легче произвести революцию»⁷⁸⁰. Рунич был уверен, что все беды человечества, революции, происходят из-за свободы ума и воли: «ум и воля, освобожденные от безусловного повиновения догматам и действий по оному, горячи и принимают, и распространяют новизну, воцаряющую независимость»⁷⁸¹. Даже цель уравнивать сословия не может оправдать революцию и привести к нужному результату, так как «когда человеком руководствует личный интерес, то общественных интересов для него не существует», «обо всех может заботиться только один Бог»⁷⁸².

Рунич считал, что революцию невозможно предотвратить, так как это следствие внутренней эволюции, которой подвержены как государства, так и физические тела. Невозможно помешать развитию процесса, также как невозможно заставить тело, катящееся по наклонной плоскости, покатиться в обратном направлении, чтобы предотвратить его падение. Человек не в силах воспрепятствовать этой эволюции, он может только предупредить ее, ослабить ее развитие и предвидеть, чем она закончится.

Он считал, что естественный прогресс – это «умственная» и «нравственная» категория, которая свойственна для развития любого человеческого общества. Этот прогресс, по мнению Рунича, должен создаваться «мудрым правлением двигающего гуртом»⁷⁸³, то есть твердой мощной рукой единовластного правителя. «Contract Social» невозможен в обществе, стоящем на низком уровне развития и руководимом более просвещенным и независимым государством, так как общественный договор возможен только среди равных.

⁷⁷⁹ Его же. Из записок Д.П. Рунича // РС. 1901. № 1. С. 55 – 56.

⁷⁸⁰ Его же. Россия от 1633 до 1854 года. С. 7.

⁷⁸¹ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 6. Л. 31.

⁷⁸² Рунич Д.П. Из записок Д.П. Рунича // РС. 1901. № 1. С. 61.

⁷⁸³ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 6. Л. 3 об.

Рунич полагал, что следование традиции порождает патриотизм и гармоничную жизнь в рамках национальной культуры⁷⁸⁴. Россия, ее исторические «происшествия нисколько не похожи на происшествия, волновавшие другие государства в Европе»⁷⁸⁵. В России никогда не было политических заговоров, были только народные бунты, возбужденные Отрепьевыми и Пугачевыми и подавленные могущественной самодержавной властью, а если, при Петре I и при Екатерине II, и открывались заговоры, то в них не участвовал народ, хотя злоупотребления правителей и рабство крепостных крестьян были невыносимы. Рунич объяснял это тем, что русские не могут стать европейцами, французами или англичанами в силу своего духа.

Он считал, что у каждого народа есть свой «национальный дух» или национальность, свойства которых «изменяются в немце, итальянце, турке и русском по климату и воспитанию»⁷⁸⁶. Коренное чувство человека впитывается с рождением и передается из рода в род; это «родовое начало» человека. Национальность, по словам Рунича, суть внутренне присущее качество людей, дарованное Богом, которое невозможно изменить: «во всю жизнь ни англичанин, ни турок, ни француз, ни армянин, ни немец, ни грек, хотя бы они и родились в России, не будут русскими, и наоборот!»⁷⁸⁷. Рунич был убежден, что сделать из русского немца, француза или англичанина, как делают солдат, мастеровых или художников, невозможно⁷⁸⁸.

Русский народ, по его мнению, сильный и покорный, он искренне верит в божественное установление власти. Его коренные свойства – покорность религии, самодержавию и закону и его «патриархальный дух»⁷⁸⁹: беспрекословное повиновение власти и семейный уклад. Подчеркивая уникальность России и русского народа, Рунич называл Россию единственной страной, сохранившей описываемую им совершенную систему государственного устройства с древности: «Один самодержец всероссийский остается образцом самодержавия, Богом ему дарованного, а не конституцию; и сему народ русский еще верует»⁷⁹⁰. В традициях русского религиозно-мессианского национализма он считал Россию также единственной носительницей «истинного христианства», «Православного Царства», от которой зависит возрождение человечества⁷⁹¹.

⁷⁸⁴ Патриотизм – это не только любовь к родине и преданность ей, он имеет и политическую направленность, связь с идеей национальной государственности (патриотическое сознание возможно только в едином государстве), национальный аспект (патриотизм – самосознание этнической общности), личностное начало (индивидуальный выбор человека – патриота), всеословность (он охватывает все слои общества). См.: Кром М. Сколько лет патриотизму // Родина. 1994. № 10. С. 16 – 20.

⁷⁸⁵ Рунич Д.П. Россия от 1633 до 1854 года. С. 25.

⁷⁸⁶ Там же. С. 2.

⁷⁸⁷ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 6. Л. 26 – 26 об.

⁷⁸⁸ Рунич Д.П. Россия от 1633 до 1854 года. С. 20.

⁷⁸⁹ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 7. Л. 3.

⁷⁹⁰ Там же. Д. 9. Л. 27 об.

⁷⁹¹ Дугин А. Консервативная революция М. 1994. С. 141.

Как уже говорилось, Рунич выступал за развитие отечественной промышленности, торговли и сферы обслуживания⁷⁹², но был против торговли предметами роскоши, называя их «болезнью сердца и ума», излишеством и мотовством, грозящими гибелью, наряду с французскими нравами и революционными идеями. Также он не одобрял откупа, которые считал «бичом России»⁷⁹³, так как они дают прибыль тому, кто их «снимает», но очень «стеснительны» для потребителей.

Таким образом, проанализировав взгляды Рунича, можно сказать, что он представил свой масонско-националистический вариант консервативной формулы государственного и общественно-политического устройства России: «вера», «единодержавие» и «национальный дух». «Вера» была для него самой сущностью «истинного христианства», к которому человека готовили масонство и «наружная религия» (православная церковь). Своеобразие России и русского народа, по убеждению Рунича, заключалось в «национальном духе», внутренне присущем качестве людей, дарованном Богом. Коренными свойствами русского народа он считал покорность религии, самодержавию и закону, историческую ролью России – возрождение человечества на основе «истинного христианства».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Фигура Д.П. Рунича в течение многих лет воспринималась историками крайне отрицательно. Благодаря суду над профессорами Петербургского университета в 1821 г. он приобрел репутацию «мракобеса» и «гасильщика просвещения». Рунич обвинил в «неблагонадежности» выдающихся профессоров и ученых столичного университета, все его преобразования негативно отразились на уровне обучения и прервали развитие научной деятельности этого учебного заведения. Необходимо подчеркнуть, что попечитель в своей деятельности в начале 20-х гг. XIX в. руководствовался определенными взглядами и представлениями, сформировавшимися в течение его предшествующей жизни.

Он сделал карьеру, пройдя путь от сержанта лейб-гвардии Семеновского полка до действительного статского советника. Во многом такому карьерному росту способствовали его масонские связи, начиная со службы на дипломатическом поприще и заканчивая службой в Министерстве духовных дел и народного просвещения. До начала 1820-х гг. Рунич принадлежал к либеральному крылу русских розенкрейцеров, которое возглавлял Н.И. Новиков. Его ранним представлениям был присущ сплав мистических и масонских понятий. Это объясняется тем, что он воспринял мистические и масонские воззрения своих учителей Н.И. Новикова, А.Ф. Лабзина и И.В. Лопухина. Но уже тогда в его взглядах возникла консервативная и даже охранительная окраска.

В наибольшей степени она проявилась во время его деятельности на посту попечителя Петербургского учебного округа в первой половине 1820-х гг. Рунич выступил против преподавания ряда наук, за ограничение «чужеземного» влияния и распространения просветительских идей, полагая, что учебные заведения должны уделять больше внимания нравственной части обучения. Так он пытался реализовать масонскую педагогическую утопию, заключавшуюся в религиозно-«моральном» воспитании, с упором на христианство («наружная религия» – православная церковь) и масонство («внутренняя церковь»), хотел ввести в стране двухступенчатую систему образования. По убеждению Рунича, школа прежде всего должна была воспитывать нравственность и религиозность с помощью масонства и христианства и только потом давать «полезные» знания. Кроме того, школа должна была стать национальной, в ней могли преподавать только русские учителя те предметы, которые не противоречат «духу христианства» и «монархическому принципу».

Для столь серьезных изменений в системе преподавания Руничу было необходимо заручиться поддержкой высокопоставленных лиц, усилить собственные полномочия как попечителя и создать свою «партию» в университете. Рунич играл главную роль в организации суда 1821 г. и в дальнейших преобразованиях в округе, но действовал не один, а вместе со своими единомышленниками: ректором университета Е.Ф. Зябловским и директором университета Д.А. Кавелиным. Действия его определялись приказами министра духовных дел и народного просвещения А.Н. Голицына, утвержденными Александром I.

⁷⁹² ИРЛИ. РО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 111. Л. 12 об.

⁷⁹³ Рунич Д.П. Из записок Д.П. Рунича // РС. 1901. № 2. С. 339 – 340.

Главное правление училищ одобряло действия и тактику попечителя до тех пор, пока взгляды Рунича совпадали с правительственной политикой.

Свои воззрения, сформировавшиеся в течение первой четверти XIX в. в царствование Александра I, Рунич изложил уже после отстранения от службы. Его произведения были посвящены трем основным темам: религии, образованию и истории. В них отразились основные тенденции развития масонства, неоднородного и противоречивого явления, приобретшего в этот период консервативную окраску. Рунич выступал за сохранение и защиту ценностей, традиций, общественных отношений и был против конституции, представительного правления и демократии, признавая идеальной системой государственного устройства самодержавную монархию. Он представил свой, масонско-националистический вариант консервативной формулы государственного и общественно-политического устройства России, которая провозглашала основополагающими понятиями «веру», «единодержавие» и «национальный дух».

Таким образом, Рунич в своих взглядах на религию, государство, общество и историю соединил идеи масонов и консерваторов, придав им националистический оттенок. Сфокусировав в своем мировоззрении три идейных течения Александровского царствования – масонство, консерватизм и национализм, он стал ярким выразителем масонского консерватизма первой половины XIX в. Исследование его жизни и деятельности позволило уточнить представление о генезисе русского консерватизма, национализма, масонства и политики в области просвещения и цензуры в первой четверти XIX в.

Под влиянием различных общественно-исторических событий (Французская революция, наполеоновская агрессия, правления Павла I и Александра I) точек соприкосновения, существовавших во взглядах русских масонов и консерваторов, стало больше. К сближавшим их постулатам, таким как антирационализм, легитимизм, признание социального неравенства и иерархичного построения общества, добавились идея сильной государственной власти, неприятие политических прав и свобод личности, антииндивидуализм, признание приоритета интересов общества в целом. Вследствие этого в первой четверти XIX в. в России появилось такое течение, как масонский консерватизм.

Оно было неоднородным, в нем существовало несколько направлений: умеренный консерватизм А.Ф. Лабзина, «ультраконсерватизм» О.А. Поздеева и П.И. Голенищева-Кутузова и национализм Д.П. Рунича. Выделение этих направлений условно, консервативная идеология и практика были достоянием отдельных лиц и кружков. Тем не менее, исследование масонского аспекта идеологии русского консерватизма в царствование Александра I через призму общественно-политической деятельности и взглядов Д.П. Рунича представляется полезным для изучения тенденций развития консерватизма, национализма, масонства и политики в области просвещения и цензуры в первой четверти XIX в.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Архивные материалы

ОР РГБ. Ф. 41. Булгаковы. К. 127. Д. 28. Рунич Д.П. Письма к Булгакову К.Я. 17 лл.

К. 144. Д. 12. Чернышева, гр. А.Р. Урожденная Ведель. Письмо к Руничу Д.П. 2 лл.

ОР РГБ. Ф. 75. В.И. Саитов. К. 2. Д. 52. Рунич Д.П. Биографическая справка с выписками из формулярного списка о службе 1819 г. и генеалогические сведения. 15 лл.

К. 3. Д. 11. Тургенев А.И. Письмо к Руничу Д.П. 1 л.

ОР РГБ. Ф. 548. Кавелины. К. 1. Д. 6. Кавелин Д.А. Отношение к Руничу Д.П. о жаловании преподавателям иностранных языков в Благородном Пансионе Санкт-Петербургского университета. 1 л.

К. 1. Д. 7. Рунич Д.П. отношение к Кавелину, Дмитрию Александровичу о назначении чрезвычайного собрания С.-Петербургского университета (22 октября 1831г.). 2 лл. Присоединено: письмо К.Д. Кавелина к Балугьянскому, Михаилу Андреевичу (23 октября 1821г.). 2 лл.

Д. 8. Кавелин Д.А. Отношение к Руничу Д.П. о месте собраний Правления Санкт-Петербургского университета. 2 лл.

ОР РГБ. Ф. Полт. К. 11. Д. 33. Рунич Д.П. Записка с возбужденного в 1821 г. против профессоров Санкт-Петербургского университета. 12 лл.

К. 45. Д. 26. Рунич Д.П. Библиографические заметки и объявление о поступлении в продажу произведения Рунича. 6 лл.

ОР РНБ. Ф. 656. Рунич Д. П. Д. 1. Рунич Д. П. Сведения о происхождении Руничей и о ближайших родственниках Д. П. Рунича, записанные им для сына Павла. 1855. 4 лл.

Д. 3. Рунич Д. П. «В сиротстве нашем, в страданье...». 1835. 1 л.

Д. 6. Рунич Д. П. О народном обучении в России до кончины Екатерины II (1796 ноябрь 6) в царствование императора Павла I и ко времени учреждения министерств в царствование императора Александра I. 1852. 40 лл.

Д. 7. Рунич Д. П. Министерства в России. Статья. 1855. 19 л.

Д. 8. Рунич Д. П. Богословские вопросы (о чистилище и мытарствах после смерти). 1853. 17 лл.

Д. 9. Рунич Д. П. 1836ый год в 1855м году (статья по поводу сочинения Юнга-Штиллинга «Sieges Geschichte»). 1 часть. Петербург. 1855. 44 лл.

Д. 13. Глинка С.Н. Письма Д.П. Руничу. 1806, 1825. 10 лл.

Д. 20. Ключарев Ф.П. Письма Д.П. Руничу. 1802 – 1809. 31 лл.

Д. 21. Козодавлев О.П. Письма (66) Д. П. Руничу. 1812 – 1819. 86 лл.

Д. 24 – 26. Лабзин А. Ф. Письма Д. П. Руничу. 1809 – 1821.

Д. 27. Левшин Василий. Письма (6) Д. П. Руничу. Можайск, Козельск, Белев. 1812 – 1815. 6 лл.

Д. 37. Попов В.М. Письма Д. П. Руничу. 1812 – 1814. 143 лл.

Д. 45. Хомяков П. Письма Д. П. Руничу. 1811 – 1821. 17 лл.

Д. 46. Черевин А.Д. Письма Д.П. Руничу. 1804 – 1813. 79 лл.

РГАЛИ. Ф. 40. Оп. 1. Д. 5. Предписание попечителя Петербургского университета Рунича Д.П. ректору университета Зябловскому Е.Ф. и последнего Арсеньеву К.И. о прекращении его лекций в университете ввиду их «неблагонадежности». Копии 1820 г. 2 лл.

РГАЛИ. Ф. 263. Д. 2. Приказы Павла I императора Руничу о старообрядцах. 10 лл.

Д. 3. Секретные приказы Павла I императора и Лопухина Петра Руничу П.С. о наблюдении за Зубовым П.А. и гр. И. Зубовым. 12 лл.

Д. 4. Приказы Александра I императора Руничу П.С. о старообрядцах (с пометками Рунича П.С.). 6 лл.

Д. 5. Донесение сенатора Рунича П.С. Александру I императору о передаче ему всех секретных указов и рескриптов. 1 л.

РГАЛИ. Ф. 1150. Рунич Д.П. (1778 – 1860) – литератор, мемуарист, попечитель Петербургского учебного округа. Оп. 1. Д. 1. В.Ф. Адлерберг. Письмо к Д.П. Руничу. 2 лл.

Д. 2. Канкрин Е.Ф. Письмо к Руничу Д.П. 1 л.

Д. 3. Левашев П. Письмо к Руничу Д.П. 1 л.

Д. 8. Репнин. Письмо к Руничу Д.П. 1 л.

Д. 7. П.Б. Пасек. Письмо к Д.П. Руничу. 1 л.

Д. 9. Кавелин Д.А. Отношение и записка Руничу Д.П. о подчинении Правлению Санкт-Петербургского университета правлений университетского пансиона и экономического комитета, учрежденного в 1811 г. при Санкт-Петербургской гимназии. Декабрь 1821 г. 8 лл.

Д. 10. Рунич Д.П. Отношение к Кавелину Д.А. о рассмотрении просьбы о квартире гувернера Санкт-Петербургской гимназии Фридерци. 4 лл.

РГАЛИ. Ф. 1863. Коллекция формулярных списков. Оп. 1. Д. 53. Послужной список Рунича Д.П. действительного статского советника. 1819, 1825. 8 лл.

РГИА. Ф. 468. Кабинет ЕИВ МИДв. Оп. 39. Секретное дело № 65. Д. 289. от 22 мая 1841 г. – 21 июня 1860 г. 42 лл.

РГИА. Ф. 472. Канцелярия МИДв. Оп. 33. Д. 37. По отношению генерал-адъютанта Адлерберга, с препровождением бумаг, оставшихся после смерти действительного статского советника первого класса князя А.Н. Голицына 15 апреля 1845 – 26 апреля 1845 гг. 26 лл.

РГИА. Ф. 733. Департамент Народного Просвещения Министерства Народного Просвещения. Оп. 20. Д. 40. Дело об учреждении в университете кафедры древностей и теории изящного и о назначении А.И. Галича на эти кафедры. 1826 – 1835. 26 лл.

Д. 276. Дело о произведенном попечителем Петербургского учебного округа Д.П. Руничем «разборе» студентов Петербургского университета, лишении части их права преподавания, по обвинению в академической неуспеваемо-

сти и политической неблагонадежности, и о рассмотрении ходатайств уволенных о восстановлении их в правах. 1822 – 1827. 196 лл.

Д. 288. Дело о представлении попечителем учебного округа Д.П. Руничем сведений о мероприятиях проведенных им для искоренения «разрушительных» начал и о реорганизации им дворянского пансиона при университете и других петербургских учебных заведений. 1823 – 1830. 153 лл.

Д. 312. О сокращении некоторых расходов по Санкт-Петербургскому университету и об увольнении от службы профессоров М.А. Балугьянского, К.Ф. Германа и адъюнкта К.И. Арсеньева. 1824. 39 лл.

РГИА. Ф. 734. Ученый комитет министерства Народного просвещения. Оп. 1. Д. 728. Журнал Ученого комитета Главного Правления Училищ за 1820 г. 1820. 282 лл.

Д. 729. Журнал Ученого комитета Главного Правления Училищ за 1821 г. 1821. 283 лл.

РГИА. Ф. 797. Канцелярия обер-прокурора синода. Оп. 2 Д. 9756. 23 лл.

РГИА. Ф. 1263. Комитет министров. Оп. 1. Д. 416. Прошение вдовы сенатора Рунича, о пожаловании ей пенсии от 14 июня 1825 г. Л. 807 – 808.

Д. 418. По всеподданнейшему прошению вдовы сенатора Рунича, о пожаловании ей пенсии от 14 июня 1825 г. Л. 424 – 425.

Д. 467. Об удалении д.с.с. Рунича от управления Санкт-Петербургским учебным округом. 14 июня 1826 г. Л. 421 – 433.

РО ИРЛИ. Ф. 263. Архив Рунича Д.П. Оп. 1. Д. 2. Рунич Д.П. Журнал во-
яжа из Вены в Санкт-Петербург. 1799. 37 лл.

Д. 4. Рунич Д. П. Вопросы, требующие утвердительного или отрицательного ответа. 1838. 3 лл.

Д. 28. Рунич Д.П. Нечто о царствованиях: Екатерины II, Павла I, Александра I и Николая I с 1762 до 1856 – 93 года. 1856. 6 лл.

Д. 31. Рунич Д.П. Мысли о небе. 1808. 50 лл.

Д. 32. Рунич Д.П. Благотворения природы, глава II. 1809. 44 лл.

Д. 37. Рунич Д.П. Дух христианства. 1818 – 1819. 61 лл.

Д. 38. Рунич Д.П. Философия. 1820. 51 лл.

Д. 39. Рунич Д.П. Записка об управлении в 1812, 1813, 1814 и 1815 годах Московским почтамтом, поданная Голицыну и Аракчееву. 1816 – 1817. 18 лл.

Д. 43. Рунич Д.П. Руководство детям как стоять при отправлении Божественной литургии и молиться во время оной. 1833. 53 лл.

Д. 48. Рунич Д.П. взгляд на состояние мира при рождении Иисуса Христа. 1833. 147 лл.

Д. 69. Рунич Д.П. Массонские сочинения. 1836 – 1857. 145 лл.

Д. 71. Тетрадь со статьями, заметками и черновыми письмами. 1856 – 1858. 24 лл.

Д. 91. Рунич Д.П. Начальное руководство из химии. 1807. 32 лл.

Там же. Д. 92. Рунич Д.П. Сочинение «Предположение о введении на
русском языке химических названий». 1807. 58 лл.

Д. 95. Рунич Д.П. Тетрадь со статьями. 1817, БД. 28 лл.

- Д. 102. Рунич Д.П. Об образовании юношества, в умственном и нравственном отношениях. 1834. 4 лл.
- Д. 103. Рунич Д.П. Об образовании юношества. Часть II. 1835 – 1836. 49 лл.
- Д. 105. Рунич Д.П. Введение к сочинению, в Царском Селе начатому и оконченному о образовании юношества в учебных заведениях. 1838. 13 лл.
- Д. 111. Рунич Д.П. О торговле, откупах и паровом, водяном и сухопутном сообщениях. б/д. 31 лл.
- Д. 112. Рунич Д.П. Романтическое путешествие, или собрание писем Д.Р. к барону Д-у. сочиненные Д.Р. в 1777 году. 1794 – 1795. 18 лл.
- Д. 120. Рунич Д.П. Статьи его и стихотворения. 1842 – 1856. 129 лл.
- Д. 128. Собрание разных переводов о материях герметических, философских, химических и физических, переписанных Д.П. Руничем: 1812. 48 лл.
- Д. 129. Рунич Д.П. Переводы для дружеского совета с иностранного языка. 1813. 29 лл.
- Д. 151. Рунич Д.П. Черновые наброски и выписки из сочинений философского и религиозно-богословского характера. На русском и французском языках. 1816, 1821. 49 лл.
- Д. 155. Собрание выписок, замечаний, извлечений из разных книг, сочинений и статей, относящиеся к богословию, философии, нравственности, политике, собранные в разные годы Руничем Д.П. 1816. 16 лл.
- Д. 157. Поучения или слова Святого Дмитрия митрополита Ростовского и Ярославского, говоренные в разное время, переписанные Руничем в 1818 г. 1818. 111 лл.
- Д. 158. Творения Святого Дмитрия митрополита Ростовского, Ярославского, переписанные Руничем Д.П. 1818. 64 лл.
- Д. 177. Рунич Д.П. Объяснительная записка в Ученом комитете о книге «Подражание Иисуса Христу» с извлечениями из последней. 1820. 4 лл.
- РО ИРЛИ. Оп. 2. Д. 542. Рунич Д.П. Черновики писем к Голицыну А.Н. 1811 – 1850 гг. 198 лл.
- РО ИРЛИ. Оп. 3. Д. 12. Рунич Д.П. Мнение о книге профессора Петербургского университета Куницына «Право естественное». 1820. 25 лл.
- Д. 13. Рунич Д.П. О главных началах, которые для устава цензуры принять следует. 1820. 2 лл.
- Д. 27. Рунич Д.П. Отзывы о разных книгах, присланных Ученым Комитетом на рассмотрение Руничу. БД. 87 лл.
- Д. 29. Рунич Д.П. Переписка и донесение его по Московскому Почтамту. 1812. 83 лл.
- Д. 30. Рунич Д.П. Рапорты почтмейстеров. 1812. 107 лл.
- Д. 31. Рунич Д.П. Письма и донесения его к Козодавлеву О.П. 1812. 162 лл.
- Д. 32. Бумаги, касающиеся управления Руничем Московским почтамтом и его эвакуацией в 1812 г. из Москвы. 98 л.
- Д. 33. Реестры и ведомости, вывезенные из почтамта 2 сентября 1812 г., суммы, [посылки] и прочее. 20 лл.
- Д. 38. Рунич Д.П. Письма и донесения его к Козодавлеву О.П. 1813 – 1818. 112 лл.

- Д. 42. Рунич Д.П. Мнения и докладная записка его о ланкастерских училищах взаимного обучения, предложенное Магницким. 1820 – 1825. 34 лл.
- Д. 43. Рунич Д.П. Донесение и записка о расстройстве университета. 1821 – 1826. 146 лл.
- Д. 46. Рунич Д.П. Речь, произнесенная в чрезвычайном собрании императорского Санкт-Петербургского университета. 29 августа 1821. 6 лл.
- Д. 49. Рунич Д.П. Записка о положении университета и зависящих от него заведений с присовокуплением мнения Рунича о преобразовании их. 1822. 18 лл.
- Д. 50. Рунич Д.П. Записка о настоящем положении Санкт-Петербургского университета и зависящих от него учебных заведений, с присовокуплением мнения исправляющего должность попечителя о преобразовании оных. 1822. 20 лл.
- Д. 51. Рунич Д.П. Мнение члена Главного Правления Училищ исправляющий должность попечителя СПб. Университета его учебного округа касательно общего предначертания училищ русских наставников и воспитателей. 1822 – 1825. 26 лл.
- Д. 52. Рунич Д.П. Донесение об устройстве университетской гимназии министру Духовных Дел и Народного Просвещения [Голицыну]. 1822. 23 лл.
- Д. 65. Рунич Д.П. Записка о профессорах, преподающих лекции вне университета и занимающих другие должности. 1824 – 1826. 4 лл.
- Д. 79. Рунич Д.П. Об уставе Петербургского университета. 1820е гг. 33 лл.
- Д. 80. Рунич Д.П. Замечания на устав Санкт-Петербургского университета. 4 лл. 1820. 263 лл.
- Д. 85. Рунич Д.П. Донесение министра Духовных Дел и Народного Просвещения о казенном студенте Порфирии Смирнове, подлежащем исключению из университета за появление в пьяном виде. 3 лл.
- Д. 88. Рунич Д.П. Записка о состоянии петербургского гимназии до ее преобразования. 4 лл.
- Д. 90. Рунич. Материалы для речи при вступлении в должность попечителя [Санкт-Петербургского учебного округа]. 10 лл.
- Д. 93. Рунич Д.П. План военно-учебного заведения для образования благородного юношества. 4 лл.
- Д. 94. Рунич Д.П. «Pro memoria». Отрывки, касающиеся до внутреннего устройства гимназии и высшего училища. 70 лл.
- Д. 96. Рунич Д.П. Расписание дней и учения, по которому я занимаюсь с детьми, живущими в Подмосковье с 1816 г. октября месяца. 1 лл.
- Д. 156. Порядок законоучения для гимназии, высшего училища, университетского благородного пансиона, гимназий и низших училищ Санкт-Петербургского учебного округа. 14 лл.
- Д. 157. Бумаги Комитета по Учреждению Училищ Взаимного обучения. БД. 32 лл.
- РО ИРЛИ. Оп. 4. Д. 1. Указ Павла I о направлении Рунича Д.П. переводчиком в Вену на русском и немецком языках. 1797. 2 лл.
- Д. 7. Свидетельства консисторий о вступлении в брак Рунича Д.П. и о рождении и крещении его детей. 1826. 14 лл.

Д. 23. Рунич Д.П. Бумаги, касающиеся злоупотреблений произведенных им при постройке университетских зданий и суда над ним. 1826 – 1827. 147 лл.

Д. 24. Рунич Д.П. Записка о ходе дела по представлению отчетов в употребленных суммах на производство строений при университете и других высших учебных заведениях. 1827. 67 лл.

Д. 25. Рунич Д.П. Записка о ходе дела по представлению отчетов в употребленных суммах на производство строений при университете и других высших учебных заведениях. Чистовая копия. 1828. 4 лл.

Д. 26. Обвинение, предъявленное Руничу Д.П. Правлением Петербургского университета. 1828. 1 л.

Д. 43. Рунич Д.П. Тетрадь с материалами о расстройстве университета. 1821-1826. 145 лл.

Д. 53. Рунич Д.П. Записка о расширении университета и необходимости покупки смежного с университетом дома. 1822. 22 лл.

Д. 54. Рунич Докладная записка его на имя министру Народного Просвещения об университетских постройках и расходованных на них суммах. 1823. 17 лл.

Д. 55. Рунич Д.П. Докладная записка о перемещении университета и переустройстве здания Благородного Пансиона. 1823. 16 лл.

Д. 70. Рунич Д.П. Записка о действиях по должности попечителя Санкт-Петербургского учебного округа и председателя комитета высочайше утвержденного для производства строений при здешнем университете и других высших учебных заведениях. 1825 – 1826. 56 лл.

Д. 72. Рунич Д.П. Записка министру Народного Просвещения о состоянии университета, университетского благородного пансиона и училищ петербургского округа. 1826. 52 лл.

Д. 74. Рунич Д.П. Записка о его деятельности по должности попечителя Петербургского учебного округа и председателя комитета, учрежденного для производства строений при университете и других высших учебных заведениях. 1826. 91 лл.

Д. 75. Рунич Д.П. Его донесения Министру Народного Просвещения по обследованию учебных заведений. 1826. 14 лл.

Д. 76. Рунич Д.П. Докладные записки его на имя министра Народного Просвещения. 1826. 38 лл.

Д. 77. Рунич Д.П. Записка о положении университета и зависимых от него учебных заведениях и возможных преобразованиях их. 1826. 44 лл.

Опубликованные источники

Бёме Я. *Cristosophia* или Путь ко Христу / Я. Беме. – СПб.: А-cad, 1994. – 224 с.
Витберг А.Л. Записки академика Витберга / А.Л. Витберг // Русская Старица [Далее: РС]. 1872. № 1. – С. 22.

Воейков А.Ф. Дом Сумасшедших / А.Ф. Воейков // РС. 1874. № 9. – С. 583 – 589.

Герцен А.И. Собрание сочинений в 30 томах / А.И. Герцен [Ред. С.А. Макашин]. – М.: Издательство Академии наук, 1954. – Т. 1: Произведения 1829 – 1841 гг.

Геце П.П. фон. Из записок П.П. фон Геце. Князь А.Н. Голицын и его время / П.П. фон Геце // Русский Архив [Далее: РА]. 1902. № 9. – С. 66 – 107.

Глинка М.И. Записки / М.И. Глинка // М.И. Глинка. Литературное наследие / М.И. Глинка. – Т. 1: Автобиографические и творческие материалы. – М.; Л.: Наука, 1952. – 347 с.

Греч Н.И. Записки о моей жизни / Н.И. Греч. – М.; Л.: Книга, 1930. – 392 с.

Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни / М.А. Дмитриев. – М.: НЛО, 1998. – 750 с.

Записка Д.П. Рунича о масонстве / Д.П. Рунич // Титов А. Автобиографические записки Д.П. Рунича / А. Титов. – Ярославль: Издательство Волгоградского государственного университета, 1909. – С. 8 – 14; Литературный вестник. – 1904. – Т. 8. – С. 106 – 119.

Записка отставного действительного советника, ордена св. Владимира второй степени большого креста и св. Анны кавалера, Рунича / Д.П. Рунич // Записки Императорской Академии Наук. – СПб. – 1871. – Т. XX. – Кн. 1. – С. 61 – 69; Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. – Т.9: Исторические бумаги, собранные К.И. Арсеньевым приведены в порядок ак. П. Пекарским. – СПб. – 1872. – С. 61 – 69.

Историческая записка о деле Санкт-Петербургского университета // Чтения в обществе истории и древностей российских (Далее: ЧОИДР). 1862. – Кн. 3. – С. 179 – 205.

Краткая записка об Общем собрании Императорского Санкт-Петербургского университета 3, 4 и 7-го числа ноября сего 1821 г. (в ГПУ) // ЧОИДР. 1866. – Кн. 3. – С. 61 – 66.

Лопухин И.В. Масонские труды: Духовный рыцарь. Некоторые черты о внутренней церкви / И.В. Лопухин. – М.: Алетейя, 1997. – 148 с.

Никитенко А. А.И. Галич, бывший профессор философии в Санкт-Петербургском Университете / А. Никитенко // Журнал министерства народного просвещения (Далее: ЖМНП). 1869. № 1. – С. 1 – 100.

Отчет Императорской Публичной Библиотеки за 1900 - 01 гг. - СПб., 1905. – 215 с.

Панаев В.И. Воспоминания / В.И. Панаев // Вестник Европы. 1867. Т. 3. – С. 193 – 270; – Т. 4. – С. 72 – 178.

Письма Д.П. Рунича 1821 и 1842 гг. в бумагах О.М. Бодянского, сообщ. Титовым / Д.П. Рунич // ЧОИДР. 1905. – Кн. 1. – С. 1 – 12.

Письма Н.И. Новикова к Д.П. Руничу / Н.И. Новиков // РА. 1871. № 6. – С. 1014 – 1094.

Письма И.В. Лопухина к Д.П. Руничу / И.В. Лопухин // РА. 1870. № 7. – С. 1215 – 1236.

Письма Н.М. Карамзина к Д.П. Руничу / Н.М. Карамзин // Отчет Императорской Публичной Библиотеки за 1870 г. – СПб. – 1872. – С. 54 – 60.

Приложения // Исследования и статьи по литературе и просвещению / М.И. Сухомлинов. – СПб.: А.С. Суворин, 1889. – Т. 1: Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I. – С. 337 – 396.

Родионов Д.Н. Д.П. Рунич (материалы для его биографии). Воспоминание Д.Н. Родионова / Д.Н. Родионов // РС. 1898. – № 8. – С. 389 – 391.

Рунич Д.П. Два письма Д.П. Рунича – В.М. Попову. Д.П. Рунич (материалы для его биографии) / Д.П. Рунич // РС. 1898. – № 8. – С. 391 – 394.

Рунич Д.П. Замечания достойные эпохи жизни и вообще ход оной / Д.П. Рунич // Титов А. Автобиографические записки Д.П. Рунича / А. Титов. – Ярославль: Издательство Волгоградского государственного университета, 1909. – С. 4 – 8.

Рунич Д.П. Источники масонства или Свободного Каменщичества / Д.П. Рунич // Титов А. Автобиографические записки Д.П. Рунича / А. Титов. – Ярославль: Издательство Волгоградского государственного университета, 1909. – С. 8 – 14.

Рунич Д.П. Письмо к издателям «Русского инвалида» / Д.П. Рунич // РС. 1896. № 10. – С. 135 – 138.

Рунич Д.П. Россия от 1833 до 1854 г. Взгляд на древний и новый ее быт (из бумаг Д.П. Рунича) с предисловием А. Титова / Д.П. Рунич. – Ярославль: тип. В.В. Шнеер, 1909. – 29 с.

Рунич Д.П. Сто лет тому назад. (Из записок Д.П. Рунича) / Д.П. Рунич // РС. 1896. № 11. – С. 281 – 319.

Рунич Д.П. Записки Д.П. Рунича / Д.П. Рунич // Русское Обозрение. 1890. № 8. – С. 188 – 253; № 9. С. 186 – 256; № 10. С. 794 – 809.

Рунич Д.П. Из записок Д.П. Рунича / Д.П. Рунич // РС. 1901. № 1. – С. 47 – 77; № 2. – С. 325 – 357; № 3. – С. 597 – 633; № 4. – С. 153 – 168; № 5. – С. 373 – 394.

Санкт-Петербургский университет в первое столетие его деятельности (1819 – 1919). Материалы по истории Санкт-Петербургского университета (1819 – 1835). – Пг., 1919. – Т. 1. – 345 с.

Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – Т. 1. Царствование Александра I. 1802 – 1825. – СПб.: тип. Министерства народного просвещения, 1864. – 465 с.

Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения 1803 – 1864. – СПб.: тип. Министерства народного просвещения, 1867. – 460 с.

Торжественный акт Императорского Санкт-Петербургского университета, воследовавший 28 февраля 1823 г., по случаю окончания первого университетского курса // Северный архив. 1823. Ч. 5. № 5. – С. 457 – 560. Первое двадцатипятилетие Императорского Санкт-Петербургского университета. Историческая записка, по определению Университетского Совета читанная Ректором Университета П. Плетневым на публичном торжественном акте, 8-го февраля 1844 г. // Санкт-Петербургский университет 1840–44. – СПб. – 1841 – 1844. – С. 1 – 127.

Пятидесятилетний юбилей Императорского Санкт-Петербургского университета // Всемирная иллюстрация. 1869. Т. 1. № 9. – С. 134 – 139.

Эккартсгаузен К. Ключ к таинствам природы. – СПб.: Азбука, Петербургское Востоковедение, 2001. – 512 с.

Юнг-Штиллинг И.Г. Победная повесть или торжество христианской веры. – СПб.: Морская типография, 1815. – 454 с.

Исследования

Абелинкас Э. Консерватизм как мировоззрение и политическая идеология / Э. Абелинкас. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1999. – 100 с.

Арсеньев К.И. // Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых / С.А. Венгеров. – СПб.: Семеновская Типо-Лит. И. Ефрона, 1889. – Т. 1. – С. 779 – 788.

Базанов В.Г. Ученая республика / В.Г. Базанов. – М.; Л.: Наука, 1964. – 463 с.

Бакунина Т.А. Знаменитые русские масоны. Вольные каменщики / Т.А. Бакунина. – М.: Интербук, 1991. – 140 с.

Бахтурина А.Ю. Зарождение и сущность идеи Священного союза / А.Ю. Бахтурина // Вопросы истории. 1997. № 4. – С. 151 – 155.

Башилов Б. История Русского масонства / Б. Башилов. – М.: Энциклопедия русской цивилизации, 2003. – 639 с.

Бердяев Н. О консерватизме / Н. Бердяев // Бердяев Н. Философия неравенства / Н. Бердяев. – М.: ИМА-пресс, 1990. – С. 109 – 122.

Богданович М.И. История царствования императора Александра I и России в его время / М.И. Богданович. – СПб.: Тип. Ф. Сущинского, 1871. – Т. V. – 475 с.

Боханов А. Самодержавие. Идея царской власти / А. Боханов. – М.: Русское слово, 2002. – 349 с.

Брачев В.С. Масоны и власть в России / В.С. Брачев. – М.: Эксмо, 2003. – 639 с.

Булич Н.Н. Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX в. / Н.Н. Булич. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1912. – Т. 1 – 2. – 712 с.

Введенский А.И. Очерки истории русской философии / А.И. Введенский [и др.]. – Свердловск: Издательство Уральского университета, 1991. – 592 с.

Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II / Г.В. Вернадский. – СПб.: Издательство им. Н.И. Новикова, 1999. – 569 с.

Вишленкова Е. Августейшее масонство / Е. Вишленкова // Родина. 2000. № 3. – С. 52 – 55.

Вишленкова Е.А. Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России в первой четверти XIX века / Е.А. Вишленкова. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 2002. – 439 с.

Вишленкова Е.А. Религиозная политика: официальный курс и «общее мнение» России Александровской эпохи / Е.А. Вишленкова. – Казань: Издательство Казанского государственного университета, 1997. – 189 с.

Григорьев В.В. Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. Историческая записка, со-

ставленная по поручению совета университета / В.В. Григорьев. – СПб.: Тип. В. Безобразова и Ко, 1870. – 679 с.

Гросул В.Я. Зарождение российского политического консерватизма / В.Я. Гросул // Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / Гросул В.Я. [и др.]. – М.: Прогресс-традиция. – 2000. – С. 18 – 105.

Гросул В.Я. Истоки трех русских революций / В.Я. Гросул // Новая и новейшая история. 1997. № 6. – С. 34 – 54.

Гусев В.А. Консервативная русская политическая мысль / В.А. Гусев. – Тверь: Тверской госуниверситет, 1997. – 247 с.

Гусев В.А. Консервативные идеологии / В.А. Гусев // Социс. 1994. № 11. – С. 131 – 132.

Долбилов М.Д. [Рецензия] / М.Д. Долбилов, А.Ю. Минаков // Вопросы истории. 2002. № 3. – С. 161 – 165. – Рец. на кн.: Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / Гросул В.Я. [и др.]. – М.: Прогресс-традиция. – 2000. – 439 с.

Дугин А. Консервативная революция / А. Дугин. – М.: Арктогея, 1994. – 343 с.

Дудаков С. История одного мифа. Очерки русской литературы XIX – XX вв. / С. Дудаков. – М.: Наука, 1993. – 280 с.

Жуковская Т.Н. Правительство и общество при Александре I / Т.Н. Жуковская. – Петрозаводск: Петр. ГУ, 2002. – 217 с.

Зеньковский В.В. История русской философии / В.В. Зеньковский. Париж: YMCA-PRESS, 1989. – Т. 1. – Ч. 1 – 2. – 469 с.

Зорин А. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой четверти XIX в. / А. Зорин. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 416 с.

Игнатъев А. Русская философия истории: романтический консерватизм / А. Игнатъев // Вопросы философии. 1999. № 1. – С. 102 – 121.

Карсавин Л.П. Жозеф де Местр / Л.П. Карсавин // Вопросы философии. 1989. № 3. С. 93 – 101.

Карцов А.С. Правовая идеология русского консерватизма / А.С. Карцов. – М.: Издательский центр научных и учебных программ, 1999. – 222 с.

Кизеветтер А. Ф.В. Ростопчин / А. Кизеветтер // Кизеветтер А. Исторические отклики / А. Кизеветтер. – М.: К.Ф. Некрасов, 1915. – С. 25 – 186.

Кишенкова О.В. Консерватизм как «идеологическая подкладка под власть» / О.В. Кишенкова // Власть. 2000. № 2. – С. 47 – 52.

Кондаков Ю.Е. Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция (1801 – 1825) / Ю.Е. Кондаков. – СПб.: Нестор, 1998. – 224 с.

Кондаков Ю.Е. Государство и православная церковь в России: эволюция отношений в первой половине XIX века / Ю.Е. Кондаков. – СПб.: Российская национальная библиотека, 2003. – 360 с.

Кондаков Ю.Е. Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX века / Ю.Е. Кондаков. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2005. – 344 с.

Консерватизм в России. «Круглый стол» // Социс. 1993. № 1. – С. 45 – 47.

Корсакова В. Д.П. Рунич / В. Корсакова // Русский биографический словарь Романова – Рясковский. – М.: Аспект-пресс, 1999. – С. 592 – 601.

Косачевская Е.М. М.А. Балугьянский и Петербургский университет в первой четверти XIX в. / Е.М. Косачевская. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1971. – 271 с.

Кром М. Сколько лет патриотизму / М. Кром // Родина. 1994. № 10. С. 16 – 20.

Лонгинов М.Н. Новиков и масонские мартинисты / М.Н. Лонгинов. – СПб.: Лань и др., 2000. – 658 с.

Любавин М.А. Книги профессора Куницына / М.А. Любавин // Любавин М.А. Лицейские учителя Пушкина и их книги / М.А. Любавин. – СПб.: Сударыня, 1997. – С. 25 – 71.

Манхейм К. Консервативная мысль / К. Манхейм // Манхейм К. Диагноз нашего времени / К. Манхейм. – М.: Юрист, 1994. – С. 572 – 670.

Мартин А. «Воспоминание» и «пророчество»: возникновение консервативной идеологии в России в эпоху наполеоновских войн и «священного союза» / А. Мартин // Исторические метаморфозы консерватизма. – Пермь: Пермский университет, 1998. – С. 85 – 102.

Мартин А. А.С. Стурдза и «Священный союз» (1815 – 1823 гг.) / А. Мартин // Вопросы истории. 1994. № 1. С. 145 – 151.

Мельгунов С.П. Дела и люди Александровского времени / С.П. Мельгунов. – Берлин: Тип. Куммер и Ко, 1923. – Т. 1. – 341 с.

Минаева Н.В. Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение в начале XIX века / Н.В. Минаева. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1982. – 290 с.

Минаков А.Ю. К постановке вопроса о типологии раннего русского консерватизма / А.Ю. Минаков // КЛИО. 2003. № 3. – С. 26-31.

Минаков А.Ю. М.Л. Магницкий и его роль в борьбе «православной оппозиции» с Библейским обществом / А.Ю. Минаков // Церковь и ее деятели в истории России. – Воронеж: Полиграф, 2001. – Вып. 2. – С. 140 – 144.

Минаков А.Ю. М.Л. Магницкий: к вопросу о биографии и мировоззрении предтечи русских консерваторов XIX века / А.Ю. Минаков // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее. – Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2001. – С. 58 – 91.

Минаков А.Ю. Опыт типологии течений в русском консерватизме первой четверти XIX в. / А.Ю. Минаков // Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления. – Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2004. – С. 267 – 280.

Минаков А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX в. / А.Ю. Минаков. – Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2011. – 560 с.

Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. / С.В. Мироненко. – М.: Наука, 1989. – 328 с.

Михайловский С.И. «Семейные портрет Руничей» А.Л. Витберга / С.И. Михайловский // Страницы истории отечественного искусства. – Вып. 1.

XVIII – первая половина XIX века: сб. научных трудов / Гос. Рус. Музей. – СПб., 1993. – С. 71 – 78.

Морамарко М. Массонство в прошлом и настоящем / М. Морамарко. – М.: Прогресс, 1990. – 289 с.

Мусихин Г.И. противоречие авторитета и традиции в мировоззрении немецких и российских консерваторов / Г.И. Мусихин // Полис. 1999. № 1. – С. 175 – 183.

Мусихин Г.И. Россия в немецком зеркале (сравнительный анализ германского и русского консерватизма) / Г.И. Мусихин. – СПб.: Алетейя, 2002. – 483 с.

Нечкина М.В. Движение декабристов / Н.В. Нечкина. – М.: Издательство Академии Наук, 1955. – 255 с.

Пекарский П. О жизни и трудах К.И. Арсеньева / П. Пекарский // Записки Императорской Академии Наук. – СПб., 1871. – Т. XX. – Кн. 1. – С. 1 – 60.

Первое двадцатипятилетие Императорского Санкт-Петербургского университета. Историческая записка, по определению Университетского Совета читанная Ректором Университета П. Плетневым на публичном торжественном акте, 8-го февраля 1844 г. // Санкт-Петербургский университет 1840 – 44. – СПб., 1841 – 1844. – С. 1 – 127.

Петров Ф.А. Российские университеты в первой половине XIX в. Формирование системы университетского образования / Ф.А. Петров. – Кн. 2. Становление системы университетского образования в России в первые десятилетия XIX в. – Ч. 3. – М.: Издательство Московского государственного университета, 1999. – 247 с.

Познанский В.В. Очерк формирования русской национальной культуры. Первая половина XIX в. / В.В. Познанский. – М.: Мысль, 1975. – 223 с.

Покровский В.И. Н.М. Карамзин. Его жизнь и сочинения / В.И. Покровский. – М.: Тип. Г. Лиснера и А. Гешеля, 1904. – 214 с.

Предтеченский А.В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. / А.В. Предтеченский. – М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1957. – 456 с.

Пресняков А.Е. Александр I / А.Е. Пресняков. – Петербург.: Брокгауз-Ефрон, 1924. – 188 с.

Пыпин А.Н. Массонство в России XVIII и первая четверть XIX в. / А.Н. Пыпин. – М.: Век, 1997. – 488 с.

Пыпин А.Н. Общественное движение в России при Александре I / А.Н. Пыпин. – СПб.: Академический проект, 2001. – 556 с.

Пыпин А.Н. Религиозные движения при Александре I / А.Н. Пыпин. – СПб.: Академический проект, 2000. – 477 с.

Репников А.В. Консервативная концепция российской государственности / А.В. Репников. – М.: Сигналь, 1999. – 161 с.

Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения. 1802 – 1902. / С.В. Рождественский. – СПб.: Издательство Министерства народного просвещения, 1902. – 785 с.

Рождественский С.В. Первоначальное образование Санкт-Петербургского Университета 8 февраля 1819 г. и его ближайшая судьба. / С.В. Рождественский. – Петроград: 2-я Гос. Тип., 1919. – CVI с.

Рормозер Г. Новый консерватизм: вызов для России / Г. Рормозер, А.А. Френкин. – М.: ИФРАН, 1996. – 236 с.

Санкт-Петербургский университет в первое столетие его деятельности (1819 – 1919). Материалы по истории Санкт-Петербургского университета (1819 – 1835). – Пг., 1919. – Т. 1. – 345 с.

Сафонов М.М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII – XIX вв. / М.М. Сафонов. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1988. – 247 с.

Сахаров В.А. Александр I / В.А. Сахаров. – М.: Наука, 1998. – 287 с.

Семевский В.И. История крестьянского вопроса в связи с историей внутреннего быта России с XVIII – первой половине XIX вв. / В.И. Семевский. – Ярославль: Издательство Волгоградского государственного университета, 1885. – 230 с.

Серков А.И. Русское массонство 1731 – 2000 / А.И. Серков. – М.: РОС-СПЭН, 2001. – 1222 с.

Скабичевский А.М. Очерки русской цензуры (1700 – 1863) / А.М. Скабичевский. – СПб.: Ф. Павленков, 1892. – 495 с.

Соколовская Т.О. Возрождение массонства при Александре I / Т.О. Соколовская // Тайные ордена. Массоны. – Ростов-на-Дону: Ростовский госуниверситет, 1997. – С. 240-297.

Соколовская Т.О. Массонские системы / Т.О. Соколовская // Тайные ордена. Массоны. – Ростов-на-Дону: Ростовский госуниверситет, 1997. – С. 341 – 374.

Сокольская И.Б. Консервативна ли консервативная революция. О хронологической шкале политических теорий / И.Б. Сокольская // Полис. 1999. № 6. – С. 119 – 128.

Сокольская И.Б. Консерватизм: идея или метод / И.Б. Сокольская // Полис. 1998. № 5. – С. 49.

Соловьев О.Ф. Массонство в мировой политике XX в. / О.Ф. Соловьев. – М.: РОССПЭН, 1998. – 225 с.

Соловьев О.Ф. Массонство: словарь справочник / О.Ф. Соловьев. – М.: Аграф, 2001. – 432 с.

Спасович В.Д. Пятидесятилетие Петербургского университета / В.Д. Спасович // Спасович В.Д. Сочинения В.Д. Спасовича / В.Д. Спасович. – Т. IV. – СПб.: тип. Стасюлевича, 1891. – 315 с.

Сухомлинов М.И. Исследования и статьи по литературе и просвещению / М.И. Сухомлинов. – СПб.: А.С. Суворин, 1889. – Т. 1: Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I. – 671 с.

Тинина З.П. Самодержавие и русская православная церковь в первой четверти XIX в. / З.П. Тинина. – Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 1999. – 280 с.

Титов А. Автобиографические записки Д.П. Рунича / А. Титов. – Ярославль: Издательство Волгоградского государственного университета, 1909. – 14 с.

Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии / Р.С. Уортман. – М.: ОГИ, 2002. – Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. – 608 с.

Успенский Б.А. Из истории русского литературного языка XVIII – начала XIX века. Языковая программа Карамзина и ее исторические корни / Б.А. Успенский. – М.: Издательство МГУ, 1985. – 215 с.

Фадеева Т.М. У истоков идеологии европейского консерватизма / Т.М. Фадеева // Новая и новейшая история. 1992. № 6. – С. 57 – 76.

Фадеева Т.М. Социальные революции и традиции: точка зрения консерваторов / Т.М. Фадеева // Социс. 1991. № 12. – С. 28 – 34.

Федорова М.М. Традиционализм как антимодернизм / М.М. Федорова // Полис. 1996. № 2. – С. 143 – 145.

Феокистов Е.М. Магницкий. Материалы для истории просвещения в России / Е.М. Феокистов. – СПб.: Тип. Кесневиля, 1865. – 227 с.

Худушина И.Ф. «Александровский мистицизм» и проблема обновления православной церкви с начала XIX в. / И.Ф. Худушина // Из истории философии в России XIX – начало XX в. – М.: Наука, 1990. – 235 с.

Чистович И.А. Руководящие деятели духовного просвещения / И.А. Чистович. – СПб.: Синод. тип., 1894. – 383 с.

Шебунин А.Н. Европейская контрреволюция в первой половине XIX в. / А.Н. Шебунин. – Л.: Сеятель, 1925. – 232 с.

Шильдер Н.К. Император Николай I, его жизнь и царствование / Н.К. Шильдер. – Кн. 2. – М.: Чарли, 1997. – 638 с.

Faggionato R. New and Old Works on Russian Freemasonry // Kritika. Vol. 3. 2002. № 1. P. 111 – 128.

Flynn James T. The University Reform of tzar Alexander I. 1802 – 1835. The Catholic University of America press Washington. D.C. 1988. 433 p.

Martin Alexander M. Romantics, Reformers, Reactionaries: Russian Conservative Thought and Politics in the Reign of Alexander I. DeKalb. 1997. 336 p.

Tompkins Stuart R. The Russian Bible Society – A Case of Religious Xenophobia. The American Slavic and East European review. 1948. Vol. VII. No 3. P. 251 – 268.

Zacek Judith Con En. The Russian Bible Society and the Russian Orthodox Church // Church History. 1966. Vol. XXXV. No 4. P. 411 – 437.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА I. Проблемы историографии и источниковедения	3
§ 1. Историография вопроса	3
§ 2. Источниковая база	16
ГЛАВА II. Начальный период жизни Д.П. Рунича	27
§ 1. Государственная служба и семья	27
§ 2. Масонские связи	37
§ 3. Литературная деятельность начального периода и ранние взгляды	51
ГЛАВА III. Деятельность Д.П. Рунича на посту попечителя Санкт-Петербургского учебного округа.....	65
§ 1. Подготовка «суда» над профессорами Петербургского университета	65
§ 2. «Суд» над профессорами Петербургского университета 1821 г.....	77
§ 3. Преобразование Петербургского университета.....	86
§ 4. Педагогическая утопия Д.П. Рунича.....	94
Глава IV. Общественно-политические взгляды Д.П. Рунича	102
§ 1. Литературная деятельность Д.П. Рунича после отставки от государственной службы.....	103
§ 2. Религиозные представления Д.П. Рунича.....	113
§ 3. Исторические взгляды Д.П. Рунича.....	122
§ 4. Формула государственного и общественно-политического устройства России Д.П. Рунича: «вера», «единодержавие» и «национальный дух»	133
Заключение	141
Библиографический список	143

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

АЗИЗОВА ЕВГЕНИЯ НАИЛЬЕВНА

**ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Д.П. РУНИЧА**

Монография

Издательство «ИСТОКИ»
394026, г. Воронеж, ул. Солнечная, 33
Телефон/факс (473) 239-55-56

Подписано в печать _____. Формат _____.
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная.
Бумага _____. Объем _____ п.л. Тираж _____ экз.
Заказ № _____

Отпечатано в соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета.
Типография «Издат-Черноземье»
394019, г. Воронеж, ул. Краснодонская, 16и
Телефон/факс (473) 200-888-0
e-mail: izdat@icmail.ru
www.izdat-chern.ru

ISBN 978-5-4473-0048-7

© Е.Н. Азизова, 2014

Напечатано из средств гранта Воронежского государственного университета
по Программе стратегического развития

Азизова Евгения,
кандидат исторических наук

В исследовательских работах последнего времени все большее место уделяется истории возникновения русского консерватизма и национализма. Кроме того, достаточно широко стали изучаться масонство и политика в области просвещения и цензуры. Фигура Дмитрия Павловича Рунича (1778 – 1860), его взгляды и общественно-политическая деятельность фокусируют четыре направления исторических исследований. Д.П. Рунич известен как попечитель Петербургского учебного округа и организатор «суда» над профессорами Петербургского университета, которые в 1821 г. были обвинены в религиозном и политическом «вольномудстве». Его деятельность на этом посту в 1820-х гг. изучена относительно полно, однако ни разу не поднимался вопрос о взглядах и идейных мотивах, которыми он руководствовался в данный период. Источниковая база монографии, основанная на архивных материалах, которые впервые вводятся в научный оборот, позволила исследовать взгляды и деятельность Д.П. Рунича. Объединив в своем мировоззрении три идейных течения Александровского царствования – масонство, консерватизм и национализм, он стал ярким выразителем масонского консерватизма первой половины XIX в. Исследование его жизни и деятельности предоставило возможность уточнить генезис русского консерватизма, национализма, масонства и политики в области просвещения и цензуры в первой четверти XIX в.

In recent research work an increasingly prominent place has been given to the history of the Russian conservatism and nationalism. In addition, freemasonry and policy in education and censorship have become widely studied. The figure of Dmitri Pavlovich Runich (1778 - 1860), his views and political activity focus four areas of historical research. D.P. Runich is known as a trustee of the St. Petersburg Education District and the organizer of the "trial" of professors of St. Petersburg University accused of religious and political "dangerous-thinking" in 1821. His work in this position in the 1820s has been researched relatively completely, but the question of attitudes and ideological motives that guided him during this period has never been raised. The source base of the monograph, based on archive materials that are introduced into the scientific use for the first time, allows to explore D.P. Runich's views and activities. His outlook, combining three ideological trends of Alexander's reign - masonry, conservatism and nationalism, typifies strikingly the masonic conservatism of the first half of the XIX century. The study of his life and work provided an opportunity to clarify the genesis of Russian conservatism, nationalism, freemasonry and policy in education and censorship in the first quarter of the XIX century.

